

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ДЕМОКРАТИИ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

С Е Р И Я

С О Ц И О Л О Г И Я

П О Л И Т О Л О Г И Я

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ДЕМОКРАТИИ

Перевод с итальянского
Марка Юсима

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
МОСКВА 2011

ББК 66.1(4)

П 18

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ: В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ: В. Л. Глазычев, Л. Г. Ионин,
В. А. Куренной, Р. З. Хестанов

П 18 ПАРЕТО В.

Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 208 с.

В своей работе «Трансформация демократии» выдающийся итальянский политический социолог Вильфредо Парето (1848–1923) показывает, как происходит эрозия власти центрального правительства и почему демократия может превращаться в плутократию, в которой заинтересованные группы используют правительство в качестве инструмента для получения собственной выгоды. В книгу также включен ряд поздних публицистических статей Парето.

ISBN 978–5–91129–062–7

© Издательский дом «Территория будущего», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Марк Юсим. Парето и демократия</i>	7
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ	23
I. Вводные замечания	25
II. Разрушение центральной власти	37
III. Цикл плутократии	59
IV. Чувства	67
V. Эпилог	78
ПОЗДНЯЯ ПУБЛИЦИСТИКА	95
КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?	97
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ	99
ГРЯДУЩИЕ МЕРЫ	103
РЕАЛЬНОСТЬ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ	106
ЗНАЧЕНИЕ ОДНОГО ЭПИЗОДА	110
АНТИФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ	113
ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ	119
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ	123
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ	128
ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ В РЕЧИ ДОНА СТУРДЗО	132
ДВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯ	142
РАСПАД ГОСУДАРСТВА	152
СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС	155
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ	165
БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ИТАЛЬЯНЦА	187
ФЕНОМЕН ФАШИЗМА	196
СВОБОДА	201

ПАРЕТО И ДЕМОКРАТИЯ

Вильфредо Парето (1848–1923) известен широким образованным массам как автор теории круговорота элит (и принципа, названного его именем, который на самом деле сегодня не вполне однозначно соотносится с его творчеством).

Как ученый, Парето принадлежит к той эпохе, которая своими корнями уходит в позитивизм XIX в., проникнутый верой в науку и ее всемогущество, и вместе с тем открывает период господства технологий и разочарования во всем, начиная с социальных утопий и заканчивая демократией, если говорить только о гуманитарной сфере.

Человек, который оставил больше 30 томов сочинений¹ по социологии, математике, экономике, политологии и т.д., создал себе собственный памятник и, наверное, заслуживает пристального внимания, хотя сегодня в полной мере такое внимание способны уделять только узкие специалисты. Но и для широкой публики многие из оригинальных текстов Парето могут быть интересны. Сегодня его считают классиком социологии; существуют институты и фонды, носящие его имя и посвященные изучению его жизни и деятельности.

Как и многие другие классики, Парето сконструировал систему, основанную не только на общеупотребительных или общепризнанных концепциях, вытекающих из культурной традиции и опыта предшественников, но и на выработанных им самим специальных понятиях и идеях. С одной стороны, такие термины, как «деривации», «остатки», «цикл демагогической плутократии», придают его статьям более однозначный и определенный, с авторской точки зрения, смысл; они лучше выражают авторское «Я», индивидуальный стиль и особое понимание общества; с другой стороны, если эти понятия не входят в общий оборот и не становятся всеобщим достоянием, их не используют другие исследователи, их понимание затруднено, и если сам Парето был вынужден в статьях постоянно давать пояснения и делать ссылки на свой фундаментальный труд по социо-

¹ Pareto V. Oeuvres complètes // Publiées sous la direction de Giovanni Busino. 32 vv. Genève, Droz, 1964–2005.

логии², то сегодня, несмотря на популярность его имени в определенных ученых кругах, эта терминология выглядит еще более экзотичной. Впрочем, таковы недостатки всех систем, по крайней мере систем, описывающих общество; текучесть социальной жизни обрекает на неудачу любые попытки отразить ее в строго однозначных понятиях, и даже если таковые кажутся ясными и определенными, когда становятся привычными, — это лишь иллюзия, о чем никогда не следует забывать. Демократия, капитализм, даже свобода суть слова, впитавшие столько мифологии, что для строгой науки (насколько таковая возможна) их использование становится проблематичным.

Создание систем — традиция XIX–XX веков, попытка сблизить методы гуманитарных наук и естествознания. Практически в известных рамках она осуществима, но эти рамки довольно узки, и при желании выйти за них ученый начинает сильно обманываться. Не об этом ли пишет сам Парето, рассуждая о возможностях и пределах опытного познания, или «логико-экспериментальной науки», как он его называет?

Выведение общих законов истории и социологии выливается в банальность, когда человек пытается формализовать некоторые природные принципы — повторяемость и чередование, природные циклы, рост, упадок и т. п. или в более или менее удачно зашифрованную догматическую схему. Вильфредо Парето отдавал себе отчет в этих трудностях, когда писал статьи, прогнозирующие развитие событий и в той степени, в какой он видел это возможным, приоткрывающие завесы будущего. Его статьи недогматичны; это не значит, что они ненаучны; напротив, постоянные оговорки, отсылки к другим работам и авторам, сомнения, которые могут вызвать и раздражение у читателя, желающего большей определенности, — как раз черты научного подхода.

Сложно до конца четко определить круг интересов Парето и область его деятельности. Принято называть его социологом, так как его главный труд называется «Социология», но ему принадлежит также учебник по политической экономии, не говоря уже о том, что начинал он как инженер. Биография ученого — это хронологический перечень его трудов, но Парето не сразу пришел к занятиям наукой и до конца жизни сохранил пристрастие к политической деятельности и публицистике. Разнообразие его интересов было, предопределено разнообразием судеб членов его семьи и обстоятельств

² Trattato di sociologia generale. V. 1–2. Firenze, 1916. Англ. перев.: The Mind and Society. L., 1935.

жизни. Он родился в Париже в революционном 1848 г. в семье выходца из Генуи Раффаэле Парето. Предки занимались торговлей, как многие генуэзские нобили, и в начале XVIII в. получили титул маркизов. Дед избирался в городские мэры. Парето принадлежали к республиканскому и либеральному лагерю, играли заметную политическую роль в эпоху Наполеоновских войн. В 1836 г. Раффаэле, инженер по профессии, эмигрировал в Париж вместе с другими сторонниками революционной борьбы за объединение Италии; здесь он женился на Мари Маттенье, от которой у него было трое детей. Фриц Вильфрид получил свое имя, вероятно, в связи с событиями, происходившими в 1848 г. в германских землях. Он получил начальное образование и в 1858 г. последовал за отцом в его родной город, а в 1870 г. закончил Туринскую инженерно-техническую школу, старейшую в Италии. Занятия естественными науками и математикой повлияли на общие воззрения будущего ученого и его подход к социальным исследованиям, в частности на его представление о социальном организме как системе динамического равновесия циклических процессов.

С этого времени до 1889 г. Парето служил инженером, в железнодорожной компании в Риме и во Флоренции, затем на сталелитейном заводе. Одновременно он занимается политической экономией и вращается в кругах флорентийской интеллигенции, где в эти годы оживленно дебатировались политические и социальные проблемы эпохи Рисорджименто. Парето сотрудничает с газетами и журналами, где публикует критические статьи. Неудачные попытки баллотироваться в парламент молодой Италии на платформе сторонников свободной торговли укрепили скепсис начинающего ученого в отношении перспектив общественного благоустройства.

В 1889 г. происходят перемены. Парето оставляет инженерную службу и посвящает себя политике и публицистике. Тогда же он женится на Александрине Бакуниной³. Этот брак был неудачным, через 12 лет жена оставила его. Вскоре он нашел себе подругу в лице француженки Жанны Режи, которая была почти на 30 лет моложе его и на которой он женился лишь незадолго до своей смерти в 1923 г., поскольку не мог раньше получить развод. Последние годы XIX в. Парето провел на вилле во Фьезоле близ Флоренции, много писал и выступал с публичными лекциями по политической экономии. Либеральные и отчасти социалистические взгляды помешали

³ Некоторые авторы ошибочно называют ее дочерью Михаила Александровича Бакунина.

ему получить место в итальянском университете. Такая возможность представилась лишь в 1893 г., когда по рекомендации известного экономиста Леона Вальраса он занял его место в университете Лозанны. В 1896 г. выходит фундаментальный труд «Курс политической экономии»⁴, в котором Парето разрабатывает идею маржинальной теории стоимости и проблему экономического равновесия. Он формулирует принцип, согласно которому (в упрощенном виде) во всех обществах соотношение бедных и богатых остается примерно одинаковым. Разработка этого принципа укрепила его пессимизм относительно возможности коренного преобразования общественного устройства, вместе с тем сама идея покоится на убеждении о наличии социальных констант, исследуя которые можно научно прогнозировать ход событий.

В 1898 г. Парето получил наследство, благодаря которому смог купить небольшое имение в Селиньи на Женевском озере. Здесь он провел последнюю треть жизни, продолжая преподавать политэкономии, а затем социологию, но постепенно замыкаясь в обществе гражданской жены и двух десятков ангорских кошек. Он продолжал в течение некоторого времени вести активную научную и публицистическую деятельность, вел переписку с друзьями и коллегами. В статье «Приложение социологических теорий»⁵ он развивает некоторые принципы своей будущей системы волнообразного развития общественных явлений, восходящей к принципам, заложенным еще Макиавелли. В частности, он говорит о типах человеческого поведения, присущих группам политической элиты, — с одной стороны, консервативном и последовательном, с другой — гибком и приспособительном⁶. Эти типажи он называет «львами» и «лисицами» — образы почерпнуты из «Государя», хотя и переосмыслены. Нарастающий пессимизм Парето в отношении радикального преобразования общества обрел форму в новом труде «Социалистические системы»⁷, посвященном критике утопических, на его взгляд, построений Маркса. Следует заметить, что исторический материализм как научную теорию Парето не отвергал и в какой-то степени разделял его положения о наличии социальных законов, об определяющей роли борь-

⁴ Cours d'économie politique. V. 1-2. Lausanne, 1896-1897.

⁵ Un'applicazione di teorie sociologiche // Rivista Italiana di sociologia, 1901. P. 402-456.

⁶ Подробнее см.: Powers Ch. H. The Life and Times of Vilfredo Pareto // Introduction to the Transformation of Democracy. New Brunswick, 1984. P. 8-9.

⁷ Les systemes socialistes. V. 1-2, 1902-1903.

бы классов. В то же время мысль Парето движется от классической политэкономии в сторону зарождающейся новой науки — социологии, по мере того как он осознает важность изменчивой ментальной составляющей в жизни общества, в том числе в хозяйственных отношениях. Эти идеи отразились уже в «Курсе политической экономии» и в коренным образом переработанных его изданиях — «Руководстве по политической экономии» 1907 г. и во французском переводе 1909 г. Парето делает акцент на нелогичности, иррациональности поведения (не исключая экономического) человеческих индивидов и вводит вместо базового понятия «полезность» образованное на греческой основе слово *orhelimité*, которое можно перевести как «желательность». Свои взгляды на общество Парето изложил в уже упоминавшемся капитальном труде «Трактат по общей социологии», написанном в 1907–1914 гг. и изданном в 1916 г. Четыре тома огромного трактата изобилуют ссылками и историческими примерами; история всегда занимала важное место в построениях писателя, который обладал обширными познаниями в этой области. Впрочем, исторические параллели, проводимые в этом труде, используются Парето и в других его работах, в том числе в «Трансформации демократии», как и основные понятия, вводимые для описания социальных процессов. Они образуют более или менее определенную схему, что позволяет отражать систему Парето даже в виде таблиц⁸, однако ее создатель на деле не стремился дать исчерпывающее (тем более полностью формализованное) описание социальной действительности⁹. Некоторая причудливость его терминологии как раз и подчеркивает, может быть, принципиальную неосуществимость подобной задачи. Из главных терминов два («чувства» и «интересы») употребляются в более или менее распространенном значении, но основу построений Парето составляют два класса, на которые делятся социальные явления и которые выражают соотношение между устойчи-

⁸ См. упомянутую выше, в прим. 6, статью Ч. Пауэрса.

⁹ Важное наблюдение Парето заключается в том, что исторически возникшие и используемые социальной наукой понятия и теории являются производными от реальных явлений, но не полностью адекватно описывают их, хотя сегодня могут представляться некими универсальными истинами. В частности, он считает ошибочным возводить внешне похожие феномены — феодалы или синдикаты — к похожим явлениям других эпох (античной клиентеле в первом случае и средневековым гильдиям во втором). Сам он видит в них частные порождения общего закона колебаний распределения власти между центром и периферией.

вым и изменчивым, реальностью и представлениями о ней или объяснениями ее. *Residui* (или в буквальном переводе «остатки») суть проявления реальных чувств, не всегда или смутно осознаваемых, но лежащих в основе поступков. Возможно, это слово родилось как результат математической операции, заключающейся в вычитании из суммы психических феноменов, переживаний и объяснений реальности ее чисто субъективной, объясняющей составляющей, служащей для оправдания поступков. Остаток — это реальность, сущностный мотив, то, что в действительности движет людьми, отражение их истинных чувств. Все прочее, придуманное в ходе культурной и социальной эволюции, выработки идеологий и культов, — это деривации, косвенные производные от действительных чувств. Остатки и деривации соотносятся между собой, как иррациональное и рационализующее, как реальность и способ ее использовать, объективный смысл и более или менее соответствующее ему объяснение. Парето выделил шесть классов остатков, из которых наиболее важны с точки зрения его теории социальной динамики два. Первый тип остатков выражает склонность к комбинациям; это желание перемен, поиск выгоды, готовность манипулировать людьми и цинизм; второй тип — групповая или агрегатная устойчивость (*persistenza di gruppo, di aggregati*) — инертность, консерватизм, упорство в вере. Эти типы поведения более или менее соответствуют упоминавшемуся выше делению на «львов» и «лисиц». Они также лежат в основе объяснения разработанной Парето теории циркуляции элит. Во всех обществах, согласно Парето, существуют элиты и руководимые ими массы. Понятие элиты также не имеет у Парето четкого и однозначного определения. С одной стороны, элиту составляют люди, достигшие выдающегося результата в своем виде деятельности, которым может быть и мошенничество. Знаменательно, что здесь, как и во многих случаях, социолог следует по стопам Макиавелли, который в гл. X кн. I «Рассуждений» говорит об иерархии разного рода профессий и об успехах людей в рамках этих занятий. С другой стороны, элита — это группа, управляющая обществом и концентрирующая в своих руках максимум доходов. В ней могут преобладать, например, «лисицы», которые склонны к методам достижения согласия путем обмана и манипуляций; во времена Парето это была прослойка, называемая им демагогической плутократией. Другой способ управления — силовой — практиковался военно-бюрократическими слоями, оттесненными демагогической плутократией в ходе Первой мировой войны от власти почти во всех странах Европы. Двум лагерям плутократии — военному и демагогическому — Парето противопоставляет клас-

сы землевладельцев и трудящихся. Ни одна из элит не может удерживаться у власти до бесконечности; рано или поздно происходит их смена, но ротация может осуществляться и относительно незаметно, если правящие верхи открыты для проникновения наиболее способных и достойных лиц снизу, и насильственным путем — по мере деградации правящего класса и усиления оттесненных от власти групп. Такая смена тоже происходит не одномоментно, о ее приближении или удалении можно судить по степени ослабления или укрепления центральной власти. Через деградацию элит и их ротацию, через централизацию и децентрализацию осуществляются циклы, определяющие судьбы общества и отражающие множество волнообразных процессов, из которых складывается динамическое равновесие¹⁰.

Важной и существенной чертой системы Парето является подразумеваемая в ней взаимосвязь разных сфер жизни общества, в частности политики и экономики. В последней сфере одним из главных факторов ему представляются колебания между продуктивными видами деятельности и, условно говоря, спекулятивными. К первым он относит производство, выделяя особенно сельское хозяйство, и направленную на него предпринимательскую деятельность. Спекулятивной является игра на бирже и всевозможные виды извлечения денег «из воздуха». Политические отношения и инициативы правительств, начиная с налогов и заканчивая военными действиями, непосредственно воздействуют на экономическое состояние общества, на распределение доходов и прямо или косвенно на производство богатств.

Можно сказать, что построения Парето заполняют некоторые пробелы в марксизме, констатировавшем определенное соответствие политических и других «надстроечных» форм формам общественного производства. Парето пытается на строго научной основе исследовать механизм осуществления незыблемых социальных и исторических законов через сознательную, а лучше сказать: псевдосознательную деятельность людей в ее бытовых, идеологических, политических и прочих проявлениях.

Макиавелли, как уже было сказано, является в этом отношении его прямым предшественником. Заявление Макиавелли о том, что он хочет изучить не воображаемую, а настоящую правду вещей (Государь. Гл. XV), перекликается с программным тезисом Парето о его

¹⁰ Одна из формул Парето характеризует равновесие как состояние, когда никакое улучшение положения одного индивида невозможно без одновременного ухудшения положения других.

верности логико-экспериментальной науке. Собственно, здесь есть некоторое противоречие. Швейцарский социолог, с одной стороны, часто оговаривается, что он не желает вступать в область прогнозов, связанную с зыбкими человеческими чувствами, с деривациями, искаженно отражающими реалии, с суждениями, неизбежно остающимися гадательными из-за отсутствия доступных массовых данных. В то же время его теории покоятся в значительной степени на понимании определяющей важности этих субъективных материй и на попытке их учесть, в том числе путем установления законов и выведения математических формул.

Важным шагом на этом пути было исследование человеческой деятельности как целесообразной и введение понятия «объективная цель»; несмотря на то, что на самом деле все цели субъективны, предпринимаемые действия не всегда ведут к желаемому результату. Осознанные поступки не всегда выражают смысл предпринимаемых действий, который может быть заслонен от индивида другими целями; например, желание утолить голод не обязательно должно осознаваться как задача пополнить энергетические запасы организма. Классы действий, в которых объективная и субъективная цели не совпадают, Парето относил к нелогическим. В своем стремлении ограничиться сферой строгой науки он сам, на мой взгляд, не во всем логичен, когда выводит за ее пределы человеческую субъективность и условия ее формирования. Разделяя опыт и оценку, разграничивая объективное и субъективное, выводя область морали за пределы науки, Парето как бы молчаливо возвращается к раскритикованному им тезису предшествовавших экономистов о том, что все люди одинаково стремятся к единой цели, ведущей к общему благу; у Парето ее место занимает статистически преобладающий своекорыстный интерес. Здесь можно видеть отход от социологического релятивизма, открытие которого он ставил себе в заслугу.

Возможно, здесь нет вопиющего противоречия, но при желании фигуру ангорского затворника можно представить довольно неоднозначной. Это был теоретик, стремившийся увидеть результаты своих изысканий на практике, создатель систем и публицист, радикальный демократ и противник социалистической власти, ученый наблюдатель и обличитель плутократии.

Последние работы Парето являются в некотором смысле итогом его творчества, в них он пытается (как, впрочем, на протяжении всей жизни) приложить к текущим событиям теоретические постулаты, которые были им выработаны. Очерк «Трансформация демократии» представляет собой анализ экономических и социаль-

но-политических процессов, наблюдаемых в послевоенной Европе. С точки зрения его автора, общество вступило в кризис, характеризующийся ослаблением и развалом центральной власти. Парето предвидит большие перемены, завершение одного исторического цикла и начало другого. Традиционная демократия с ее парламентаризмом, всеобщим избирательным правом, свободой торговли и протекционизмом, либеральными ценностями клонится к закату; ее экономическая система утрачивает эффективность и не обеспечивает прирост общественных богатств; правящая элита погружена в спекуляции и поглощена своекорыстными планами; правительства стараются удерживать массы в повиновении с помощью все новых подачек и не думают о завтрашнем дне. Новые силы представлены профсоюзами и другими рабочими организациями, которые захватывают предприятия, организуют стачки, устанавливают рабочий контроль, диктуют свою волю властям и, не считаясь с писаными законами, навязывают обществу свои требования, такие как сокращение рабочего дня и ничем не обоснованное повышение заработной платы. Действия рабочих не встречают серьезного отпора со стороны буржуазии, которая отчасти утратила способность отстаивать классовые интересы, отчасти руководствуется ложными демократическими лозунгами относительно прогрессивной роли пролетариата, равенства, прав человека и т. д. Кто-то верит в них искренне, кто-то на них греет руки.

Парето не верит в прогресс, но не собирается поддаваться эмоциям, которые, впрочем, отчетливо заметны в его публикациях. Он не сочувствует пролетариату, однако не сочувствует и буржуазии, по крайней мере той ее части, которая пустилась в сомнительные спекуляции. Его симпатии на стороне собственников, но не плутократов, а бережливых предпринимателей, сельских хозяев, рантье, имущих, подвергающихся все более жесткому налоговому давлению. Их вклад в общественное производство, осуществляющийся через накопление капитала, представляется ему, очевидно, решающим. Впрочем, Парето предпочитает придерживаться позиции ученого наблюдателя, который не станет выдавать желаемое за действительное и строит свои прогнозы только на тех положениях, которые можно верифицировать, — на опытных (исторических и статистических) данных, на повторяющихся ситуациях. Он не является приверженцем партии или некоей гипотезы, пусть даже научной, которая позволяет отдавать предпочтение тем или иным социальным силам на основании их большей правоты или прогрессивности. Любопытно, что Парето не выделяет той или иной формы собственности

как предпочтительной; он рассматривает коллективную и даже государственную собственность наравне с частной и не предрекает поражения или триумфа ни одной из них. Он лишь отмечает, что в современном производстве непосредственно руководит предприятием и выполняет организационные функции, как правило, одно лицо или небольшая группа лиц.

В журнальных и газетных статьях Парето, как мы уже отмечали, постоянно делает отсылки к своей системе и разъясняет используемые им термины. При всех оговорках о верности логико-экспериментальной науке эта система (особенно в ее конкретных приложениях) оставляет двойственное впечатление. Парето отвергает социалистическую теорию и идею диктатуры пролетариата из-за присущего им утопизма. Сам он не строит гипотез относительно характера будущего общества и ограничивается утверждениями, которые можно сделать относительно неизбежных событий (таковых очень мало) или наступающих с большой долей вероятности.

Беда в том, что наука не очень помогает в предвидении подобного рода событий. Неизбежно наступающие события заранее становятся очевидными почти для всех, во всяком случае для тех наблюдателей, которые располагают некоторым опытом и знаниями и следят за развитием ситуации. Вероятные события тем и отличаются, что предсказать их невозможно, они могут наступить или не наступить; куда легче объяснять их в исторической ретроспективе задним числом, поэтому неизменной популярностью пользуются всевозможные шарлатаны, астрологи и знаменитые предсказатели типа Нострадамуса, чьи туманные периоды почти всегда можно истолковать в ту или иную сторону постфактум. Сам Парето воспринимал такие прогнозы в виде особых проявлений нелогических действий, в которых заключено некоторое рациональное зерно (см. его излюбленный пример о прорицании Дельфийского оракула относительно битвы при Саламине и афинских деревянных стен). Для установления основной связи фактов бывает достаточно эмпирических знаний и здравого смысла; системы и теории, научно открывающие то, что скрыто от простых смертных, мало что добавляют. Швейцарский социолог признает это, когда с одобрением и отчасти критически разбирает, допустим, речи дона Стурдзо, содержащие оценки, в основном совпадающие с его собственными.

В чем же тогда результат многолетней работы инженера и социолога, можно сказать, социального инженера, какие плоды принес его труд, кроме констатации того, что не стоит прогнозировать того, что невозможно предсказать? Во-первых, следует заметить, что нау-

ка обращается прежде всего к процессам, которые носят устойчивый и длительный характер. Стоит обратиться здесь к сравнению Парето с ученым, который в 20-е гг. делал первые шаги на поприще истории; я имею в виду Ф. Броделя. Французский историк, вдохновлявшийся, как и швейцарский ученый, идеей математизации истории и сближения обществоведения с позитивными науками, поставил во главу угла изучение долговременных, почти неизменных структур, прослеживаемых за волнующейся рябью фактов, а события счел малосущественными с точки зрения рисуемой историком широкомасштабной картины.

Здесь нет места для анализа не только понятия «событие», но и того, как оно соотносится с фактами и структурами; достаточно сказать, что сами исторические циклы и периоды могут рассматриваться как большие события. Но устойчивые тенденции и повторяющиеся ситуации распознать, в общем-то, легче, чем предсказать конкретные результаты — кто победит в войне или когда наступит кризис¹¹? Парето отчасти подтверждает этот тезис там, где он, как впоследствии Бродель, — замечательное совпадение, говорит о трех типах колебаний. «При рассмотрении краткосрочных, точнее, очень кратких, колебаний часто эмпирический подход помогает больше, чем научный. Что касается средних, то здесь они выступают на равных, если эмпиризм сочетается со знанием о многочисленных циклах, совершавшихся в прошлом. Исследование длительных и очень долгих колебаний является уделом науки» («Прогнозирование социальных явлений»). Эмпирические знания Парето предлагает дополнить анализом фактов, которые характеризуют динамическое равновесие общественных процессов. Если бы можно было знать все факты, можно было бы давать точные прогнозы. Так некогда Макиавелли писал о гипотетическом мудреце, который мог бы повелевать звездами¹².

¹¹ Отдельный вопрос, что именно хотят знать люди и что именно понимается под предвидением будущего. Люди и общества озабочены прежде всего собственной судьбой, их мало волнуют отвлеченные научные закономерности. Парето обращает на это внимание, когда говорит о различиях эмпирического и научного подходов.

¹² «Если бы был человек, настолько умный, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, то ему всегда везло бы и он не жаловался бы по меньшей мере на судьбу, тогда оправдалась бы поговорка, что мудрый повелевает звездами и роком». Фантазии, адресованные Содерини (Ghiribizzi al Soderini).

В итоге научно-публицистические произведения Парето представляются, с одной стороны, набором иллюстраций к довольно-таки банальным общим положениям его системы (таковы общие положения всех систем, об этом мы говорили вначале) — это циклы централизации и децентрализации власти, чередование анархии и порядка; в конце концов, и идея о ротации элит не является экстраординарным открытием. С другой стороны, в них присутствуют точные прогнозы, которые могут быть результатом как научного анализа, так и хорошего знания истории; это, в частности, предположения о том, что Россию ожидает приход к власти нового Ивана Грозного¹³, или более спорный тезис относительно восстановления обычного (дореволюционного) неравномерного распределения доходов при советской власти. Некоторые высказывания швейцарского ученого предрекают наступление всеобщего экономического кризиса (который и разразился в 1929 г.) и Второй мировой войны («Будущее Европы: точка зрения итальянца»).

К числу малоудачных предвидений Парето последних лет можно отнести соображения, которые он высказывал по основному, наверное, для него вопросу о будущем Италии и о роли фашизма в этом будущем и — шире — в судьбах Европы. Собственно говоря, в своих прогнозах швейцарский социолог, как мы уже отмечали, был очень осторожен и подчеркивал, что хочет оставаться в рамках строгой науки, которая в своих обществоведческих проявлениях не достигла еще такой точности, как в естественных дисциплинах.

Поэтому с точки зрения научной строгости к нему трудно предъявить серьезные претензии в этом пункте. Речь идет скорее о сфере интересов и чувств, которую Парето считал плохо поддающейся научному анализу, а тем более расчету, но за объективизмом его статей просматриваются вполне определенные человеческие оценки и симпатии. Как я уже говорил, его возмущали агрессивные и беспардонные, по его мнению, действия профсоюзов, раздражало бессилие и сервильность власти. Тем не менее Парето старается быть беспри-

¹³ Но похожие прогнозы Парето делает и в отношении Италии, когда он предрекает возможность радикализации рабочего движения и прихода местного «Ленина», или укрепление власти прежней элиты с помощью диктатуры. В последнем случае можно сказать, что он предвидел вероятность появления Муссолини и Гитлера, но здесь он был далеко не одинок, такую перспективу видели многие «эмпирики», публицисты, политики и ученые. Что же касается сущности фашизма, то очень скоро в суждениях Парето, сперва питавшего некоторые иллюзии, появляются нотки разочарования, о чем сказано ниже.

страстным и отмечает, что с уверенностью можно говорить лишь о наличии кризиса и что выходов из этого кризиса может быть несколько, в том числе установление некоего нового социалистического устройства (некоммунистического), не обязательно провального и не обязательно пагубного для производства. В то же время он с некоторой надеждой следит за деятельностью третьей силы, представленной нарождающимся фашизмом и обещающей восстановление жесткого порядка в стране. Трудно сказать, проявляется ли в этом такой же утопизм, как тот, который был вменен самим Парето теоретикам диктатуры пролетариата; во всяком случае, нельзя не заметить, при всех оговорках, делаемых публицистом в его последних статьях («Феномен фашизма» и др.), что энергичная политика фашистов и их вождя, бывшего социалиста Муссолини, встречается им с сочувствием. В Муссолини он видит нечто вроде макиавеллиевского вооруженного пророка, способного силой подкрепить веру. Парето, собственно, объясняет, почему в Италии не произошло социалистической революции — у социалистов не нашлось лидера, подобного Ленину.

Отчасти созданию сомнительной репутации Парето способствовало то, что при фашистах, буквально в последние месяцы жизни писателя, к нему пришло, наконец, запоздалое общественное признание. Он был назначен представителем Италии в одной из комиссий Лиги наций, с подачи Муссолини ему было предложено звание сенатора Итальянского королевства. Не в последнюю очередь эти факты привели к формированию репутации Парето как человека, симпатизирующего фашизму, и чуть ли не его теоретика¹⁴. На самом деле уже на основании некоторых идей, высказанных Парето в этот период — о необходимости соблюдения свободы мнений, особенно в преподавании; свободы печати, умеренности («Феномен фашизма», «Свобода») — можно сделать вывод, что он не изменил либеральным убеждениям своей молодости, и предположить, что пути Парето и фашизма в дальнейшем должны были разойтись. Ученый говорит об упадке демократии и об угрозе нового Средневековья, но оптимистического варианта развития событий, кроме упований на умеренность и благоразумие фашистов, не предлагает. Надежды Парето не оправда-

¹⁴ Фашисты использовали некоторые термины, заимствованные у Парето, например, «плутократия» (хотя он его не изобрел). Кроме того, отдельные натуралистические подходы последнего, такие как учение об органической смене больных, упадочных элит здоровыми, напоминающие псевдонаучную теорию пассионарности, близки построениям расизма.

лись, зато подтвердился установленный им универсальный (по его мнению) закон: в обществе правит меньшинство, обманывающее массы.

Как бы то ни было, после того как швейцарский писатель покинул этот мир (20 августа 1923 г.), ничего кардинально нового с точки зрения общественного строительства не было изобретено, а Италия вместо ожидаемого очередного вклада в копилку цивилизации¹⁵ пережила одну из самых печальных страниц своей истории. Демократия выжила, сохранилась в обновленном обличье и реализовала свои преимущества перед диктатурой; а может быть, так повернулось колесо Фортуны. К сожалению, «демократия»¹⁶, которую сегодня пропагандируют как светлое будущее, сохранила все свои недостатки, о которых Парето говорит применительно к демагогической плутократии. Парето не знал, что печатание денег может при определенных условиях стать *почти* неиссякаемым источником богатства, он только предостерегал от этой иллюзии. Фашизм оказал плохую услугу человечеству, которое никак не успокоится на золотой середине между деспотическим порядком, превращающимся в произвол, и открытым обществом, чреватым анархией и вопиющим неравенством. Существует ли такое среднее состояние? Было бы очень полезно продолжить опыты Парето, развить его мысли о прогнозировании с помощью исследования общих законов и т. д., но его наследие изучают сегодня преимущественно историки, а от них трудно ожидать революционных открытий.

Труды Вильфредо Федерико Дамазо Парето, как и труды любого ученого, предлагают нам формулы, которые могут пригодиться для определенных целей. Вопрос в том, насколько это обществоведение вписывается в понятие науки. От науки мы хотим узнать прежде всего, как всё устроено, от социологии — как устроено общество, от истории, в частности, как было. Тем самым наука удовлетворяет нашу любознательность, наш инстинкт познания. Во-вторых, она должна подсказывать людям, как надо поступать с точки зрения целесообразности, достижения результатов, технологии, но также и морали, общепринятых ценностей. Физика или математика в этом

¹⁵ «Италия, которая была родоначальницей стольких форм цивилизации, может внести свой решающий вклад в становление еще одной из них». Статья «Свобода».

¹⁶ Я употребляю это слово в кавычках, потому что речь идет в данном случае о том, что Парето называл деривацией — конструкте, имеющем большую идеологическую нагрузку.

смысле являются такими же учительницами жизни, как история. Научность не отрицает, а требует от исследователя понимания тех целей, ради которых он работает.

В-третьих, желательно получить от науки прогноз: как именно будет (таковы были лозунги позитивизма и логико-экспериментальной науки Парето) — истина выше морали. Однако наука в определенном смысле сама есть миф, продукт веры в то, что все можно понять и предупредить, предсказать, веры во всемогущество разума и опыта. Религия научного свободомыслия отличается от других религий только тем, что допускает справедливость чужих мнений и ошибочность своего. Обмен мнениями и диалог с учеными разных эпох — необходимое условие существования науки. Отсюда ценность и актуальность наследия¹⁷ Вильфредо Парето несмотря на очевидный пессимизм скрывающегося за экзотическими терминами и формулами определенный положительный заряд, уверенность в правильности избранного пути познания.

Марк Юсим

¹⁷ На русский язык к настоящему времени переведен ряд сочинений Парето: О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10; 1996. № 1, 2, 7, 10 (Un'applicazione di teorie sociologiche); Компендиум по общей социологии. М.: ГУ-ВШЭ, 2007; Социалистические системы. М.: Директмедиапаблишинг, 2007; Отрывок из «Трансформации демократии» не очень удачно переведен с англ. в изд.: Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: Хрестоматия / Сост. и отв. ред. Добренников В. И., Беленкова Л. П. М.: Наука, 1994. Очерк жизни и творчества Парето на рус. яз. см.: Рахшмир П. Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001 (Вильфредо Парето: экстравагантный элитист. Судьба либерала в Италии), есть также в электронном виде.

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ДЕМОКРАТИИ

I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ¹

Название этой работы неточно, оно используется здесь за неимением лучшего.

Прежде всего термин «демократия» так же неопределен, как многие другие термины повседневного языка. Самнер Мэйн² полагает возможным преодолеть трудности, связанные с его использованием, заменив его выражением «народное правление» — так он назвал свои очерки. Но это выражение не намного лучше упомянутого термина и навряд ли можно облечь в правильную и точную форму то, что расплывчато и эфемерно.

Ведь государства на самом деле не подвержены резким трансформациям. Они находятся в непрерывном изменении, как живые организмы, меняющиеся со временем. Именно такое социальное движение мы собираемся здесь анализировать.

С точки зрения опыта мы должны его классифицировать, в том числе в рамках совокупности социальных явлений; в противном случае нас подстерегает опасность вместо объективного исследования ограничиться субъективными впечатлениями, навеянными минутой.

Здесь возникают две сложности. Анализ общества в целом много труден, уже попытка к нему приступить потребовала создания двух томов «Социологии». Поэтому я вынужден, вопреки собственному желанию, отослать читателя к ним, чтобы не пускаться в рассужде-

¹ Rivista di Milano. 1920. 5 maggio. P. 5–14; 1920. 20 maggio. P. 45–53; 1920. 5 giugno. P. 91–100; 1920. 5 luglio. P. 193–202. Эти четыре очерка, опубликованные пятью порциями, через год были изданы отдельной брошюрой, к которой Парето прибавил эпилог. «Трансформация демократии» увидела свет в Милане в 1921 г., в типографии издателя Корбаччо; ее объем 141 страница в формате 8°. Эта брошюра под названием «Трансформации демократии» в 1946 г. была переиздана издательством «Гуанда» под редакцией Марио Миссироли, который снабдил ее кратким, но содержательным предисловием. Тот же Миссироли был редактором новой публикации сочинения в издательстве Каппелли (май 1964 г.) с тем же предисловием, к которому он добавил две страницы текста. Статья Миссироли очень важна с точки зрения истории распространения политических идей Парето в Италии. — *Прим. итал. ред.*

² Генри Джеймс Самнер Мэйн, английский правовед и историк (1822–1888). — *Прим. итал. ред.*

ния, которые здесь неуместны³; но чтобы избавить его от чтения этой книги во всех подробностях, я предваряю данную работу кратким ее изложением. Вторая сложность связана с тем, что даже рассмотрение череды трансформаций народного правления, к которым относится и сегодняшняя, требует исследования массы исторических материалов. Малая часть их, которую мне удалось изучить, настолько велика сама по себе, что рассказать о них невозможно даже в общих чертах. Придется ограничиться несколькими примерами.

Читатель, который пожелает углубиться в подробности, может обратиться к многочисленным и превосходным книгам, посвященным этому предмету. Я, разумеется, не столь самоуверен, чтобы вступать в соревнование с их авторами; напротив, я признаю, что почерпнул из них все свои скромные познания, и если я не привожу всех и даже многих цитат из этих книг, то не затем, чтобы скрыть эти заимствования, а только из недостатка места, а также потому, что я не занимаюсь в данном случае историей политических учений.

Меня не останавливает уважение к авторитетным мнениям, если я вижу, что они расходятся с фактами; факты, с точки зрения опытного метода, авторитетнее мнения любого ученого из нашего сообщества.

Напомним некоторые общие положения, содержащиеся в «Социологии».

Мы должны рассматривать содержание всякого общественного явления, способ его изучения в прошлом и соображения, которые высказывались по его поводу.

Наиболее устойчивая и важная с точки зрения содержания часть связана с чувствами и интересами (§ 2146). Первые были подвергнуты анализу в «Социологии», при этом были выделены определенные элементы, названные остатками; о вторых там тоже шла речь, отчасти они рассматривались в «Политической экономии».

Форма проявления чувств и интересов, а также их логические последствия чрезвычайно изменчивы; об этом рассказывают исторические сочинения, особенно новые, исследующие происхождение институтов.

Люди, склонные следовать предрассудкам, обращают внимание на очевидные факты. Если цивилизованные народы сегодня не считают, что солнце каждый вечер опускается в океан, то иные их верования не больше соответствуют действительности, чем это. Кроме того, же-

³ При этом мы будем приводить в скобках номер параграфа «Социологии», к которому делается отсылка.

ление не довольствоваться знанием «как», но доискиваться также «почему» вполне естественно. Ответ на этот вопрос с известными ограничениями дает логико-экспериментальная наука, но так как названные ограничения людей раздражают (ведь они не любят преходящего и стремятся к абсолюту) и так как экспериментальная наука всегда плохо использовалась и малопригодна для использования в общественных дисциплинах, вместо нее за ответом обращаются к лженаукам, которые истолковывают факты с помощью чувств, предрассудков, под влиянием, часто не осознанным, интересов и другими способами, чуждыми логико-экспериментальной науке. Так появляются на свет продукты мысли, которые в «Социологии» мы назвали деривациями.

Деривации бывают самого разного рода, часто они сверкают всеми цветами радуги и столь же мимолетны, но под этой пестротой, как и во многих других случаях, кроется нечто постоянное, о чем подробно сказано в соответствующем разделе «Социологии».

Анализом этого предмета не занимается ни метафизика, которая исходит из абсолюта, ни эмпиризм, довольствующийся поверхностным сходством. Чтобы объяснить сегодняшние явления, он обращается к сходным явлениям прошлого, но не находит (и не может найти) их, потому что история никогда не повторяется; число комбинаций, возникающих из элементарных человеческих действий, бесконечно; история рассказывает только об этих комбинациях.

Общественное устройство никогда не пребывает в неподвижности; это процесс вечного становления, который идет более или менее быстрыми темпами. Это относится и к Античности — от Спарты до Афин, и к современности — от Китая до Англии. Разница в том, что движение может быть медленным, как в Спарте или в Китае, либо ускоренным, как в Афинах и в Англии. Такие же различия наблюдаются в одной и той же стране в разные эпохи. Например, Италия находится в постоянном процессе перемен, начиная от доисторических времен Ромула до наших дней, но его интенсивность от года к году меняется.

Нетрудно понять, как определяется начало новой эры: для адепта христианской религии — от пришествия Христа, для мусульманина — от Хиджры, для приверженца демократических религий — от учреждения Третьего интернационала, от ленинской революции и т. д.; логико-экспериментальная наука никоим образом не претендует на суждения в этой области, поскольку это вопросы веры, выходящие за рамки опыта. Но если оставаться в этих рамках, если изучать события с фактической стороны, не обращаясь к вере, то можно заметить, что названные эры только формально можно назвать

новыми, а по существу указанные даты соответствуют пикам кривых, отображающих непрерывное движение. Иначе говоря, было христианство до Христа, магометанство до Магомета, демократия до французской революции и большевизм до Ленина.

Такой взгляд на вещи, сознательно отстраняющийся от веры, полезен и необходим для экспериментальной науки, но очень часто он вреден для дела. Скептицизм хорош в теории, вера же побуждает к действиям, а практическая жизнь наполнена ими. Идеальные цели могут быть абсурдными и в то же время полезными для общества; об этом нам придется часто вспоминать, потому что это положение часто упускают из виду.

Это различие между пользой для опытной науки и пользой для общества относится к числу фундаментальных; я подробно писал об этом в «Социологии»; здесь же я упоминаю о нем во избежание недоразумения, связанного с тем, что простая передача фактов и высказанные мной соображения на их счет часто воспринимаются как призыв к действиям в определенном направлении. Если на основании фактов я делаю вывод, что наша буржуазия движется к гибели, это не свидетельствует о моем намерении оценить этот процесс как плохой или хороший, так же как я не мог бы дать оценку подобному процессу упадка феодальных сеньоров, начало которому положили Крестовые походы, или призвать буржуазию изменить поведение, или усовершенствовать нравы, вкусы, избавиться от предрассудков, или тем более объявить, что у меня есть рецепт лекарства от болезней буржуазии, или, если угодно, общества в целом. Напротив, я открыто заявляю, что если такое лекарство и существует, мне оно неизвестно; я выступаю в роли врача, который диагностирует у больного туберкулез, но не знает, как его излечить. Позволю себе добавить, что пока общественные науки не продемонстрировали существенных достижений, эмпирик и человек действия часто более успешно врачуют общественный организм, чем теоретик и ученый, хотя первые и могут почерпнуть нечто из арсенала последних.

Рационализм, который можно считать разновидностью интеллектуальной религии, утверждает, что расхождений между теорией и практикой, между логическим пониманием возможного и верой в невозможное, в фантазию, а также между действительными и идеальными целями не должно быть и что следует стремиться к исчезновению этих расхождений. Возможно, это справедливо, но мы изучаем то, что есть, а не то, что должно быть; ход наших рассуждений изменится, когда изменятся его предпосылки — чувства, вкусы, интересы, образ действий людей, но не ранее того (§ 2411).

На это можно возразить, что если такие перемены стоят на повестке дня, для науки было бы неплохо уже сейчас приступить к их рассмотрению; однако ход события за последние две с лишним тысячи лет нисколько не свидетельствует об их приближении. Поэтому предоставим заботу об изучении социологии человека будущего потомкам и удовольствуемся исследованием человека вчерашнего и сегодняшнего дня, а также ближайшего будущего.

Боюсь, что по мере моего движения вперед группа согласных со мной читателей редет, и теперь, когда мне нужно приступить к выводам из изложенных принципов, она растает. Тем не менее о них нельзя умолчать.

Первый вывод заключается в том, что поскольку всякий политический режим является следствием предшествующих режимов и истоком будущих, при желании дать ему абсолютно позитивную или негативную оценку мы должны оценить все эти будущие политические режимы, число которых бесконечно⁴. Поэтому мы не сможем дать такой оценки, а будем вынуждены отказаться от абсолютного и обратиться к преходящему, а также определить понятия добра и зла и исследовать только ближайшие последствия рассматриваемого политического режима, установив приблизительные границы этого ближайшего периода.

Проскрипции, введенные триумвирами в Риме, террор времен первой французской революции, репрессии большевиков — благо или зло? На этот вопрос можно ответить с помощью чувства, веры, основанных на априорных постулатах рассуждений и т. п., но не с помощью логико-экспериментальной науки.

Отдаленное подобие понимания связи разных феноменов представляет собой утверждение Клемансо о том, что Французскую республику следует воспринимать в целом, как нечто единое, и кого устраивает ее часть, должно устраивать и все остальное. На этом примере хорошо заметно различие между научным рассуждением и деривацией. Высказав свой принцип, Клемансо, желая следовать логике, должен был бы распространить его и на нынешнюю русскую революцию. Но он этого не делает, не приводя доводов и не рассматривая русскую революцию как единое целое; осуждает ее за террор, отказываясь осуждать за то же самое французскую революцию.

Воспользуемся случаем заметить, что описанный факт представляет собой частный случай общего правила. О социальных явлениях, которые постоянно повторяются, трудно сказать что-то действи-

⁴ См. § 2338 и 2548 «Социологии» (В-2).

тельно новое, ведь они должны откладываться в умах наблюдавших их интеллектуалов; разница между приведенным мнением и тем, которое высказывается наукой, заключается лишь в большей степени приближения к истине, добытой опытом.

Так, мнение невежды о тучной и скудной почве отличается от мнения химика; последний, в отличие от первого, знает, из каких элементов состоят названные почвы, определения которых для первого точны и приемлемы, а для второго неопределенны и должны быть исключены из строго научного рассуждения. Поэтому было бы безмерной глупостью отрицать прогресс, проделанный химией, или говорить, что химик повторяет невежду; так поступают те господа, которые утверждают, что всякая новая теория заимствована у старых авторов, и даже находят у Аристотеля идеи, высказанные Дарвином.

Если говорить об экономике, то в библейском упоминании о семи жирных и семи тощих коровах, как и в труде Клемана Жюглара⁵ об экономических кризисах, речь идет о маятниковых колебаниях, но степень их приближения к реальности различна. То же самое в отношении социального устройства можно сказать о приближении к реальности метафизической теории Вико, концепции Феррари и современной логико-экспериментальной науки⁶.

Тщательное изучение фактов приводит нас к важнейшему выводу, что «колебания отдельных частей социального феномена связаны между собой, как и сами эти части, и попросту выражают происходящие в них изменения. Если прибегнуть к обманчивому понятию „причины“, то можно сказать, что нисходящий период есть причина восходящего периода, и затем наоборот; но это лишь означает, что восходящий период неразрывно связан с предшествующим ему восходящим, и затем наоборот; следовательно, в целом: что отдельные периоды суть проявления одного и того же положения вещей, и что мы наблюдаем их чередование, так что процесс этого чередования образует экспериментальное единообразие. Существуют различные типы таких колебаний, зависящие от времени, за которое они происходят. Оно может быть кратчайшим, кратким, длинным и очень длинным (§ 2338)».

⁵ К. Жюглар (1819–1905) – французский экономист, основоположник теории повторяющихся циклов в экономике. Он был автором книги «Des Crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis». Paris: Guillaumin, 1862. – *Прим. перев.*

⁶ См. французское издание «Социологии», § 2330.

Таким образом, нам предстоит исследовать, принадлежит переживаемая нами трансформация к кратким и случайным или ее следует отнести к среднесрочным либо долгосрочным процессам (1718).

Другой вывод связан с тем, что поиск наилучшего способа управления бессмыслен и химеричен, и не только в силу неопределенности понятия «наилучшее» (2110), но и потому, что он предполагает несбыточное условие — прекращение движения в этом наилучшем состоянии.

Даже при установлении четких ограничений сохраняются большие трудности, вызванные скудостью достижений общественной науки на сегодняшний день. Тем не менее можно надеяться, что туман, скрывающий от нас взаимозависимость социальных явлений и их единство, будет постоянно рассеиваться.

Если мы обратимся к всевозможным теориям парламентарного и конституционного государства, разработанным в прошлом веке, то увидим, что ни одна из них не объясняет происходящего сегодня: факты расходятся с ними. Если кто-то, например, перечитает книги Милля о «Представительном правлении» и о «Свободе», в свое время пользовавшиеся огромным успехом, ему придется мысленно перенестись в общественную среду, которая не имеет ничего общего с современной Англией и которая покажется ему совершенно удаленной от реальности.

Кого сегодня заботит равновесие ветвей власти? Сбалансированность прав государства и индивида? Находится ли все еще в полном здравии почтенное моральное государство? Гегелевское государство, безусловно, — это великолепный плод фантазии, сохраняющийся для нужд поэтической или метафизической социологии, но трудящиеся отдадут предпочтение более осязаемым материям, таким как повышение заработной платы, прогрессивные налоги, сокращение рабочей недели, хотя не отказываются и от собственных мифов о блаженном пролетариате, о духе зла, воплотившемся в капиталистическом строе (§ 1890), об идеальной власти советов рабочих и солдат и т. п.

Нам говорили, что война теперь невозможна, потому что вследствие развития военной техники она была бы слишком разрушительной. В крайнем случае, говорили нам, пролетарии и от их имени социалисты помешали бы развязыванию войны всеобщей стачкой или другим способом. После этих благих уверений разразилась мировая война. Всеобщая стачка не состоялась; напротив, социалисты, заседавшие в парламентах разных стран, вотировали военные расходы или не выразили особого протеста против их ассигнования. Немецкие социалисты, наследники Маркса, проголосовали за них поч-

ти единодушно, так что призыв их учителя «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» автоматически превратился в другой — «Пролетарии всех стран, истребляйте друг друга!»

Сегодня мифы и пророчества возрождаются. Согласно одним из них мир и радость всему миру должна принести Лига Наций, в которой восторжествовали лозунги защитников права, справедливости и, как прибавляют некоторые, свободы; согласно другим это будет большевизм. Разумеется, многие уже простились с этими надеждами, но немало и тех, кто искренне и всей душой уповают на них. Как ни странно, и теперь, когда наступило разочарование, люди убеждены в том, что Лига Наций станет панацеей, излечивающей все земные невзгоды. Есть и такие, правда их немного, кто все еще верит в четырнадцать пунктов Вильсона, который, в отличие от всех прежних мыслителей, якобы сумел отыскать прочные основания для идеальной республики. Но почему бы не понять их? Есть ведь и те, кто верит в силу магии и даже — как говорят — заклинает дьявола; разве мы не видим, сколь многочисленны адепты «христианской науки»?⁷

Перейдем к выводам. Когда ставится о вопрос о том, являются ли планируемые меры правильными, справедливыми, моральными, благочестивыми, патриотическими и т. д., то речь идет об их соответствии эмоциям, в общем довольно неопределенным, некоего коллектива на данном отрезке времени, и это может быть полезно для установления согласия в указанном коллективе, но очень мало или ничего не говорит о том, можно ли провести эти меры в жизнь и когда; какие социальные и экономические последствия они повлекут.

Мало — если существует какая-то вероятность, что указанные меры соответствуют тому пониманию данного общества, которое пригодно для него уже в силу давности своего бытования (§§ 1778, 2520). Ничего — если эти меры соответствуют именно той (часто весьма существенной) стороне указанного понимания, которая оторвана от действительности.

Например, понимание того, что поход в Азию для отвоевания Святого гроба был благочестивым предприятием, помогало предвидеть прием, который глубоко верующие христиане окажут идее Крестовых походов, но оно ничего не давало для прогнозирования их экономических, политических и социальных последствий. Барон, отправлявшийся в крестовый поход, был превосходным христианином, хотя иногда он был скорее беспокойным искателем приключе-

⁷ Американская христианская секта, основанная в 1870-х гг. и проповедовавшая исцеление с помощью веры. — *Прим. перев.*

ний, но он несомненно был плохим феодальным сеньором, потому что этот поступок вел к деградации его сословия. Современные буржуа, очень воинственно настроенные, являются истинными патриотами (впрочем, и среди них немало хищников), однако отчасти они собственноручно приближают последний час своего класса.

В этом и во многих других подобных случаях, если результат представляется полезным для общества, можно сказать, что ему способствовали действия людей, стремившихся к идеальной цели и неосознанно вступивших при этом на путь, которого они избегали бы, если бы знали, куда он ведет.

Таким образом, одно дело — рассуждать об идеальных целях, другое — двигаться куда-то в реальности. Можно выдвигать неотразимые аргументы в пользу божественных прав королей и императоров, священной власти большинства, торжества благословенного пролетариата; такими аргументами пользовался Победоносцев⁸, чтобы упрочить царское самодержавие. Но все эти пространные рассуждения ничего не дают для понимания последствий тех или иных преобразований.

Спарта отказывала чужеземцам в гражданстве; Рим предоставлял его косвенным образом, включая в число своих граждан вольноотпущенников. Какое суждение можно высказать относительно этих порядков: 1) с точки зрения предполагаемого равенства людей, их неотъемлемых прав, человечности? 2) с точки зрения экономических, социальных, политических условий? Это два разных вопроса, не имеющих между собой ничего общего.

Справедлив ли данный налог или несправедлив? Ответ на этот вопрос можно дать, основываясь на чувстве, и только чувство сможет его разрешить; в таком случае логические посылки, связанные с ним, будут чистыми *деривациями*. Это может быть вопрос формальной логики, и тогда его можно решить только узнав, какой смысл придается терминам «справедливый, несправедливый». Не прошло и ста лет с тех пор, как считалось, что несправедливо вводить новый налог, спрашивая тех, кто его не платит; столетиями думали и принимали за аксиому, что для взимания справедливого налога требуется согласие плательщиков; на этом покоился авторитет Палаты общин в Англии и других аналогичных ассамблей. Прогрессивный налог,

⁸ Константин Победоносцев (1827–1907) был самым авторитетным и влиятельным из советников Александра III и Николая II. Довольно тонкий и одаренный юрист, он яростно защищал теорию божественного права и был непримиримым противником как философского рационализма, так и политического либерализма. — *Прим. итал. ред.*

представляющий собой способ отнять у зажиточных, чтобы дать бедным, из которых многие живут лучше некоторых зажиточных, — налог на капитал — считался несправедливым. Сегодня все наоборот. Излишне спорить, следует придерживаться первого, второго принципа или чего-то среднего: это зависит исключительно от значения, приписываемого используемым терминам. Но вывод относительно того, правильно или нет сделанное умозаключение, ничего не дает для решения совершенно другой проблемы, которая формулируется так: какие экономические, политические, социальные последствия повлечут данные преобразования?⁹

Возможно, что было бы «справедливо, похвально, желательно, нравственно необходимо», чтобы трудящиеся работали несколько часов в день и получали за это огромную плату, но вопрос зависит от двух других: 1) осуществимо ли это на деле, т. е. будет ли эта плата реальной, а не номинальной? 2) какие последствия повлечет такое положение вещей?

Вероятно, некоторые читатели будут шокированы этими утверждениями и сочтут их ересью; другие, напротив, подумают, что они вполне очевидны и не стоит тратить время на объяснение этого. Первым я напомню, что с самого начала объявил о своем желании приступить к чисто опытному исследованию, не имеющему отношения к вере; вторым замечу, что многие люди далеки от признания очевидности этих рассуждений и считают их ложными и нелепыми, следовательно, бесполезно от них отмежеваться.

Итак, продолжим изложение ереси.

Определение того, что *должна* заплатить побежденная Германия, может послужить хорошей темой для упражнения в юридических спорах (лучше сказать: псевдоюридических спорах) о международных правилах морали, о справедливости и т. п.; знание того, как истребовать контрибуцию, не употребляя этого слова, которое шокирует Вильсона, — это самое настоящее упражнение в *дефивациях*. Но по практическим соображениям, все это не может заменить рассмотрения того, что *может* заплатить Германия, и того, что для победителей *имеет смысл* истребовать.

Предвидеть будущее можно двояким способом: во-первых, исследовать возможное, во-вторых — наиболее вероятное. Возможно то, примеры чего встречаются в прошлом (§ 134); говоря точнее,

⁹ Финансовая наука движется сейчас в этом направлении. См. важнейшие исследования проф. Гвидо Сенсини и проф. Джино Боргатты, опубликованные в *Giornale degli economisti*. 1920.

то что логически зависит от данных, полученных при опытном наблюдении; вероятно то, что зависит от единообразия общих законов, наблюдаемого в разных случаях и в разное время (§ 556 и след.). Два типа исследования по названным выше мотивам должны быть направлены на наименее подверженные изменениям элементы явлений, а не на сложные явления, как в эмпиризме, по той веской причине, что бесполезно искать то, чего нет.

В XIX веке широчайшее распространение получил так называемый исторический метод изучения социальных явлений, с его помощью было проведено много важных исследований их происхождения. По сравнению с применявшимися до этого и в значительной мере применяемыми поныне метафизическими и этическими рассуждениями они стали большим шагом вперед, приближающим нас к опытному знанию (§ 857 и след.); но можно двинуться дальше и достичь еще более впечатляющих успехов, используя исключительно экспериментальный метод.

Какой-то социальный феномен или институт, существующий в данный момент, может непосредственно происходить из другого феномена или института, но это не обязательно. Эволюция обычно не идет по прямой (217), и сходство некоторых элементов не следует смешивать с заимствованием. Семейство хищных у птиц и кошачьих у млекопитающих имеют большое сходство между собой, но никто, даже самые отъявленные дарвинисты, никогда не утверждал, что кошачьи происходят от хищных птиц. Наши профсоюзы и средневековые гильдии также имеют много общего, но если некоторые ярые сторонники генетического метода желали бы установить между ними прямую преемственность, люди, более дорожащие опытными знаниями, решительно отрицают ее наличие.

Метафизика отправляется от абсолютных начал и нисходит к реальным фактам; экспериментальный метод отправляется от последних и восходит к общим свойствам, называемым также абстракциями. Экспериментальная абстракция ничего общего не имеет с метафизической.

Здесь это говорится к тому, что некоторые авторы в своем неведении относительно экспериментального метода их путают.

Множество экспериментальных абстракций неисчислимо. Каждый общий принцип можно выводить из другого, еще более общего, и так до бесконечности, без каких бы то ни было ограничений. Но не всегда следует придерживаться этого способа, который в иных случаях уместен, в других нет. Нужно избегать опасности выйти за пределы доступного опыта и отправиться в путешествие

по воображаемым мирам. Для Ньютона было уместно остановиться на законе всемирного тяготения, в то время как для современных исследователей механики естественно желать пойти дальше, а для будущих — еще продвинуться по этому пути и превзойти сегодняшние результаты. Следует хорошо запомнить, что умение ограничить свою сферу исследования имеет первостатейную важность. Преемники Ньютона, изучавшие следствия, вытекающие из принципа всемирного тяготения, которым они ограничивались, принесли огромную пользу, в то время как достигли бы противоположного, если бы обратились исключительно к поискам сути гравитации, как поступают сегодня некоторые экономисты (?), пускающиеся в пустые рассуждения о стоимости¹⁰.

В «Социологии» мы говорили о некоторых элементах, названных «остатками». Нет сомнения в том, что это лишь один термин из бесконечного ряда обозначений общих явлений и что рано или поздно можно будет двинуться дальше и обозначить еще более общие явления, как нет сомнения в том, что это наверняка случится и что невозможно объяснить *всего* одним способом. Было бы явным противоречием утверждать, что экспериментальный метод не претендует на абсолютную истину, и при этом пытаться объяснить *все* с помощью нескольких принципов. Тем не менее (я говорю от своего имени, а не от имени всех) посмотрим, что можно извлечь из этих общих явлений; это будет более трудоемкое, более скромное, более приземленное предприятие, чем полет фантазии в бесконечных пространствах за пределами опыта, но также и более полезное. Это относится, как уже было сказано, к научной стороне дела, а не к той, которая побуждает людей к поступкам.

Если кто-то заметит, что первое гораздо менее важно, чем второе, он будет прав и я не стану с ним спорить. Пусть кто-то занимается изучением того, что он считает главным, и согласится с тем, что наряду с множеством других второстепенных дисциплин будет разработана логико-экспериментальной теории. Чтобы определить аспекты поставленной нами проблемы, обратимся к аналогичным явлениям; каждому аспекту соответствуют разные явления. Тому, кто внимательно следит за повседневным ходом событий, очевидны три основных момента, а именно: 1) ослабление центральной власти и уси-

¹⁰ Например, «стоимость» как абстракция, выведенная из фактов, не имеет ничего общего со «стоимостью» как метафизической сущностью, господствующей над фактами и претендующей на их объяснение. Тому, кто не понимает этого, экспериментальный метод недоступен.

ление анархии; 2) ускоренное развитие цикла демократической плутократии; 3) трансформация настроений буржуазии и правящего сегодня класса.

К этим моментам мы и обратимся в дальнейшем.

II. РАЗРУШЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Во всяком человеческом сообществе друг другу противостоят две силы. Одна из них, которую можно назвать центростремительной, способствует концентрации центральной власти, другая, которую можно назвать центробежной, подталкивает к разделению.

Для целей этой работы нам достаточно сказанного; к сожалению для читателей «Социологии», позволим себе небольшое отступление, чтобы рассказать о взаимоотношениях этих сил с остатками.

В основном они зависят от рода, названного нами устойчивостью отношений человека с другими людьми и местами, а также от некоторых родов класса, названного остатками в отношении социальности.

Наращение интенсивности остатков семейных и коллективных (в том числе независимых от семьи) отношений близости, потребности в особых социумах, часто связанное с экономическими условиями, ослабление потребности в единообразии, очень часто связанное с остатками чувств, определяемых как религиозные, повышение интенсивности некоторых иерархических ощущений в сравнении с другими укрепляют центробежную силу и ослабляют центростремительную.

В вечном движении точка равновесия этих двух сил постоянно смещается то в одну, то в другую сторону, и все время по-разному, не следуя какому-то правилу; эти колебания проявляются в виде самых разнообразных феноменов. Один из них, наблюдавшийся в Средние века в Европе, получил название феодализм.

Во Франции этот период представляет собой второе и более амплитудное колебание, последовавшее за первым, не столь значимым. Монархия Меровингов, располагавшая довольно сильной центральной властью, распалась при установлении правления Каролингов. Последние восстановили сильную центральную власть, которая снова стала разваливаться при угасании их династии и опять, спустя длительное время, возродилась в другой форме при французских королях.

В исследованиях, посвященных истории разных стран и эпох, были обнаружены похожие периоды, которые в результате исполь-

зования синекдохи, заменяющей целое частью, также получили название феодальных.

Уже было замечено, что эти явления возникали и затухали, т. е. имели подвижный характер, а точнее, были колебаниями.

Это наблюдение относительно возвращений феонов составляет достоинство теории Вико, но он ошибается, приписывая разным колебаниям одинаковую форму, и ошибается в деталях, пускаясь в фантазии, уводящие за пределы опыта.

Но и в рамках опытного поля существует масса теорий, порожденных феноменом феодализма в Европе. Я не собираюсь их описывать не только по соображениям недостатка места, но и потому, что этого не требуют задачи данной работы; однако стоит привести примеры того, что разные по форме теории имеют нечто общее по существу.

Монтескье приписывал этому феномену прямолинейность эволюции, о которой мы говорили. Он выводил вассальные отношения из обычаев народов древней Германии, которые постепенно трансформировались и привели к появлению феонов. Теории такого рода существуют и в наше время, они особенно по душе немцам, что вполне естественно, ибо люди склонны отдавать предпочтение тем *деривациям*, которые приятны их чувствам. По той же причине авторы так называемых латинских народов, которые также придерживаются теории прямой эволюции, ищут ее начало не в Германии, а в римском обществе, а именно в прекарии, в клиентских отношениях. В реальности эти теории показывают необходимость особых общественных форм и перемены в остатках социальности. Это относится и к теории Флаша¹¹, который видит истоки феодального общества XI–XII вв. в клане.

В теории нашего историка Пертиле¹² сильной стороной является критическая, но не позитивная часть. Он пишет (р. 203): «На самом деле, не говоря уже о придуманном Вико вечном законе феодализма, к которому народы обязаны постоянно возвращаться, феоны не были порождением ни античного римского права, ни военных бенефициев империи. И то и другое лишь отчасти напоминает феодальные отношения». Это правильно, но нужно добавить, что проявляется действие сходных сил. «Клиентела состоит в личных отношениях покровительства или защиты, сходных с вассальными и включающих покорность и служение, но она предполагала даже большую

¹¹ Жак Флаш — автор «Les origines de l'ancienne France» в трех томах — книги, вышедшей в Париже в 1884–1904 гг. — *Прим. итал. ред.*

¹² Pertile. Storia del diritto italiano. Vol. I.

близость, чем вассалитет, в частности передачу имени и право наследования между патроном и клиентом¹³ [это различие скорее по форме, чем по существу]; но в ней полностью отсутствует вещный элемент [см. об этом «Социологию», § 1039]. Последний, как и военные черты феода, имеет место в имперских бенефициях, где отсутствует, в свою очередь личный элемент [наш автор должен был счесть это разнообразие обстоятельств второстепенным], и сама воинская повинность предусматривалась в отношении государства, а не правителя. [Разница невелика, поскольку правитель олицетворял государство.] Кроме (р. 204) того, между этими институтами и феодами существует временной разрыв, поэтому не может быть и преемственности. [Справедливое наблюдение по поводу конкретного случая, в котором эволюция не идет по прямой.] Уделы, распределявшиеся у варваров по жребию и очень часто именуемые предшественниками феонов, ничего общего с ними не имеют, как потому что они передавались в полную собственность, так и потому что они не предусматривали установления каких-то правовых отношений между их владельцами и королем и не накладывали на первых никаких обязательств, в том числе военной службы. [Справедливое, но, вероятно, слишком категоричное утверждение.] Неизвестны другие пожалования земель со стороны лангобардской или меровингской казны и подобные бенефициям, которые заставляли бы возводить происхождение феонов к эпохе варварских завоеваний... Из изложенной выше теории происхождения феонов следует также, что с самого начала они были не произвольно отчуждаемы, а выделялись на год, впоследствии пожизненно и наконец стали наследственными, как сообщает февдист и как по сей день считают некоторые авторы».

Аналогичные теории используются для объяснения современного феномена профессиональных союзов. Кто-то изучает римские корпорации, кто-то ставит перед собой более скромную задачу — исследовать средневековые гильдии или ассоциации наемных работников той эпохи. В своей истории тред-юнионизма супруги Вебб справедливо отвергают подобные теории¹⁴.

«(р. 12) Мы уделили столько внимания этим эфемерным ассоциациям наемных работников и братствам поденщиков в Средние века, поскольку кто-то может утверждать не без видимых оснований, что они

¹³ В прямых скобках комментарии автора.

¹⁴ Webb S., Webb B. Histoire du Trade Unionisme, traduit par Albert Métin. Paris, 1897. (В тексте цитаты даются на французском языке, я привожу их в переводе. — Прим. перев.)

представляют собой зародыши тред-юнионизма. Довольно странно, что истоки тред-юнионов обычно не ищут именно в этих институтах. Чтобы обнаружить первые (р. 13) признаки современных профсоюзов, обращаются не к ассоциациям наемных работников в Средние века, а к союзам их патронов, а именно к ремесленным гильдиям. Внешнее сходство тред-юнионов и ремесленных гильдий издавна привлекало внимание друзей и врагов тред-юнионизма [обычная ошибка эмпириков, которые останавливаются на поверхности и не пытаются с помощью анализа вскрыть более устойчивые и неизменяемые черты]; но подкрепила расхожее мнение публикация в 1870 г. блестящего очерка профессора Brentano о „Происхождении тред-юнионов“ ...

(р. 14) И когда г-н Джордж Хоуэл положил в основу своей истории тред-юнионизма парафраз исследования г-на Brentano о гильдиях, он признал тем самым, что тред-юнионы в своей еще не совсем отчетливой форме вышли из ремесленной гильдии... Предполагаемое происхождение тред-юнионов от старинных гильдий лишено каких бы то ни было доказательств, по крайней мере насколько нам известно. Исторические данные полностью противоречат этой точке зрения». Наши авторы склонны видеть истоки тред-юнионов в «(р. 40) отрыве трудящегося от собственности на средства производства»; однако они немедленно делают вполне разумное добавление: «(р. 42) Мы не претендуем на объяснение происхождения тред-юнионов только с помощью указанного отрыва».

Менее всего следует связывать это происхождение с социальными теориями; скорее наоборот. То же самое относится к теориям феодализма; они стали скорее следствием, нежели причиной феодальных отношений; то же самое можно сказать о теоретизировании по поводу королевской власти, которое было скорее следствием, чем источником ее распространения и угасания феодализма. При всем том нельзя отрицать, что теории, порождаемые некоторыми феноменами, в свою очередь влияют на развитие этих феноменов; речь идет лишь о том, что они не являются единственной (или главной) и важнейшей причиной этого развития. Поэтому нельзя отрицать также, что мифы, о воздействии которых убедительно писал Сорель, активно побуждают людей к действию; нужно только иметь в виду, что они не способствуют накоплению опытных знаний.

Супруги Вебб приводят хороший пример, иллюстрирующий эти положения, которые подробно были рассмотрены в «Социологии».

«(р. 53) Палата общин в подобных ситуациях действовала не так, как сегодня [сегодня, в котором писали супруги Вебб, миновало и сме-

нилось отличающимся от него *завтра*], когда свобода договорных отношений является общепризнанной...

(р. 54) То, что палата общин никак не участвовала в принципиальном противостоянии законодательным инициативам даже много лет спустя после начала расшатывания средневековой регламентации, доказывает знаменитый случай с шелкоткачами из Спиталфилдса, когда сочли нужным вернуться к старинной практике промышленной регламентации...

(р. 55) Ясно, что парламентские ассамблеи, проголосовавшие за Спиталфилдские акты в 1765 и 1773 гг., не имели никакого представления о политической философии Адама Смита, книга которого „О богатстве народов“, впоследствии считавшаяся английским евангелием свободы договорных отношений и естественной свободы, была опубликована в 1776 г. К этому времени подобные законы были уже настолько исключительным явлением, что когда шедевр Адама Смита (р. 56) попал в руки тогдашних политиков, он должен был казаться им не столько новым словом в промышленной экономике, сколько теоретическим обобщением практических выводов, к которым опыт уже многократно подводил. В конце столетия правящие классы, благодаря новой промышленной политике обретшие источник огромных финансовых прибылей, с готовностью ухватились за новую экономическую теорию для интеллектуального и морального оправдания этой политики». Именно так они поступают и сегодня, прибегая только к тем теориям, которые выгодны для них; тогда им на руку была либеральная теория, теперь они пользуются теорией синдикализма, завтра воспользуются той, которая сможет ее заменить.

А. Ланцилло¹⁵ заметил, что события не пойдут по пути, сегодня теоретически указанному синдикализмом, но, напротив, изменится сама теория.

«(р. 269). Перед европейскими нациями встанет задача быть одновременно воинственными и торгующими, демократическими и милитаристскими... Каким образом общество будет на практике приспособливаться к этим двум равнозначно настоятельным требованиям, мы не знаем (р. 270). Будет это общество свободной торговли или режим настоящего государственного социализма? Будет ли это новый по форме эксперимент, который по сути повторит современный режим?... Каковы будут политические последствия указанных военных нужд? Какими налоговыми мерами? Какие идеальные, мораль-

¹⁵ Lanzillo A. La disfatta del socialismo. Libreria della Voce. Firenze.

ные, религиозные представления принесет с собой новая эпоха?... Этот ряд вопросов можно продолжать до бесконечности...

(р. 277). Синдикализм сможет выполнить куда более достойную задачу, помогая создать новую идеологию, являющуюся *conditio sine qua non* нравственного возрождения западных стран, которые выйдут из войны обессиленными и растерянными».

Можно было бы привести еще немало подобных цитат; достаточно сослаться на слова А. О. Оливетти¹⁶: «(р. 2) Синдикализм не собирается навязывать обществу готовый наряд по мерке неудачливых портных из Москвы и Петрограда. Это единственный революционный импульс нашего времени, поскольку он вызревает в повседневном опыте экономической деятельности, он нацелен на органическую, а не надуманную революцию и чуждается всех несбыточных, вымеренных планов реорганизации».

Итак, приподняв хотя бы отчасти покровы, скрывавшие от нас действительность, вернемся к последней.

Смещение точки равновесия между центробежной и центростремительными силами происходит следующим образом.

В фазе смещения в сторону центробежной силы центральная власть, будь она монархической, олигархической, народной или плебейской — неважно, ослабевает; так называемый суверенитет этой власти клонится к тому, чтобы стать пустым звуком, она разваливается и скрывает под своими обломками всю страну; возрастает влияние отдельных индивидов и коллективов, формально сохраняющих лояльность, но на практике обретающих независимость. Вследствие этого слабая часть граждан, которая не входит в их число и утрачивает покровительство со стороны государя, обращается за защитой и справедливостью к другим: кто-то вверяет себя могущественному лицу, кто-то открыто или тайно объединяется с такими же слабыми и вступает в члены корпорации, коммуны, профессионального союза.

В ходе этого процесса начинают действовать и противоположные ему факторы. По мере его нарастания покровительство превращается в порабощение; увеличивается число противников существующего порядка, если этому благоприятствуют социальные и особенно экономические условия, их силы умножаются. Лица, причастные к власти, наоборот, теряют авторитет, потому что в них ослабевает страх перед правительством и возрастает соперничество, часто переходящее в неприкрытые столкновения, ведущие к анархии и не прекращающиеся даже в фазе нового укрепления центральной власти.

¹⁶ Pagine libere. Milano. 1920. 15 febbraio.

Общей чертой является необходимость в защите слабых (2180), которая выражается в поисках того, кто может ее оказать: в моменты преобладания центробежных сил — отдельных лиц, а когда преобладает центростремительная тенденция — центральной власти. Когда обстоятельства складываются в пользу второй тенденции, прежнее центральное правительство или новое по форме и по существу, за короткое или длительное время, путем применения насилия или с помощью упорной работы одерживает победу над захватившей власть олигархией и возвращает себе полноту суверенитета.

Существенно, что эта трансформация часто сопровождается одним из так называемых религиозных движений. Так было в Европе на исходе Средних веков, в России во времена Ивана Грозного, в Японии в XIX в. и во многих других странах. Речь идет не о случайном совпадении, а о естественных следствиях связей, о которых свидетельствует опыт, ибо пробуждение религиозного чувства есть проявление повышенной активности чувств, названных нами постоянством агрегатов; это связующий элемент человеческих обществ.

Международные конфликты также воздействуют на процессы в центробежном или центростремительном направлении. Поражение центральной власти в войне может привести к ее падению, т. е. способствовать центробежному движению [в тексте — центростремительному — *Прим. перев.*]; результат победы может вести к противоположному. Но так бывает не всегда. Если победа была одержана путем огромных усилий и тяжелых жертв со стороны подданных, правительство может в итоге ослабнуть. Во времена ограниченных воинских контингентов, когда воевали профессионалы, этой опасности нетрудно было избежать. Преемники Александра очень долго сражались друг с другом; Римская империя находилась почти непрерывно в состоянии войны, а великие европейские монархии Нового времени на протяжении многих лет могли позволить себе такую роскошь, как постоянные войны, в которых тысячами гибли их подданные. Однако нынешняя мировая война, поставившая под ружье целые нации, значительно подорвала позиции центральной власти как в победивших, так и в побежденных державах¹⁷.

¹⁷ В газете «Il resto del Carlino» от 7 марта 1920 г. читаем: «Буржуазия должна понять, что сегодня она пожинает плоды безумной и самоубийственной политики, проводившейся на протяжении пяти военных лет, когда не было такой лжи, которую нельзя было канонизировать во имя национального „сопротивления“. Сопротивление! Попробуй сопротивляться сегодня! Буржуазия тешила себя иллюзиями обеспечить сопротивление трудящихся классов и армии,

Она также существенно ускорила процессы, которые в противном случае шли бы гораздо медленнее. Так называемые консервативные империи (Россия, с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия — с другой) пали и сменились так называемыми демократическими и им подобными режимами; если бы они объединились, никто не смог бы с ними справиться. В силу раздоров, вызванных чрезмерной алчностью, и благодаря последовавшей за ними затяжной войне зашатался режим демагогической плутократии и буржуазный строй в целом поставлен под вопрос. Правящие круги не столько воспользовались заповедями империализма, сколько злоупотребили ими. Если бы они заключили мир в 1917 г., у них оставалась бы надежда продлить свое существование, но в одном лагере стремились одержать сокрушительную победу, а в другом не хотели признать свое поражение; тем самым правители сами приближали свой крах. Их противники действуют более разумно, предоставляя им бороться с неразрешимыми трудностями.

Можно привести много сходных примеров, иллюстрирующих смещение точки равновесия центробежной и центростремительной сил.

Если мы обратимся к положению в Западной Европе между 774 и 800 гг., мы увидим, что центральная власть господствовала безраздельно. Карл Великий диктовал свою волю не только светским подданным, но и Церкви; во всей огромной империи никто не дерзнул бы восстать против него. Затем положение вещей изменилось после смерти последнего императора Каролинга в 899 г. Европа погрузилась в хаос. Колебание точки равновесия между центробежной и центростремительной силами в основном совершилось менее чем за сто лет.

В нашествии норманнов видели причину распада империи Каролингов; но почему в таком случае гораздо более грозное нашествие сарацин, напротив, помогло ее основанию? На самом деле действие внешних конфликтов добавилось к действию внутренних обстоятельств, но не отменило его.

В Англии в начале XIX в. точка равновесия была смещена в сторону центростремительной силы. Действительная власть принадлежала парламенту. Было бы смешно противопоставлять ей авторитет ассоциаций, напоминающих наши профсоюзы, как было бы смешно противопоставлять власти сиятельного Карла Великого авторитет мелкого землевладельца, сидящего в своем маноре, как будущие феодалы. Сегодня нас отделяет от эпохи всемогущего парламента, который, как говорили англичане, не может лишь превратить мужчину в жен-

раздавая направо и налево призрачные обещания, которые не собиралась выполнять. Теперь она запуталась в собственных силках».

щину, чуть больше столетия, и его власть в значительной степени испарилась, разрушилась, перешла к профсоюзам, которые выступают на равных с парламентом и исполняющим его волю правительством.

10 февраля 1920 г. Ллойд Джордж говорил в палате общин: «Трудность найти дешевое жилье порождена отсутствием рабочих и деятельностью тред-юнионов, которые не разрешают использовать 350 000 демобилизованных рабочих, которые могли бы этим заняться». Следовательно, чтобы приступить к работе, им нужно решение профсоюзов. Защитит ли парламент их право на труд? Нет. Ллойд Джордж продолжает: «Рабочая партия должна принять во внимание, что пользе нации следует отдавать предпочтение перед пользой корпорации». Но всего за несколько лет до того говорили другое и считали, что именно парламент, а не гражданские ассоциации, должен следить за тем, чтобы частные интересы не преобладали над общими интересами.

Из этого вытекают странные вещи. В Италии, чтобы предупредить истребление скота, запрещено есть мясо в пятницу и субботу; того, кто потребляет бифштексы по этим дням, наказывают; но если он является членом профсоюза, ему дозволено безнаказанно съесть целого быка. Когда итальянское правительство принимало эти лицемерные запреты, в стране бушевали сельскохозяйственные стачки и бастующие под благосклонным отеческим надзором властей не давали есть и пить скотине, причем даже избивали палками ее хозяина, который пытался это делать. Они также не разрешали продавать животных на мясо.

Подданные Карла Великого непосредственно зависели от него, как от короля франков и императора, и как таковому приносили ему присягу. Его прямой обязанностью было защищать их и вершить правосудие. Развивая и расширяя уже существовавший институт, он рассылал своих *missi*¹⁸ по всей империи¹⁹, «дабы они старательно расследовали, не взывает ли кто-либо об учиненной над ним другими несправедливости», и требовал, чтобы они не склонялись «перед лестью, мздой, доводами родства или угрозой со стороны власть имущих». В другом капитулярии читаем²⁰: «Если какой-либо епископ или граф станет пренебрегать своим долгом, пусть они

¹⁸ *Missi dominici* — представители императоров Каролингской династии в IX–X вв., выполнявшие административные и судебные функции в ходе поездок по провинциям. Обычно их было двое — духовное и светское лицо. — *Прим. перев.*

¹⁹ *Capitulare primum anni DCCCII sive capitula data Missis Dominicis, anno secundo imperii. Cap. I.*

²⁰ *Capitularium Karoli Magni... Lib. II. Cap. XXVI.*

(missi) наставят их с помощью внушения, дабы весь народ знал о том, что всякий не добившийся правосудия по небрежению, нерадивости или недостатку власти графа может пожаловаться сперва им, и с их помощью обрести правосудие; когда же кто-то побуждаемый необходимостью обратится к нам, мы можем уполномочить их разобрать дело».

При преемниках Карла Великого missi dominici все еще существовали, но их власть и значение мало-помалу сокращались и в конце концов сошли на нет. Карл Лысый все еще угрожал прислать тех, кто заставят соблюдать его запрет строить новые замки, но эта угроза остается пустым звуком, замки продолжают умножаться числом и могуществом. Мелкие местные княжества воздвигаются на развалинах центральной власти.

Следует стараться не смешивать действительное и идеальное (правовое, если использовать современный термин) положение вещей. Во Франции действительная власть короля закончилась в момент вступления на трон Капета, но идеальная власть сохранялась всегда, она пережила феодальные бури и впоследствии помогла оправдать и укрепить восстановление действительной власти. Согласно многим теориям порядок вещей был обратным. Они утверждают, что идеальная власть была источником, причиной новой действительной власти, но при этом допускают ошибку, вызванную желанием априорно объяснять факты с помощью идей, в то время как опыт показывает, что чаще всего идеи суть следствия фактов.

Развитие феодализма имеет некоторые общие черты с развитием наших профсоюзов; изучение последнего, разворачивающегося у нас на глазах, помогает лучше понять первое, гораздо более отдаленное и менее известное. И наоборот: то немногое, что нам известно о делах прошлого, бесполезно для более ясного понимания современности.

С оговоркой, что исключительно ради удобства изложения допустимо замещать непрерывные трансформации дискретными, мы можем принять периодизацию истории тред-юнионов, введенную супругами Вебб. Как известно, она такова: с 1799 по 1825 г. — борьба за существование, с 1829 по 1842 г. — революционный период, с 1843 по 1860 г. — новый дух и новая модель, с 1860 по 1875 г. — хунта и ее союзники, с 1875 по 1899 г. — старый и новый юнионизм, с 1892 по 1894 г. — мир тред-юнионов²¹. Следует добавить, что последний период про-

²¹ Хунтой супруги Вебб называют влиятельную группу руководителей английских тред-юнионов указанного времени. То, что Парето называет периодизацией

должался до начала мировой войны и что после ее окончания начался новый период, который можно назвать триумфом синдикализма. Во всяком случае, налицо значительный прогресс; к тому же он наблюдается и в других странах, т. е. является всеобщим.

Мы живем в такое время, когда пропасть между формой и реальностью в бытовании такого института, как центральная власть, все время увеличивается.

Фюстель де Куланж оспаривал точку зрения, согласно которой статьи в Керси²² 877 г. были исходным пунктом феодального общества²³. Его доводы верны применительно к трансформации идеального представления, но неубедительны в отношении реальной трансформации. Он сам признается в этом²⁴, когда пишет: «(р. 473) Теперь, когда мы проанализировали подлинный смысл статей Керси, следует рассмотреть, не приобрели ли они более широкого и (р. 474) всеобъемлющего значения, чем то, которое хотел придать им их автор [лучше сказать: чем то, которое заложено в их буквальном содержании]. Обратимся сначала к обычаям и практике, которые выражены в них. Мы не станем говорить о статье 1-й, свидетельствующей о том заметном месте, которая заняла в государственной системе Церковь [сегодня Церковь заменяет социализм, особенно трансформистский]²⁵. Впрочем, это не было новшеством. Мы не будем говорить также о некоторых других статьях, например, 2-й, 5-й, с 18 по 22-ю, где Карл Лы-

Веббов, — это названия глав из их книги. (Английский оригинал: Webb S., Webb V. History of Trade Unionism. L., 1894. Первое издание очень редкое.) — *Прим. перев.*

²² Кьерсийский капитулярий Карла II Лысого закрепил наследственность некоторых феодальных титулов и владений. — *Прим. перев.*

²³ Coulanges F. de. Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire. Paris, 1891.

²⁴ В другом случае факты вынуждают его согласиться с одним из доказательств изложенной нами теории об отношениях между мыслями и делами. Les transformations de la royauté pendant l'époque Carolingienne. Paris, 1914. Речь идет о конфликте социального устройства Австразии с порядками в Нейстрии: «(р. 178) Не станем, однако, утверждать, что эти люди руководствовались некоей политической доктриной или чистой идеей; каждым из них двигал свой интерес или даже чувство зависти». То же самое можно было бы сказать о наших профсоюзных деятелях, кроме немногих теоретиков, которые не лишены фантазии. Большинство думают о высокой зарплате, о сокращении рабочего дня, о повышении социального и властного статуса и не имеют ни малейшего, самого отдаленного понятия о социальном государстве, к которому идет дело.

²⁵ Трансформизмом в итальянском контексте называется политика отказа от крайних взглядов и создания конъюнктурных парламентских коалиций для достижения стабильности. — *Прим. перев.*

сый несмотря на свой повелительный тон выдает собственные опасения в том, что ему не будет оказано повиновение [точно так же наши парламенты и правительства издают законы и указы, хотя знают, что они мало подействуют на профсоюзы. Например, они запрещают бастовать государственным служащим, но профсоюзы обращают на запрет ноль внимания. Во время забастовки власти повышают голос и угрожают бастующим увольнением, а тех только забавляют пустые угрозы. Власти составляют целые своды законов для защиты частной собственности, но терпят посягательства на нее со стороны профсоюзов; более того, они пытаются придать этим незаконным действиям легальный или мнимолегальный вид, уподобляясь человеку, который, упав с лошади, воскликнул: «Я как раз собирался слезть»]. Мы не будем останавливаться на 18-й статье, в которой король вынужден напомнить графам, что они являются чиновниками [именно это говорят наши власти железнодорожникам, но те обращают на их речи еще меньше внимания, чем вельможи времен Карла Лысого на предупреждения их господина] и что на них возложены обязанности правителей и судей, видимо, потому, что они пренебрегают этими обязанностями; похоже, что и сами *missi* пренебрегают своими [а наши должностные лица?]. Особого рассмотрения заслуживают статья 4 и ответ, данный на нее графами. Здесь король и его верноподданные обмениваются взаимными обязательствами [именно это можно сказать о сегодняшних мирных договорах между правительствами и влиятельными профсоюзами, например, английским профсоюзом шахтеров или профсоюзами железнодорожников повсеместно]». Далее следует еще одна аналогия с нашими государствами.

«(р. 474) Король еще произносит слово „подчинение“, но очевидно, что речь уже не идет о том всецелом, безоговорочном, независимом от волеизъявления подчинении, которое предписано подданным по отношению к королю в монархическом государстве [и по отношению к законодательному собранию в республике]. Речь идет только о подчинении, которое накладывает на человека данное им обещание [сегодня можно было бы сказать о подчинении, которое профсоюз оказывает правительству в соответствии с заключенным с ним мирным договором, и только до тех пор, пока считает нужным соблюдать этот договор]».

«(р. 475) Что здесь любопытно, это простота, с которой названные идеи высказываются в качестве общеизвестных, банальных, естественных и неоспоримых истин». Точно так же сегодня договор на равных между профсоюзами и правительством воспринимается как естественная вещь, не подлежащая обсуждению. Железнодорож-

ники, оплачиваемые государством, отказываются перевозить по железной дороге, принадлежащей государству, солдат и карабинеров²⁶. Здесь мы имеем дело с феноменом, аналогичным средневековому *иммунитету* — если не фактически, то в принципе. Железнодорожники полагают, хотя, вероятно, и не осознают этого вполне отчетливо, что власть центрального правительства заканчивается на границе их владений, простирающихся на все железнодорожные перевозки. Более или менее сходные мнения формируются и у других профсоюзов.

Явным признаком разрушения центральной власти выступает возможность уклонения от подсудности ей, а обязательное подчинение — признак ее укрепления. В этом случае действительное положение вещей также предшествует идеальному и правовому, которые лишь постепенно трансформируются в заданном им направлении.

Как раз сегодня мы наблюдаем одну из таких трансформаций. Иммунитет профсоюзов еще не обрел четкой формы, которая была присуща во времена Каролингов иммунилету Церкви и светских лиц, но он постепенно движется к ней. Во многих случаях, число и значимость которых растут с каждым днем, профсоюзы с одобрения части общества не позволяют исполнять законы и постановления.

Если бы государство было вынуждено отменять их под давлением, цель профсоюзов достигалась бы при формальном сохранении авторитета центральной власти; но так как решения правительства игнорируются, основы его суверенитета подрываются даже формально. Так называемые стачки солидарности демонстрируют, что рядом с правительством выстраивается множество мелких обособленных источников власти, стремящихся к независимости.

²⁶ На станции Ливорно железнодорожники отказались пропустить поезд с 231 пехотинцем. Правительство смирилось с этим и отправило солдат на броненосце Дуилио, который утром 19 апреля прибыл в Геную. Рабочие металлургического завода на моле Джано, наши высокородные и могучие бароны, прервали работу и отправили на борт судна делегацию, чтобы потребовать отказ от высадки. «Ответ был отрицательным. Тогда рабочие высыпали из завода, и забастовка распространилась на металлургов Фоче, Бордо и Кооператива. Позднее забастовали и все категории трудящихся района Скало делле Грацие» (Idea Nazionale. 1920. 21 aprile). Правительство, не имея возможности воспользоваться собственной железной дорогой, не решаясь использовать силу против тех, кто этому мешают, перевезло своих солдат в Турин на грузовиках. Сами по себе эти факты не столь существенны; они важны как показатель настроений, которые распространяются среди людей, все еще номинально работающих на правительство.

Любое событие, часто малозначащее или ничтожное, может дать профсоюзам и их объединениям повод к сопротивлению и нападкам²⁷.

Когда во Франции в феврале 1920 г., в соответствии с одной из статей железнодорожного регламента некий сотрудник общества «Париж — Лион — Средиземное море», без разрешения оставивший рабочее место, был отстранен на два дня от службы, этого было до-

²⁷ L'Idée Nationale. 1920. 8 febbraio. «Самый ничтожный из организаторов усвоил, что достаточно пригрозить забастовкой... чтобы под предлогом этой угрозы министерство пустилось на самые невероятные уступки... Так было во время стачки трамвайщиков и железнодорожников, когда использовался все тот же нечестный прием; ради оправдания выдачи шестидесяти миллионов в год, которые Мортара прибавил к ста сорока или ста пятидесяти, уже согласованным с Комиссией по равным правам, во всех так называемых официальных кругах трубят о возникшей в силу обстоятельств необходимости предотвратить паралич общественного транспорта в такое время как наше [то же самое говорят во Франции и в Англии, только *время* там другое]. Как будто забастовка все равно не состоялась, и паралич транспорта был отменен; в воскресенье трамвайщики прекратили работу, чтобы услышать от своих профсоюзных боссов отчет о достигнутых успехах, не менее вдохновляющих, чем у ломбардских железнодорожников, которые, до сих пор не известно почему, оставили без транспортного обслуживания всю свою промышленную область! Стыд и позор». «Тем временем ожидается декрет, который должен санкционировать меры, принятые раздираемым противоречиями Советом министров [а парламент? Ему остается только одобрять решения профсоюзов и министров]. Они полностью зависят от организаторов, которые намереваются истолковывать и требовать исполнения декрета, как им заблагорассудится; другим гражданам об этом ничего не известно, особенно главам трамвайных и железнодорожных предприятий, которых намеренно оставляют в неведении». Центральная власть не в состоянии даже утвердить расписание поездов и трамвайных маршрутов. Оно вводит декретное время, отличающееся от астрономического. Независимо от того, что эта мера беспомощна, правительство или парламент вправе к ней прибегнуть. Профсоюзы, не считающиеся с законной властью, попросту отказываются исполнять декрет. По этому поводу «Idée Nationale» от 16 апреля 1920 г. пишет: «Если декретное время действительно имеет экономический смысл и приносит выгоду, почему правительство не заставит безоговорочно его придерживаться? Если оно не дает никакой пользы, зачем его вводить?» Ответ прост: декретное время было введено теоретической властью, не соблюдается же оно вследствие отсутствия равноценной практической власти. Похожие противоречия наблюдались в эпоху перевеса феодальных властей над королевской властью и наблюдаются всегда, когда над центральным правительством получают перевес другие.

статочно, чтобы профсоюзы объявили и провели всеобщую стачку железнодорожников. В подобных случаях желание соблюдать законы и правила именуется «нарушение профсоюзных свобод», так же как в Средние века толковали о посягательстве на феодальный иммунитет.

Заметна тенденция профсоюзов не ограничивать свои привилегии профессиональными конфликтами, а распространять их на споры между членами профсоюзов и теми, кто в них не входит. Последних привлекают к особому суду, а если центральные власти противятся этому, то оказываются перед угрозой и фактом забастовки. В феодальном обществе вассал не был полностью исключен из королевского правосудия; чтобы прибегнуть к нему, следовало лишь соблюдать феодальную иерархию, его непосредственный сеньор должен был либо свершить суд сам, либо представить вассала на суд вышестоящего сеньора. Возможно, когда-нибудь такие гарантии появятся и в профсоюзном праве, но сегодня их нет.

В результате возник и прогрессирует современный анархический строй, на что пока никто не обращает внимания, хотя он уже отмечен многообразными проявлениями; если начавшееся движение продолжится, конфликты между отдельными профсоюзами будут возрастать и возникнут трения не только между профессиональными союзами трудящихся, с одной стороны, и всем остальным населением — с другой, но и между разными профсоюзами одной отрасли²⁸. То же самое происходило в Средние века, когда вражда разгоралась между теми, кто поделил между собой наследие центральной власти. Пока эта власть сохраняла силу, общие интересы удерживали ее противников вместе или по крайней мере не давали им разделиться. Для знати в эпоху Каролингов важнее всего было освободиться от гнета императорской или королевской власти, а для наших профсоюзов пока что — утвердить себя вопреки авторитету парламента и интересам остальной части населения. 27 января 1920 г. на собрании Международного бюро труда господин Герен заявил, что полномочия парламента остаются в силе, тогда Жуо²⁹ возразил ему, что Международная организация труда является экономическим парламентом более вы-

²⁸ Конференция простых рабочих, собравшаяся в Лондоне, 11 марта 1920 г. приняла повестку дня, в которой говорилось: «Сегодня главными врагами труда являются не капиталисты, а представители трудящихся. Поэтому конференция принимает решение об установлении на всей территории Соединенного Королевства правления советов».

²⁹ Comité national d'études sociales et politiques. 2-e année. Bulletin No 12.

сокого порядка и ее решения могут быть только ратифицированы отдельными государствами³⁰.

По мере того как ослабевает центральная власть, множатся проявления враждебности со стороны ее противников; начинаются private войны между капетингскими феодалами, разгораются конфликты между профсоюзами, и предвестием этого уже являются вооруженные столкновения между бастующими рабочими и штрейкбрехерами, между красными и желтыми, между белыми и красными — я чуть не написал: между гвельфами и гибеллинами; и они разворачиваются перед благосклонным взором центральной власти, как некогда частные войны баронов перед глазами короля.

18 апреля 1920 г. на площади Синьоров в Падуе примерно пять тысяч красных и столько же белых сошлись в настоящем сражении, в котором пострадали 15 человек. Центральная власть никак не позаботилась о наведении порядка; она благосклонно наблюдала за гражданской войной, как когда-то феодальные короли за войнами своих баронов.

Сегодня синдикаты железнодорожников, моряков, докеров, шахтеров имеют дело всего лишь с бесформенной массой остального населения; наиболее влиятельные и смелые профсоюзы, такие как Тройной альянс в Англии, состоящий из шахтеров, железнодорожников и докеров, и Всеобщая конфедерация труда во Франции, главенствуют над более слабыми и умеренными. Как всегда бывает в подобных случаях, есть господствующая элита, с которой большинство вынуждено мириться; но в нем уже зреют зерна сопротивления, и они, возможно, никак не проявят себя в ближайшем будущем, но несомненно дадут о себе знать впоследствии.

Между крестьянами, с одной стороны, и рабочими и государственными служащими — с другой, наметились разногласия, немалые во Франции, но заслуживающие внимания и в Италии; эти разногласия могут иметь серьезные последствия, которые возобладают над всеми спорами в среде профсоюзов. Будущее прояснит для нас этот феномен, очертания которого пока не очень отчетливы.

Власть имущим выгодно замалчивать тот факт, что привилегии профсоюзов тяжелым бременем ложатся на остальную часть населения; им угодливо поддакивают подхалимы, утверждающие, что его несут только богатые, но факты опровергают это заблуждение. Как бы то ни было, те, кто несут это бремя привилегий, рано или поздно от-

³⁰ Леон Жуо — французский профсоюзный деятель, с 1909 г. генеральный секретарь CGT (Генеральный совет труда). — *Прим. итал. ред.*

ринут теории и восстанут; их не остановят медоточивые речи, слащавые и жеманные проповеди болтунов, которые вольно или невольно призывают к толстовству и уговаривают людей «идти в ногу со временем», смиряться с «неизбежным», уверовать в евангелие «божественного пролетариата», «священных трудящихся» и «приспособиться, чтобы не погибнуть»: это призыв к самоубийству во избежание насильственной смерти.

Все это может произвести впечатление на трусливую и слабоумную буржуазию, которая вырождается, как и все элиты в стадии упадка, но вряд ли подействует на энергичных представителей новой элиты, например последователей какого-нибудь Ленина.

Когда умножатся и наберут силу конфликты между профсоюзами, между отдельными частями общества, во избежание анархии и его распада потребуется как-то разрешить их. Сейчас бесполезно делать это, поскольку, судя по опыту, обычно только практика, а не предварительно разработанные теории, помогает решению подобных проблем. Теория парламентского правления в Англии развивалась вслед за практикой, а не предшествовала ей, и совершенствовалась по мере трансформации этого института. Точно так же практические решения, часто теоретически ничем не обосновывавшиеся, а не абстрактные и произвольные теории, превратили парламентское управление, введенное Альбертинским уставом³¹, в сегодняшний итальянский политический режим.

Нет оснований полагать, что в будущем порядок подобных изменений окажется иным, чем в прошлом.

Впрочем, именно поэтому можно заметить, что для решения проблемы синдикалистского устройства будет недостаточно, вопреки мнению некоторых, заменить современные парламенты собраниями профсоюзных делегатов, потому что это было бы изменением по форме, а не по существу.

Теория, согласно которой в наших парламентах заседают представители всей нации, является фикцией. На самом деле эти люди представляют только часть общества, которая главенствует над остальными либо с помощью лисьих уловок в эпоху преобладания первой фракции демагогической плутократии, либо, по мере усиления второй фракции, благодаря численному превосходству. Формула прежних времен, которая положена в основу нашего парламентского

³¹ Статут, или Устав Сардинского королевства, введенный Карлом-Альбертом Савойским в 1848 г., с 1861 г. до середины XX в. был конституцией итальянского государства. — *Прим. перев.*

строю и согласно которой утверждать налоги должны те, кто их платят, сегодня явно или скрытно заменена другой, гласящей, что право утверждать налоги и обременять ими граждан принадлежит тем, кто их не платят. Некогда податями «с милосердием и снисхождением» облагались сервы, сегодня это зажиточные люди. Когда-то первым приходилось оплачивать чрезвычайными сборами сумасбродные войны господ, теперь эта обязанность возлагается на вторых. В старину строго воспрещалось бегство крепостных, сегодня под запретом бегство капиталов. Мелкие отклонения в ту или иную сторону наблюдаются и в наше время. Перед мировой войной итальянское правительство пыталось воздвигать преграды на пути эмиграции трудящихся, которая наносила ущерб «капиталистам»; сегодня оно озабочено экспортом капиталов, который, как говорят, наносит ущерб трудящимся. Чтобы защитить собственников от убытков, наносимых забастовкой, Депретис³² посылал солдат на уборку урожая; сегодня власти покровительствуют забастовщикам, даже когда они силой препятствуют убирать урожай и предпочитают оставить зерно гнить, чтобы навязать свою волю собственникам. При этом теория и законодательство не изменились; в университетах учат тому же, чему учили во времена Депретиса, и напрасно мы стали бы искать в своде законов правовой акт, санкционирующий изменение практики.

Важным свидетельством указанного противоречия между все еще действующим законом и тем, который, возможно, придет ему на смену, но пока что представляет собой всего лишь нарушение, является статья Риголы³³: «Дело Маццонис... — новый этап в истории борьбы между трудом и капиталом в Италии... Федерация текстильщиков потребовала от фирмы Маццонис, — собственника полдюжины предприятий, разбросанных по разным уголкам Ломбардии, соблюдения тарифов и условий труда, согласованных с Хлопчатобумажной ассоциацией и действующих на других фабриках [возможно, будущие законы предоставят возможность для таких требований, но в сегодняшнем законодательстве она не предусмотрена]. Братья Маццонис отвергли это требование, ссылаясь на то, что они не обязаны соблюдать соглашения, заключенные с промышленной ассоциацией, в которую они не входят [правомерный довод с точки зрения действующих норм; по-видимому, бессмысленный с точки зрения будущей юриспруденции] ... Дни идут, но признаков угасания

³² Агостино Депретис (1813–1887) — премьер-министр ряда правительств Италии в 70–80-е гг. XIX в. — *Прим. перев.*

³³ Il Resto del Carlino. 1920. 18 marzo.

конфликта не заметно. Рабочие в отчаянии. Столкнувшись с таким упорством хозяев [лучше сказать: с ересью по отношению к зарождающейся религии], префект Турина счел своим долгом [в соответствии с новыми нормами] вмешаться и пригласить фирму к диалогу, чтобы найти путь к примирению. Но братья Маццонис стоят на своем и даже отказываются от посредничества префекта [в подобных случаях это часто делали рабочие, что допускается новым правом, но со стороны хозяев такое упорство непозволительно]». Последовали другие еретические выходки Маццонис, разрешенные действующим законом, но неправомерные с точки зрения заново утверждающихся норм. «В самом деле, рабочие хлопкового предприятия воспользовались возможностью, предоставленной им упрямством [ересью] собственников, чтобы добиться выполнения всех их требований. Работники Понте Канавезе и Торре Пелличе оставили колебания, завладели двумя фабриками, подняли над ними красное знамя, выбрали фабричные советы и приступили к коммунистическому управлению производством».

Допустимо ли это с точки зрения действующего права? Волнует ли это кого-либо? Во всяком случае, не рабочих, уже придерживающихся будущих законов, и не центральное правительство, которое старается только не раздражать зверя, угрожающего их пожрать.

Были ли законными захваты баронов на заре феодализма? И кого они волновали? Во всяком случае, не баронов, которые заменяли право силой, и не короля, не располагавшего достаточными средствами, чтобы добиться от них послушания.

Принадлежность предприятий является не только юридической, но и экономической проблемой; в этом смысле она распадается на две части, потому что следует думать не только о владении существующими предприятиями, но и о создании новых. Существующие можно отнять у их владельцев, но нетрудно понять, что там, где этот процесс станет массовым, никто не захочет открывать новые, поэтому придется изобретать какие-то способы для их создания.

Автор статьи продолжает и по справедливости признает, что рабочие поступают противозаконно. «Закона, который обязывал бы промышленников признавать правительственные организации и мириться с вмешательством правительства в их отношения с рабочими, действительно не существует; сомнительно также, что отказ подчиниться решению согласительной комиссии оправдывает, с точки зрения действующего законодательства, меры, принятые префектом. Об этом должны судить юристы. Мы в данном случае можем лишь констатировать, что префект в ответ на непреклонную

позицию фирмы пошел на изъятие фабрик и доверил управление ими Туринской окружной трудовой инспекции, которая должна владеть ими, как сказано в постановлении, от имени фирмы Маццонис». Если какой-то добрый человек заберет часы у проезжающего, то префект с равным юридическим основанием сможет изъять часы и доверить управление ими какой-нибудь инспекции, которая не станет отнимать их у этого доброго человека, как и предприятия Маццонис на деле не были отняты у рабочих.

14 апреля, после того как братья Маццонис подчинились требованиям профсоюза, изъятие их фабрик было отменено. Таким образом, центральное правительство не столько добивалось исполнения своих законов, сколько потворствовало их нарушению; оно само подрывало собственную власть.

Цивилизованный народ не может существовать без законов, будь они писаными, закрепленными обычаем, или установленными другим способом; законы необходимы, и любое положение вещей рано или поздно приводит к своему теоретическому оформлению. Поэтому сегодняшняя ситуация, когда действующий закон умирает, а новый еще не родился, является переходной и ведет к появлению новых правил. Если победят профсоюзы, появится профсоюзный закон, напоминающий феодальный, и тогда мы увидим документ на подобие Иерусалимских ассиз³⁴. На это рассчитывают синдикалисты, от этого отрекшиваются их робкие противники.

Эволюция на этом не остановится. Ожесточение одной силы всегда вызывает обратное действие. В Средние века возникали и пользовались популярностью места, где преследуемые сервы находили пристанище; возможно, и в будущем появятся подобные убежища для гонимых «капиталистов».

Помимо этого средневековые сеньоры в конце концов обнаружили, что они не получают максимальной прибыли, доведя своих крепостных до разорения; это открытие, успешно взятое на вооружение королями, стало источником расширения их власти. Через некоторое время (вероятно, немалое, ибо в нашем обществе еще достаточно капиталов, которые можно тратить) кое-кто из власть имущих заметит, что разорение рачительных хозяев и даже простое отсутствие их поощрения не способствуют достижению максимальной прибыли, и делает выбор в пользу своей выгоды, не думая о мобилизации капита-

³⁴ Иерусалимские ассизы — это свод законодательных установлений Иерусалимского королевства крестоносцев XIII в., в котором вассалам предоставлялись широкие права, ограничивающие власть сеньоров и короля. — *Прим. перев.*

лов, налогах на роскошь, прогрессивном обложении, гуманитарных жертвованиях со стороны собственников, лишениях, вызванных новыми временами, и другой чепухе. Владельцам ульев известно, что, отняв у пчел весь мед и уморив их голодом, они нанесли бы себе ущерб, поэтому они заботятся о процветании этих насекомых ради собственной выгоды, а не из гуманитарных соображений. По-видимому, нечто подобное происходит сейчас и в России при большевистском режиме.

Потребность в деньгах очень часто приводила к ослаблению и даже к падению многих правительств. Представители английских общин, Генеральные Штаты во Франции созывались монархами по необходимости, связанной, как правило, с войной, с выплатой жалований и (в Новое время) с государственными долгами. Они могли избежать этой необходимости и, соответственно, зависимости только в том случае, если им удавалось проявить силу и волю, чтобы покончить с подобными расходами. Так поступали сильные правители, которые даже объявляли о своем банкротстве, хотя бы частичном, как например, французские монархи Людовик XIV и Людовик XV, на что не решился Людовик XVI, заплативший за свою слабохарактерность короной и жизнью. Впрочем, если ему не доставало воли, еще больше ему не доставало власти. Нашим правителям тоже не хватает и того, и другого, поэтому они не знают, как избавиться от свалившихся на них бедствий, угрожающих гибелью. Сегодня это идет на пользу нарождающемуся новому строю, завтра аналогичные явления могут обратиться ему во вред. Расточение богатств вкупе с расстройством производства и гонениями на бережливых хозяев уже обрушилось на Россию и рано или поздно обрушится на другие, сегодня самые богатые страны.

Примечательно, что упорство кабинета Людовика XVI не пошло на пользу ни пенсионерам, ни кредиторам правительства, впоследствии ограбленным революцией. Будет ли более полезной для пенсионеров и кредиторов нашего правительства протекция, оказываемая им последним? Для пенсионеров навряд ли, для кредиторов еще менее того.

Значительными силами, работающими на пользу центральной власти, являются на практике интересы плутократов, в идеальном плане — культ государства с его мифами и его богословием. Он представлен двумя партиями, во всем прочем полностью отличающимися друг от друга, а именно националистами, или империалистами, и классическими социалистами марксистского толка, противниками анархии, свободной конкуренции и синдикализма. Влияние обеих партий сегодня значительно снизилось. Первая пострадала в результате разочарования мировой войной, хотя она могла при-

обрести большую силу, если бы остановилась вовремя; ее погубила неумеренность. Вторая потерпела идейное поражение, поскольку социалисты ради эфемерной практической выгоды сблизились с демократами и стали сотрудничать с ними не только в военных вопросах, но и в правительстве.

Впрочем, если сегодня эти партии мало чем могут помочь центральной власти, то в один прекрасный день, когда снова начнется центростремительное движение, они (а вернее, их преемники) снова приобретут вес.

Такой же ход событий можно было наблюдать во времена расцвета, а затем заката феодального строя. Например, сегодняшняя утрата доверия к марксистскому идеализму напоминает судьбу империалистической доктрины *proceres* [здесь преемников — *Прим. перев.*] Карла Великого после смерти великого властелина, так же как вытеснение Третьим интернационалом Первого и Второго имеет сходство с вытеснением империализма феодализмом. Но как тот возродился в форме учения о королевской власти, так и социализм может возродиться, пусть и в другом обличье, после упадка синдикализма и подобных ему движений.

Католицизм был опорой учения о королевском величии, как гуманитарная вера была опорой социализма и сможет быть опорой той партии, которая родится из него в будущем. Суждение о политической и социальной роли Церкви в Средние века не может исходить из ее теологических постулатов, ортодоксальных или еретических уклонений и даже из нравственности прелатов. Точно так же суждение о классическом социализме не выводимо из его теорий и даже из appetites социал-демократии. Одно дело вера, другое — ее жрецы. Что касается дериваций, то не так уж велика разница между таинством Святой Троицы и теорией прибавочной стоимости Маркса, между ненавистью к главному врагу человеческого рода и ненавистью к капитализму. По существу средневековая теократия стремилась завладеть центральной властью, а не разрушить ее; более того, она неосознанно работала на нее. Классический социализм также желает завладеть центральной властью, чтобы упорядочить всю экономическую жизнь, он выступает против анархии капиталистического производства и, по-видимому, не лучше относится к синдикалистскому производству.

Если бы поистине ребяческое представление о том, что пользу производству приносит только ручной труд, было реализовано на практике (хотя это лишь абсурдная гипотеза) результат был бы прямо противоположным тому, чего добиваются недруги знания и поклонники блаженного пролетариата, ибо интеллектуалы ста-

ли бы редкими в той же степени, в какой и ценимыми, нужными, незаменимыми и влиятельными. Здесь кроется причина влияния прелатов в Средние века, когда дворяне, достойные предшественники современных ненавистников интеллектуального труда, хвалились, что не умеют даже подписываться. Власть Церкви пала, когда умножилось число образованных мирян и особенно когда образование отделилось от тогдашнего богословия, мало отличающегося от современного пролетарского богословия.

Но здесь мы приближаемся к черте, где завершается вероятное и начинается лишь возможное. Постараемся не переступить ее во избежание опасности перейти за рамки возможного и отправиться в странствие по безбрежным просторам фантазии.

III. ЦИКЛ ПЛУТОКРАТИИ

Другой аспект современных феноменов послужит нам для знакомства с еще одним из составляющих их элементов.

Обратимся к социально-экономическому развитию нашего общества за последние сто с лишним лет. Если мы очистим этот процесс от случайных воздействий, то сможем отметить следующие характеристики: 1) стремительный рост богатства, накоплений, капитала, вложенного в производство; 2) такой способ распределения богатства, который предполагает сохранение неравенства. Некоторые утверждают, что оно увеличилось, другие — что уменьшилось; по всей вероятности, норма распределения осталась примерно прежней; 3) постоянное возрастание значения двух общественных классов, а именно богатых спекулянтов и рабочих, или, если угодно, трудящихся. Если говорить о первом из этих элементов, то с ним связан рост и процветание плутократии, со вторым — демократии; при этом речь идет о плутократии и демократии в несколько неопределенном смысле, присущем обыденной речи; 4) особую связь между двумя указанными элементами, которая становится все более заметной с конца XIX в. по сей день. Хотя интересы спекулянтов и трудящихся в целом не очень совпадают, оказывается, что часть первых и часть вторых считают полезным действовать в одном направлении, чтобы навязывать свою волю государству и эксплуатировать другие общественные классы. При этом плутократы побуждают плебс к союзу с ними с помощью хитрости, используя его настроения (остатки, *residui*) и обманывая его. Это явление в народе и у дилетантов известно под названием «демагогическая плутократия»; 5) в то время

как растет власть двух вышеназванных классов, ослабевает влияние двух других, а именно богатых собственников и вообще зажиточных людей, не являющихся спекулянтами, и военных; власть вторых уже сведена к минимуму. В предвоенный период нужно было сделать исключение для Германии, где этот минимум был еще существенным, но теперь это не так. Одним из признаков нарастания этого феномена является постоянное расширение избирательного права от имущих к неимущим. Следует заметить, что среди имущих многие не являются спекулянтами, а среди неимущих немало тех, чьи интересы совпадают с интересами спекулянтов, и тех, чьими настроениями (остатками) последние могут воспользоваться, поэтому спекулянтам бывает выгодно отбирать власть у первых в пользу последних; б) мало-помалу к силе начинают прибегать не высшие, а низшие классы. Эта черта, как и следующая, является признаком разрушения центральной власти; 7) современные парламенты становятся эффективным инструментом демагогической плутократии. Сначала на выборах, затем в ходе принятия решений они представляют широкое поле деятельности для людей, богато одаренных инстинктом комбинирования. Поэтому современные парламентские режимы связали свою судьбу с плутократией, они процветают и увядают вместе с ней, и эти два процесса, которые называют также трансформациями демократии, зависят от перипетий истории плутократии.

Сегодняшние события отнюдь не отличаются уникальностью; чтобы понимать их, следует исходить из исторических последовательностей, к которым они принадлежат. Мы не должны поддаваться искушению переоценивать происходящее у нас на глазах и недооценивать то, что донесла до нас память о прошлом. Точно так же нам нужно избегать противоположной опасности, в которую легко впасть, видя в настоящем точную и верную копию прошлого. Отчасти сходные с сегодняшними процессы, о которых нам рассказывает история, развиваются неравномерно и не монотонно, но всегда волнообразно, принимая то или иное направление, хотя это не мешает различить общий ход, заслоняемый временными колебаниями. Эти колебания порождаются самой природой людей, отношения которых с правительством зависят от факторов, делящихся на две группы: связанных с достижением согласия и связанных с применением силы (§ 2151). Общественный порядок определяется колебаниями между этими двумя полюсами.

Согласие достигается при воздействии таких подгрупп факторов, как общность интересов, религиозные чувства, обычаи, предрассудки; это остатки, названные нами в «Социологии» *устойчивостью агрегатов*. Часто эти факторы приводятся в действие убеждением, ино-

гда основанным на доводах разума, но в большинстве случаев на софизмах (деривациях). Речь идет об остатках, которые мы назвали *инстинктом комбинирования*.

Следует обратить внимание на разную роль в управлении двух больших категорий граждан: одна состоит из земледельцев и землевладельцев; другая – из коммерсантов, промышленников, строительных подрядчиков, откупщиков, спекулянтов и т. д. Первая категория почти всегда содействует закреплению *устойчивости агрегатов*, а вторая – распространению *инстинкта комбинирования*, поэтому преобладание той или иной категории приводит к изменению типа общества.

Если доминирует первая, она способна удерживать власть с помощью собственных качеств; во втором случае формируется правление плутократии, но так как сама по себе плутократия слаба, она превращается в демагогическую или в военную плутократию. Первая обходится дешевле второй, если речь не идет о чрезмерных военных предприятиях.

Часто установка на использование силы является не просто альтернативой, но вступает в противоречие с желанием достичь согласия. Выдающиеся личности могут использовать оба способа, но для большинства правителей один из них намного предпочтительнее, и поскольку между разными общественными классами существует взаимоперетекание, оно тесно связано с изменениями в общественном устройстве.

Каждый тип общества таит в себе, во-первых, ростки процветания, а во-вторых, семена упадка, как и живые организмы³⁵; фазы больших колебаний соответствуют этим направлениям движения.

Из этих предпосылок, лишь в общем виде отражающих опытные данные, вытекает теория волнового движения общества, о которой мы подробно говорили в «Социологии», поэтому напомним о ней лишь в меру необходимости.

Древний Рим был земледельческой республикой, начавшей превращаться в плутократию после разрушения Карфагена и завоевания Греции. Аграрные законы Гракхов должны были помешать этой метаморфозе, но на деле они ей способствовали; в этом нет ничего необычного, потому что очень часто политики стремятся двигаться в одном направлении, но неосознанно и невольно движутся в противоположную сторону. Римская демагогическая плутократия господствовала до эпохи Суллы, а с этого времени до Августа вела борьбу с военной плутократией, но последняя одержала верх и в период ранней

³⁵ См. «Социологию», § 2541.

империи выродилась в военную бюрократию, отчасти напоминавшую чиновничество при русском царизме³⁶. Конец одному и другой положили великие социальные потрясения. Марий и Цезарь были союзниками демагогической плутократии и неосознанно готовили почву для режима Августа; история покажет, будет ли таким же продолжением правления Ленина и появится ли наследник Ивана Грозного.

Средние века были засильем деревни, постепенно расшатанным торгово-промышленными коммунами при содействии королевской власти и бюрократии. В трансформациях, которые привели к современному обществу, участвовали плутократии разного типа.

Необыкновенного процветания достигла английская плутократия, чем-то похожая на римскую эпохи заката республики. И в том и в другом случае основой процветания было участие в управлении земледельцев и собственников, которое придавало недостающую демагогической плутократии силу и прочность.

Во Франции империя Наполеона III опиралась на село, удерживала плутократию в разумных границах и культивировала милитаризм, как и империя Августа в Риме. И та и другая столкнулись с внешней военной силой, но французская империя потерпела крах при Седане, а римская легко перенесла поражение, нанесенное германцами легионам Вара. Здесь свою роль сыграла случайность, накладывающаяся на колебательные процессы, порождаемые внутренними причинами.

Французская Третья республика была основана при верховенстве деревни, но вскоре произошел поворот к демагогической плутократии, которая достигла пика своей власти в годы дела Дрейфуса. Однако война не благоприятствует плутократии, так что последние выборы во Франции указывают смену направления движения. Во время войны земледельческий класс обогатился и обрел новую силу. В нем преобладают сельские хозяева, поэтому по своим свойствам этот класс напоминает, хотя и в очень малой степени, тех, кого в просторечии называют консерваторами. Сельский плебс, который состоит, как в Италии, из поденщиков, требующих экспроприации земель и жаждущих получать плату за бесполезный или фиктивный труд, не пользуется влиянием.

Французский народ всегда отличался воинственностью, и победа способствовала некоторому оживлению милитаризма. В то же вре-

³⁶ Об этом подробнее говорится в «Социологии», поэтому здесь едва упомянуто. «Социология» была написана до мировой войны, но описанные в ней признаки плутократии в точности и даже еще отчетливее заметны сегодня. Зафиксированный тогда цикл совершился и продолжает совершаться описанным образом.

мя снизились авторитет и значение социалистов, которые не сумели или не пожелали сохранить верность своим принципам и поддержали буржуазные правительства, проявляя терпимость к псевдопатриотам и даже к крупным дельцам в своей среде.

Трудно сказать, продолжится ли начатое движение и к какому результату оно приведет, учитывая идущий параллельно распад центральной власти.

В Германии правила военная плутократия при поддержке земельдельческого класса, особенно прусского, но теперь она развалилась под ударами соперничающих с ней западных плутократий.

Мировая война, несмотря на сопровождавшие ее лжепатриотические и морализирующие речи о «защите права и справедливости», о вражеском «варварстве» и т. п., представляется в значительной степени конфликтом между военной и демагогической плутократиями, в который вмешалась русская бюрократия. Именно в этом смысле справедливо определение социалистов, которые назвали эту войну буржуазной.

Правящие круги всех стран, за исключением американцев и, возможно, англичан, ошиблись в расчетах. Российское правительство, имея за плечами опыт японской войны, могло бы предвидеть наступление революции, но оно проигнорировало подобные прогнозы. Немецкое правительство должно было бы научиться у Бисмарка дипломатической подготовке войны, но оно самонадеянно отказалось от этой работы. Французская и в еще большей степени итальянская плутократии не были готовы к войне, которая быстро надвигалась на них.

Участовавшие в конфликте плутократии сначала сами полагали, а затем, когда истина предстала перед ними, попытались убедить других, что война будет короткой и победа будет достигнута малой кровью³⁷. Война способствовала бы их планам, ибо искусство управления заключается в умении использовать существующие настроения (§ 2247 и *passim*), а патриотические настроения были в самом разгаре;

³⁷ Когда голоса тех, кто настаивали на кратковременности и необременительности войны, звучали особенно громко, мы писали: «Идущая теперь война будет, вероятно, длительной. Сегодня понятно, сколь грубо ошибались те, кто утверждали, что новые войны невозможны вследствие возросшей мощи средств уничтожения, и мы убедимся, что не менее грубо ошибаются те, кто считают, что нынешняя война продлится недолго из-за финансовых сложностей и голода, которые обрушатся по крайней мере на часть воюющих» (*Giornale d'Italia*. 1914. 25 settembre). Будущее время, употребленное в 1914 г., стало сегодня, в 1920-м, настоящим: *мы убеждаемся и даже прошедшим: убедились.*

но плутократии не смогли вовремя остановиться, как обычно и бывает в подобных предприятиях. Они могли заключить мир в 1917 г., когда исход войны принес бы им пользу, а не ущерб³⁸; однако страны Антанты захотели одержать полную победу, а центрально-европейские империи не пожелали пойти на неизбежные жертвы, потерять немалое, чтобы сохранить больше; теперь все они запутались в неразрешимых проблемах. Так получил ускоренное развитие ход событий, который, возможно, был бы неизбежен в любом случае.

Западные плутократии, как и те, кто непонятно почему называются *консерваторами*, не разглядели выгод, которые представляло для них существование русского и немецкого милитаризма, и не поняли, что, разрушая последний после падения первого, они расчищают место для враждебной им демагогии. Теперь они пытаются найти спасение в борьбе с большевизмом, но поздно: союзники русских революционеров в странах Антанты тем сильнее и опаснее для центральной власти, чем более шаткой является эта власть плутократии, которая старается удержаться ценой уступок. Отчасти ее ввели в заблуждение те же деривации, которыми она пользовалась для обмана других, чтобы посадить массы в окопы и удерживать их там, подкрепляя свои действия щедрыми обещаниями, которые заведомо не могли быть выполнены³⁹. Можно сказать, что они сами вырыли себе яму.

³⁸ Об этом я подробно писал в статье *Après quatre années de guerre*, которая получила в журнале «Соепубиум», издаваемом Энрико Биньями, теплый прием, которого трудно было ожидать в другом месте; я говорю об этом из признательности Биньями за беспристрастность. В то время меня порицали за то, что, по моему мнению, исторические уроки позволяют увидеть в будущей Лиге наций всего лишь прикрытие для чьей-то гегемонии. В каком направлении пошли и продолжают развиваться события? В упомянутой статье содержался также прогноз относительно того, что многим государствам придется расплачиваться по долгам, уменьшив покупательную способность их денежных единиц. Сегодня можно познакомиться с золотым содержанием валют Австрии, Германии, Франции, Италии и решить, выплачивают эти государства проценты по своим долгам полноценной или фальшивой и обесцененной монетой.

³⁹ Сейчас она прибегает к новым обманам, пытаясь доказать, что с помощью предполагаемого урезания излишеств зажиточных классов, не прибегая к сокращению капиталовложений в производство и снижению последнего, она сможет покрыть военные расходы и добыть огромные суммы для оплаты растущих запросов трудящихся классов и государственных служащих, для выполнения экономически бессмысленных работ и т. п. Таким образом, военные траты

Военная плутократия в Германии потерпела поражение от внешней силы, т. е. демагогической плутократии, которая теперь проникла в Германию и безраздельно властвует в странах Антанты.

Основы современной Италии были заложены буржуазией при попустительстве, а иногда и противодействии сельских масс⁴⁰. Новый режим вскоре стал опираться на демагогическую плутократию, достигшую наибольшей власти во времена Депретиса и далее. Война, конечно, повредила ей, но она далеко не повержена.

По-видимому, демагогическая плутократия торжествует повсюду. Быть может, ей суждена еще долгая жизнь в Англии благодаря достатку, обеспечиваемому гегемонией, перед которой волей-неволей склоняются все государства, кроме США. Рим эксплуатировал только средиземноморский бассейн, Англия эксплуатирует большую часть земного шара. Остается узнать, не появятся ли в Англии опасные для демагогической плутократии внутренние силы, не возродится ли в других странах военная плутократия, какова будет роль неизвестных величин — России и Азии.

В других европейских странах плутократия подвергается большим опасностям, но везде и всегда в ее арсенале есть масса уловок, позволяющих обратить себе на пользу внешне безнадежные обстоятельства. Она притворно уступает своим противникам, намереваясь вернуть себе с помощью ухищрений то, что было отнято силой; она обходит препятствие, которое не может преодолеть в лоб, и как правило, решает свои проблемы за счет вкладчиков и рантье — кротких овец, вполне пригодных для стрижки. У нее есть множество обходных путей: создание огромных государственных долгов, которые заведомо не будут оплачены, мобилизация капиталов, грабительские налоги, отнимающие доходы у тех, кто не занимается спекуляциями,

погашаются не за счет увеличения трудовых усилий и изготавливаемой продукции, а за счет их уменьшения. Мимоходом заметим, что пока что излишества не очень сократились; скорее старых богачей сменили новые, накопители — спекулянты. На эти крючки клюет немало народа; простофили никогда не переведутся.

⁴⁰ Следует обратить внимание на народные выступления в южных провинциях против буржуазии, дворян, которые были бурными в 1860-м и несколько последующих лет, более или менее умеренными в правление плутократии, а теперь переживают новый подъем, хотя и в ином, более мирном виде, как можно судить по народникам. Они составляют заметную силу, угнетенную центральной властью и проявляющую себя по мере ее ослабления. Это чрезвычайно важное явление, которое превосходит своим значением парламентские дразги и комбинации.

законы против роскоши, бесполезность которых уже многократно доказана историей, и тому подобные меры, направленные главным образом на обман масс.

В Италии проект закона депутата Фальчони⁴¹ о латифундиях и земельных концессиях для крестьян нанесет нашей плутократии не больше ущерба, чем нанесли его римской плутократии аграрные законы Гракхов, если не считать быстро пронесшейся бури. Большую опасность могут представлять планы народников⁴² по увеличению количества мелких собственников (если они осуществятся), поскольку именно этот сельскохозяйственный класс является единственным грозным противником плутократии.

До тех пор пока накопление сбережений не претерпит серьезного урона, продажа хлеба по заниженной цене, предоставление дешевого жилья и другие благодеяния, оказываемые плутократией своим союзникам и подданным, не помешают ей отхватывать жирные куски, как и те хлебные законы, которые принимала Римская республика, а вслед за ней в еще более широких масштабах империя.

Это сходство обстоятельств и шагов отнюдь не случайно, поэтому оно будет наблюдаться в дальнейшем, так что упадок римской плутократии может послужить хотя бы отчасти прообразом будущего нашей плутократии.

Очевидно, что мы находимся сейчас в точке, которая позволяет проводить прямую аналогию с положением римской плутократии на закате республики. В высшей степени вероятно, исходя в том числе из подобных же циклов, наблюдавшихся в другие эпохи и в других странах, что после прохождения вершины начнется спад.

Эта констатация мало что дает, хотелось бы знать больше; но лучше знать мало, чем ничего, и сегодняшнее недостаточное знание не исключает, а наоборот, подводит к завтрашнему более полному знанию. И только экспериментальная наука может быть надежным проводником к нему.

⁴¹ Альфредо Фальчони (1868–1936) — депутат парламента левой фракции с 1900 по 1924 г., заместитель министра внутренних дел с 1911 по 1914 г., затем министр сельского хозяйства и юстиции в правительстве Нитти. С 1929 г. сенатор. — *Прим. итал. ред.*

⁴² Итальянская народная партия (Partito Popolare Italiano) — партия христианско-демократического толка, основанная в 1919 г. упоминаемым в книге доном Л. Стурдзо. — *Прим. перев.*

IV. ЧУВСТВА

В предыдущей главе мы рассматривали конкретный пример того, каким бывает действие чувств. Теперь нам следует обратиться к ним самим, поскольку именно в них кроется суть феномена.

Сами чувства скрыты от нас, мы можем судить о них только по доступным нашему наблюдению внешним проявлениям⁴³. Наша задача требует не задерживаться на качественной стороне этого предмета и исследовать, насколько это возможно, его количественную сторону. С точки зрения логико-экспериментальной науки мнение одного индивида может быть очень существенным, но с точки зрения достижения социального равновесия оно практически равно нулю. В вопросах небесной механики мнение Ньютона перевешивает мнение миллиона его тогдашних сограждан, но с точки зрения оценки экономического и социального состояния Англии имеет значение лишь последнее.

При поверхностном взгляде на сегодняшнее общество мы различаем отдельные токи мнений, высвечивающих чувства и интересы, т. е. те силы, которые воздействуют на социальное равновесие. В этом качестве их и следует изучать, не уделяя излишнего внимания наружности и исключительным случаям, малопонятным с точки зрения разума и опыта. В этих случаях эмоции принимают форму религии, в промежуточных ситуациях — метафизическую и псевдоэкспериментальную форму, но общим для них является желание приблизиться к абсолюту и не подчиниться стечению обстоятельств.

Тому, кто склонен к такому образу мысли, чужды сомнения и труд научного изыскания; он может определенно судить обо всех переменных в обществе с помощью некоторых априорных принципов, предлагаемых этикой, метафизикой, теологией. Такова современная защита права и справедливости⁴⁴, привилегией на которую пользуются теперь не без выгоды для себя некоторые люди, уподобляясь

⁴³ См. «Социологию», § 1767 и след., § 178 и след., § 2083.

⁴⁴ Когда 8 июня Ллойд Джордж пытался оправдать в палате общин перемену своего отношения к Советской России, то, желая говорить без обиняков и несколько отстраняясь от моральной стороны дела, он заявил: «Если бы Англия не желала иметь сношений с людьми, повинными в жестокости, разве стояла бы она на первом месте в мире по торговым связям с каннибалами?» Прекрасно, но похоже, что компания каннибалов не самая подходящая для защитников права и справедливости. Немало государственных мужей уподобляется Ллойд Джорджу, на словах, правда, не выражаясь с такой же, как он, прямоотой.

в этом мусульманам, единственным приверженцам истинной веры, ради распространения коей Бог позволил им захватывать обширные территории, впоследствии, увы, утраченные. Таково роковое наступление демократии, правящей всем миром и приверженной «святости пролетариата», в которую вдруг уверовало множество народу — кто искренне, кто из корыстных побуждений, но все они изрыгают анафемы против творений ума, как поступали и первые христиане в отношении языческой литературы и науки; таков патриотизм, который сперва вооружал друг против друга соседние города — Спарту против Афин, Флоренцию против Пизы, а затем побуждал к войне целые нации, вдохновляя империализм. Такова, наконец, неприкосновенная гуманность, появляющаяся еще в патриотическом обличье уже в рассуждениях Исократ⁴⁵, а затем, освобождаясь хотя бы отчасти от телесных покровов, как Беатриче перед Данте, возрождающаяся в многочисленных, но пока безуспешных попытках провозгласить всеобщий мир; из них заслуживают упоминания призывы Канта, а сегодня их венчает многообещающая Лига наций.

Мы будем рассматривать все эти идеи и теории извне, не поддаваясь соблазну одобрять или осуждать их, а тем более защищать или опровергать, пропагандировать их или бороться с ними; мы толкуем о фактах и стараемся постичь их связь, не более того.

Среди адептов всех религий есть те, кто отличается пылкой и искренней верой, те, кто верит добросовестно, но не столь рьяно, те, кто сомневается и склонен к скептицизму, те, кто не очень верит и вынужден прибегать к лицемерию, есть чистые притворщики и явные ханжи.

Для тех, кто поддается эмоциям, наличие лицемеров среди верующих является аргументом для отрицания данной религии, часто для ее осуждения; но для того, чьи рассуждения основаны на опыте, это признак могущества веры, ибо притворяться заставляет истинная преданность ей большинства. В этом смысле очень правдива новелла Боккаччо, в которой рассказывается об израэлите, перешедшем в католическую веру вследствие того, что ее не смогли разрушить дурные поступки римских прелатов. Сегодня верным признаком могущества демократической веры является наличие у нее множества притворных последователей, а об упадке аристократической веры свидетельствует их полное отсутствие. Давно замечено, что ереси возникают, когда религия процветает и полна жизненных сил, и исчезают в период ее упадка и увядания.

⁴⁵ Исократ — знаменитый древнегреческий (афинский) оратор и преподаватель риторики. — *Прим. перев.*

Итак, откажемся от легковесной критики упомянутых религий, к которой побуждает тот факт, что для многих они являются средством зарабатывать на жизнь и даже приобретать богатство, почести и власть. Если, например, шумный патриотизм был выгоден плутократам, если война стала для кого-то прибыльным делом и многих обогатила, это не значит, что многие другие не совершили военно-патриотических подвигов из чисто идейных побуждений, пожертвовав своим имуществом и жизнью, и что последних было намного меньше, чем первых. Великие течения мысли должны оцениваться независимо от махинаций и обманов, которые их нередко сопровождают.

В обществе время от времени возникают межклассовые конфликты⁴⁶, чередующиеся согласно общим законам ритма: они то разгораются, то угасают. Сейчас преобладает следующая тенденция. Среди рабочего класса, или, если угодно, пролетариев, наблюдается растущее чувство ненависти к имущему классу и к тем, кто превосходят их культурой или еще чем-то; достигая своего предела у большевиков, оно широко распространено во всем мире. Однако у имущих классов и вообще в верхах не заметно проявлений враждебности к низшему классу, во многих случаях они уступили место лести, напоминающей прошлые восхваления абсолютных монархов. С одной стороны, трубят трубы и призывают к штурму, с другой — склоняют головы и капитулируют, а то и переходят на сторону врага, предавая своих за тридцать сребреников. Остается выяснить, как соотносятся эти проявления с чувствами.

⁴⁶ Конфликты, которые мы сейчас рассматриваем, соответствуют остаткам, в «Социологии» причисленным к классу IV (остатки по отношению к социальности) и классу V (целостность индивида и его связей). К последнему принадлежит чувство ненависти, сыгравшее такую роль во время войны. Общество разнородно, существует много обществ разного уровня, восходящих к более высоким ступеням и в конце концов к человечеству в целом. Соответственно, отдельные общества имеют определенное отношение к обществам более высокого уровня, как и индивиды, которые защищают свою целостность и испытывают определенные чувства по отношению к обществу. В «Социологии» мы говорили об общих законах (о единообразии) остатков. Если бы мы придерживались дедуктивного метода, нам следовало бы исходить из этих законов и изменить порядок изложения, поместив главу о распаде власти после этой; сначала рассмотреть колебания в целом, затем отдельные их виды, которые сейчас изучаем. Но в этом есть что-то искусственное. Можно уверенно идти по этому пути, если прочные основы дедукции были заложены многочисленными исследованиями. Но до тех пор необходимо придерживаться пути индукции, подкрепив затем результат дедуктивным способом.

Что касается низших классов, возможно, отсутствие каких-либо преград, в прошлом мешавших этим проявлениям, заставляет воспринимать их гораздо острее, чем если бы они точно соответствовали росту указанных настроений; но и с такой оговоркой получается существенный остаток. В отдельных случаях это хорошо заметно, например, если в Тоскане сравнивать чувства исполщика к землевладельцу пятьдесят лет назад и сегодня, или чувства, которые испытывает по отношению к государству мелкий правительственный служащий теперь и чувства его предшественников, в том числе хорошо показанных в литературе *кофелевских чиновников* в Пьемонте. Знаменитая комедия «Несчастья мсье Траве»⁴⁷ сегодня кажется археологической древностью. Такие же изменения явно претерпели настроения других социальных категорий. Это прослежено на примере промышленных рабочих, и причиной этого феномена называли переход от мелкой индустрии к крупной, но так как он наблюдается и там, где такого перехода не произошло, он дает лишь частичное объяснение. Несомненна общая перемена в рядах представителей рабочего класса, которые, если выразиться на современном жаргоне, более *сознательны* и более *развиты*.

Множество представителей высшего класса также преимущественно *развито*, но в прямо противоположном смысле по сравнению с трудящимися.

Многие из имущих пали духом и терпеливо сносят любые нападки, угрозы и притеснения. Они смиренно подчиняются своим противникам и целуют обирающие их руки. Они надеются достичь своих целей исподтишка и не рассчитывают на силу и смелость. Во время стачек они вербуют штрейкбрехеров, раздавая несбыточные обещания. По окончании стачек они трусливо оставляют штрейкбрехеров на милость бастующих. Даже если капиталисты побеждают, они боятся действовать решительно и поэтому идут на уступки, чтобы умиротворить рабочих. Поскольку рабочие в такой ситуации никогда не уступают, умиротворение фактически способствует разжиганию конфликта.

Богачи утрачивают инстинкты самосохранения и собственности. Социальная функция собственности превратилась в неопределенные социальные обязательства, в то время как труд стал правом. В некоторых областях Италии, например, трудящиеся захватывают земли сельскохозяйственного назначения и выполняют на них бессмысленные работы под предлогом, что у них есть право на труд,

⁴⁷ Комедия Витторио Берсецио (1828–1900) на пьемонтском диалекте, впервые поставленная в 1863 г. и рассказывающая о служащем низкого ранга, который занимается однообразной и пустой работой. — *Прим. итал. ред.*

а землевладельцы соответственно обязаны платить крестьянам за любую работу, которую те пожелают произвести. Многие из имущих одобряют такое положение дел.

Аристотель замечает по поводу олигархов тех времен, что «в некоторых городах они приносили клятву враждовать с народом и вредить ему как можно больше. Вместо этого им следовало бы поступать наоборот и давать обещание не ссориться с народом»⁴⁸. Совет Аристотеля в XIX – начале XX в. некоторыми был принят всерьез. Многие богатые люди полагают сегодня, что они следуют призыву Аристотеля править великодушно. Другие, в особенности плутократы, только притворяются, что верят в великодушие своих вождей.

Когда в 1614 г. во Франции собрались Генеральные штаты, третье сословие задалось целью избавиться от своего приниженого положения по отношению к дворянству и духовенству. Депутаты от дворянства были разгневаны такой дерзостью, и барон Сенесе изъявил их претензии на аудиенции у короля. «К своему стыду, Ваше Величество, я вынужден сообщить вам об очередной нанесенной нам обиде. Третье сословие утверждает, что церковный чин является старейшим, наш – более молодым, чем церковный, а их – самым младшим. Они говорят, что дома разоряют старшие, а восстанавливают младшие... Им недостаточно называть себя нашими братьями, они замахиваются на возрождение государства»⁴⁹. Сегодня дела обстоят как раз противоположным образом. Рабочих раздражает, что их сравнивают с капиталистами, а не наоборот. Так происходит в Советской России и повсюду.

Хорошо известно и вполне очевидно, что между средневековыми итальянскими республиками без конца возникали разногласия. Несмотря на то что хитрость и обман были нечужды тем временам, в республиках процветали храбрость и сила. Это относится как к простому народу, так и к знати. Но есть немало явных свидетельств о колебаниях разного рода. Муратори так описывает городскую жизнь: «Знатные люди, претендующие на должности и почести, часто считали необходимым вступать в цехи, чтобы добиться этих целей. Вступив в цеховое сообщество, нобили получали доступ ко многим должностям. Они могли управлять плебсом [так же, как наши плутократы в XX веке управляют трудящимися], поскольку уже их присутствие в это среде приносило им уважение. Возможно, сегодня [в 1790 г.] нобили посты-

⁴⁸ Аристотель. Политика (V, 7, 19, 1310). Мы говорим об олигархах, описанных Теофрастом. Характеры (XXVI).

⁴⁹ Aug. Thierry. Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers État. P. 153.

дились бы заходить так далеко, но знать старых времен была не столь деликатной. Она уступала, чтобы продвинуться как можно дальше»⁵⁰.

Сейчас (в 1920 г.) мы снова возвращаемся к эпохе, описанной Муратори. Когда новая элита придет к власти, она станет действовать, по всей вероятности, как та элита, о которой говорил Муратори.

Произошли также существенные изменения в чувствах, относящихся к налогообложению. Некогда считалось правильным, чтобы налоговое бремя ложилось непосредственно на бедных, а богатые избегали уплаты налогов. Сегодня дело обстоит противоположным образом, что свидетельствует, мимоходом заметим, о необычайной доброте этой дамы — *юстиции*, которая никогда не отказывает власть имущим в своей помощи. *Свободным* когда-то называли такое устройство, при котором плательщики налогов сначала высказывали свое согласие на это⁵¹; сегодня *свободным* считается режим, при котором налоги устанавливают те, кто их не платит, или почти не платит; все это доказывает, что понятие «свободный» столь же растяжимо, как и «справедливый».

Следует отметить разницу между чувствами, которые выражаются одними и теми же понятиями, будучи при этом неодинаковыми, противоположными.

В прошлом народ выступал не столько против налогов вообще, сколько против способов их обложения; сегодня имущие классы соглашались с системой, используемой для их ограбления, довольствуясь уловками, которые позволяют отчасти смягчить его последствия. Они никогда не объединяются для борьбы с ним, но каждый старается переложить бремя на соседа, и эти разногласия еще больше ослабляют их. Правительство же действует в том направлении, где встречает, как ему представляется, меньшее сопротивление. В прошедшие столетия облагали поборами народ, теперь избирают зажиточных людей.

В 1715 г. финансы французской монархии находились примерно в таком же состоянии, как финансы современных государств. Гер-

⁵⁰ Muratori. Dissertazioni sopra le antichità italiane. Roma, 1790. Vol. 3. Sez. 1. Diss. 52.

⁵¹ Соблюдение этого принципа в Англии и пренебрежение им во Франции было одной из причин, обусловивших разницу в судьбе монархий этих стран в XVIII в. De Tocqueville, L'ancien régime et la révolution: «(p. 147) В XIV веке максима „Не облагай того, кто этого не хочет“ казалась незыблемой как в самой Англии, так и во Франции. О ней часто вспоминают: поступать иначе — означает действовать тиранически; следовать ей — соблюдать право». Сегодня все наоборот. «В эту эпоху можно обнаружить... массу сходного между нашими и английскими политическими учреждениями. Но затем пути народов разделяются и все более расходятся с течением времени». Сегодня они снова сошлись.

цог Сен-Симон⁵², желая оправдать свой отказ председательствовать на заседаниях финансового совета, писал: «(р. 404) ... я вижу только такую альтернативу: продолжать собирать и даже еще увеличивать по мере возможности все налоги, чтобы оплатить все огромные долги, и в конце концов все разрушить, или объявить публичное банкротство от имени власти, признав будущего короля свободным от оплаты векселей и не обязанным расплачиваться по долгам своего деда и предшественника, что было бы чрезвычайно несправедливо и погубило бы множество семей...». Тем не менее, как меньшее зло, Сен-Симон предпочитает именно эту меру: «(р. 404) Чем больше будет жалоб и стенаний, отчаяния в связи с крахом стольких состояний и стольких семей, как непосредственно вследствие нее, так и по цепочке, а следовательно, беспорядка и расстройств в делах такого множества частных лиц, тем осмотрительнее станет себя вести каждое из них в будущем». Он полагает, что такое разочарование возымеет «(р. 404) два необыкновенно полезных последствия: король больше (р. 405) не сможет собирать такие огромные суммы, чтобы тратить их как заблагорассудится... и не сможет принудить к этому умеренное и разумное правительство, которое не позволит превратить его царствование в эпоху крови и разбоя, в эпоху бесконечных войн... Второе следствие этой невозможности освободит Францию от враждебного ей народа, неустанно пожирающего ее богатства с помощью всяческих затей, которые только способна изобрести алчность, превращающая их в роковую систему; с помощью уймы разных налогов, раскладка, взимание и разнообразие которых еще более пагубное, чем сам их размер, порождает эту многочисленную публику, лишенную каких бы то ни было полезных для общества функций и занятую только его развалом, обкрадыванием частных лиц, подрывом всякого рода коммерции, внутреннего благополучия семей и вообще правосудия в силу помех, чинимых им через составление бумаг и прочие жестокие ухищрения...». Это описание применимо и к нашему времени: здесь ничего нельзя ни прибавить, ни убавить.

Другое сходство заключается в том, что тогда легкость заработка на обирании народа с помощью налогов и создания долгов была одной из причин, погубивших французскую монархию; теперь же легкость заработка с помощью прогрессивного обложения имущих классов, образования долгов, печатания бумажных денег — легкость столь огромная, что, похоже, все искусство управления сегодня со-

⁵² Mémoires... du Duc de Saint-Simon. Paris, Hachette, in-18. T. VII.

средоточилось в подобных уловках, — вероятно, внесет свою лепту в угрожающий буржуазному государству крах⁵³.

Что касается действия правительств, то у нас они близки к банкротству и оплачивают свои долги обесцененными бумагами, но если говорить о чувствах буржуа, среди последних трудно отыскать такого, кто писал или даже думал бы, как Сен-Симон; конечно, не потому, что они считают бесполезным предостерегать людей от кредитования правительства, широко субсидирующего врагов буржуазии, но потому, что подобное предостережение не вяжется с предрассудками и скромными притязаниями наших имущих классов.

Чтобы объяснить и оправдать нынешний образ действий, они находят множество предлогов, частично сводящихся к следующему: «Мы были вынуждены вести войну в целях обороны; теперь придется за это платить, так что все должны идти на жертвы».

Если мы вдруг пожелаем принять это рассуждение всерьез, что, впрочем, бессмысленно, потому что оно целиком сводится к эмоциям и лишено логики, то увидим, что на цели обороны ссылаются обе стороны и непонятно, откуда берется оборона, если нет нападения; кроме того, по справедливости никак нельзя называть оборонной стремление победить и покорить весь земной шар, а также нежелание пойти на некоторые потери, чтобы добиться мира; затягивание войны и большая часть связанных с ней расходов были вызваны именно такими планами и расчетами.

Затем надо сказать, что утверждение о расстройстве финансов только вследствие военных расходов никак не соответствует действительности. Причиной этого стало расточительство правительств, которые, чтобы привлечь сторонников и утихомирить противников, выдавали всевозможные субсидии, делали политические скидки, затевали ненужные общественные работы, без конца тратили на войну,

⁵³ De Tocqueville, loc. cit.: «(р. 149) Когда король впервые взялся утверждать налоги своей властью, он понял, что сначала следует выбрать из них один, внешне не затрагивающий непосредственно знать; поскольку знать, в то время представлявшая опасный и соперничавший с королевской властью класс, не потерпела бы столь невыгодного для себя новшества; поэтому был избран налог, не распространявшийся на нее; это была талья... С этого момента по мере возрастания запросов государственной казны и полномочий центральной власти талья увеличивается и диверсифицируется: вскоре она удесятилась и все новые налоги стали тальями». Замените *знать немущими* и талью прогрессивным налогом и вы получите точное описание современного явления. Много похожего можно было наблюдать в греческих республиках.

в то время как невозможно было или не следовало бы более терпеть всякого рода беспорядки и перебои в производстве; также и расточительство населения, которое при попустительстве правительств предавалось безделью, неповиновению, выдвигало непомерные требования, хотя их невозможно было удовлетворить; нувориши выставляли свою роскошь напоказ, невзирая на войну, потому что власти в них нуждались. Эти люди в точности уподоблялись Тримальхиону⁵⁴, но тот нажил свое богатство торговлей, а не войной, и наслаждался им во времена изобилия, а не всеобщей нужды.

Из-за войны производство сократилось, но все — и богатые, и бедные — захотели больше потреблять. Как это возможно?

Что касается богатых, то придумывают предполагаемый рост доходов, вызванный войной и подтверждаемый неточной или слишком угодливой статистикой⁵⁵, а также говорят об уменьшении трат, вызванном законами о роскоши, которые, по правде говоря, сегодня столь же неэффективны, как и в прошлом.

Если говорить о бедных, то экономическая проблема подменяется моральной; с помощью такого трюка вместо того, что есть, рассматривается то, что должно быть. Но ахиллесовой пятой этих доводов является утверждение, что повысить уровень потребления немущих классов можно с помощью снижения потребления богатых. Но это нелепо, потому что малое не заменит многого.

Какое отношение к расходам собственно на войну имеют дотационные цены на хлеб, увеличивающие его потребление; пособия по безработице для людей, не желающих работать по рыночным ценам; увеличение заработной платы и сокращение рабочей недели для рабочих, служащих, ремесленников и т. д.; истребление скота и урожая забастовщиками; кризис общественного транспорта, ставшего слишком дорогим для большинства; безмерные выплаты, восьмичасовой рабочий день, праздность, нежелание работать, нерадивость, странные претензии ответственных лиц, мотовство биржевых акул, спекуляции, заменяющие под разными видами производство?

Пусть все это косвенно связано с войной и вытекает из перемены настроений и действий правительства, вызванных военным вре-

⁵⁴ Персонаж романа Петрония «Сатирикон», богатый вольноотпущенник. — *Прим. перев.*

⁵⁵ Единственный вывод, который можно сделать на основании этой статистики, был известен уже Аристотелю и заключается в том, что богатство, оцениваемое в денежных единицах, далеко не соответствует его экономическому содержанию. Бедный Мидас убедился в этом на собственном опыте.

менем, но именно поэтому те, кто в силу своих настроений, расчетов, поступков способствовали указанным явлениям, не могут быть оправданы ссылками на прямые или отдаленные последствия войны; это допустимо только по отношению к другим, а не к этим людям.

Отметим еще, что не существует этих *всех*, кто обязаны выносить тяготы войны, ибо заметно, что некоторые работают меньше, а получают больше, некоторые едва сводят концы с концами, а некоторые лишились имущества; государство же, вместо того чтобы быть общим делом, *res publica*, все больше становится делом лишь части населения, пролетариата, как говорят, — но в действительности тех, кому удастся им завладеть; однако это, по правде говоря, не новость.

В бюджете правительств предусмотрены средства для пропаганды займов; и поскольку, есть плательщик, должен быть и получатель; ясно, что не все проповеди в пользу кредитов (и добавим: налогов) произносятся безвозмездно; некоторые из них оплачиваются разного рода почестями и привилегиями. Поэтому подобные проявления следует отфильтровывать, чтобы обнаружить в них чувства, но все равно их будет немало, и было бы серьезной ошибкой полагать, что все проповедники или большинство из них движимы корыстью; они просто дают волю своему пристрастию к некоторым мифам и часто выступают в роли самых успешных их апостолов.

Тот факт, что даже после войны диктатура министерств не вызывает протеста, может навести на мысль о наличии чувств, благоприятствующих усилению центральной власти; но история опровергает подобные умозаключения и показывает, что правительства, склонные к абсолютизму, часто слабы⁵⁶, а политикам хорошо известна польза, которую приносит оппозиция, только укрепляющая правительство.

Из всего сказанного, по-моему, следует, что в плане чувств народная партия намного превосходит партию имущих классов. Ее сторонники более сплочены, преданны, они храбрее, энергичнее, самоотверженнее в отстаивании своих идеалов, они более упорно и последовательно движутся к поставленной цели. Правда, они уступают по части лисьих уловок, но в смутное время этот недостаток возмещается силой.

Точно так же некогда в прошлом они добились (и поэтому, воз-

⁵⁶ Фюстель де Куланж великолепно описывает эти явления, некогда во многом напоминавшие современные. Ср.: *Les transformations de la royauté pendant l'époque Carolingienne*: (p. 665) «Как раз в тот момент, когда монархия достигла предела могущества и все подчинила себе, она рухнула».

можно, добьются в будущем) лучшей участи для общества, обеспечив ему после тяжелых потрясений длительное благоденствие. Таковы были Средние века в Греции, Средние века после падения Римской империи, такими могут быть новые Средние века.

Чтобы понять размах и силу эмоций, нужно обратить внимание на энергию и упорство, с которыми трудящиеся и служащие добились установленного теперь восьмичасового рабочего дня. Они поставили перед собой реальную цель и боролись за нее сплоченно и преданно, никогда не уступая, притом во всех странах. Они не обращали внимания на карканье своих противников, вызывавших к патристическому жертвенному духу, и говорили: «После войны мы хотим жить лучше, чем раньше, а вы устраивайтесь, как хотите и можете». Никто из правящего класса не предлагал сотоварищам работать побольше на благо зажиточного слоя, хотя последний приглашают финансировать правительство, чтобы оно могло изливать щедроты на рабочий класс и плутократию, что является естественным следствием правления демагогической плутократии. У народной партии и у зажиточного класса есть свои штрейкбрехеры, только первая преследует и ненавидит их, а второй оправдывает и часто воздает им почести.

Благодаря значительной силе эмоций народная партия сумела навязать повышение заработной платы и жалований. Никто из ее адептов не изыскивает всевозможных способов перевалить налоги на сотоварищей, как происходит среди имущих классов, которые еще не поняли, что отнятое у правительства — отнято у противника.

Народная партия чувствует, что те, кто склонен к крайностям, на которые многие ее сторонники не готовы идти (по крайней мере сегодня) могут быть полезны ей как союзники; поэтому она повсеместно, как правило, благоволит большевикам. Партия имущих не решается противопоставить ей крайность иного рода, и поистине комичен тот ужас, который охватывает ее при одном упоминании о «милитаризме». В прошлом образчик такого подхода явил Цицерон, не сумевший понять, что в его времена стояла проблема выбора между площадными бунтами и силой легионов, и напрасно рассчитывавший на приход к власти оптиматов при поддержке народа, хотя это и делает ему честь.

Из двух соперничающих в обществе сил сейчас берет верх народ, и это расшатывает буржуазное государство, чья власть тает на глазах; демагогическая плутократия ощущает слабость своего первого элемента и укрепление второго; назревают перемены, время наступления которых и масштабы нам, однако, не дано предвидеть.

Мы воздерживаемся от суждений об изложенных нами фактах, как уже было сказано, т. е. от их одобрения или порицания, а также от рассмотрения вопроса о том, какую ближайшую или отдаленную пользу они сулят обществу. Мы упомянули о них лишь для того, чтобы извлечь из этого понимание глубины и напряженности чувств, испытываемых соперничающими партиями.

Мы начали с изучения поверхностных явлений и пришли к некоторым предположениям, а затем углубились в предмет и дошли до рассмотрения чувств; таким образом, наши предположения подтвердились, перед нами предстала с большой вероятностью общая картина трансформаций, которые ожидают наше общество.

V. ЭПИЛОГ

После публикации статей, напечатанных в этом томе, произошло немало событий, которые гораздо быстрее, чем я мог ожидать, подтвердили сделанные выводы, в свою очередь подтверждающие теории, изложенные в «Социологии»; вырисовывается некая непрерывная кривая, которая ведет от момента написания «Социологии» к настоящему и, по-видимому, продолжит свое движение в будущем, что позволяет нам отчасти его предвидеть.

Было бы слишком долго и малопродуктивно подробно перечислять упомянутые события, поскольку каждое из них само по себе не очень значительно⁵⁷ и только все вместе они существенны; но некоторые из них стоит назвать как типичные примеры, иллюстрирующие непрерывность процесса. Мы приступим к этому, используя свидетельства тех, кто не склонен одобрять наших теорий или, по меньшей мере, с ними явно незнаком.

Действие постоянных факторов, о котором говорилось в статье I, явно продемонстрировало свой перевес над внешними обстоятельствами, но политиканы и прислушивающиеся к ним добрые люди

⁵⁷ Именно это повторяют на все лады по поводу происходящего те, кто неосознанно или сознательно отворачиваются от реальности и утверждают искренне или чтобы заставить поверить в это других, что в конце концов все уладится, все будет хорошо, что нужно верить в судьбы родины, в здравомыслие народа и т. д.. Это напоминает известный софизм о лысом. Если вырвать один волос у человека с густой шевелюрой, он от этого не облысеет; это справедливо и в отношении второго волоса, и т. д.; таким образом, можно доказать, что даже если вырвать все волосы, лысым человек не станет.

обращают внимание только на последние. Все ухищрения, с помощью которых пытались пресечь описанный нами процесс, оказались напрасными.

Об этом, в частности, свидетельствует судьба маневров (хитро-сплетений), к которым правительство прибегало, чтобы скорректировать валютный курс и котировку ценных бумаг. Приведем лишь один из свежих эпизодов.

8 июля этого года было объявлено о разоблачении антиправительственного заговора плутократов, игравших на понижение курсов и котировок. 22 июля депутат Джолитти, поверивший в существование заговора или решивший, что продемонстрировать такую веру полезно для блага страны, говорил в палате парламента: «Если кто-то с помощью миллиардов, заработанных войной, рассчитывает оказать воздействие на нашу политическую жизнь, то он жестоко ошибается (*бурные аплодисменты*)». Другой ученый, депутат Модильяни⁵⁸, подкрепил своим авторитетом слова коллеги Джолитти. Многие газеты выступили с одобрением; пришли в движение судебные инстанции. На страницах «Трибуны» читаем: «Нам стало известно, что в рамках возбужденных королевской прокуратурой уголовных дел о биржевых спекуляциях в столице были произведены массовые обыски. В ходе этих обысков обнаружены документы, свидетельствующие о вопиющих нарушениях со стороны биржевых игроков. Например, было установлено, что в Риме всего за два дня было продано около 9 миллионов государственных процентных бумаг с явной целью понизить их курс.

Судебные органы продолжают расследование, проверки и обыски будут проводиться во многих других городах Италии». В самом деле, проверки были проведены также в Милане и Турине. Но, увы, дело лопнуло, как мыльный пузырь.

Благих намерений органов правосудия оказалось недостаточно, чтобы начать судебный процесс.

Посмотрим теперь на колебания курса валют в Женеве и ценных бумаг на итальянских биржах.

⁵⁸ Джузеппе Эмануэле Модильяни (1872–1947) — депутат от социалистической партии с 1913 по 1924 г., сторонник нейтралитета. Он участвовал в Циммервальдском съезде социалистов 1915 г. После разгрома при Капоретто он страстно призывал к миру: «Не нужно ни победителей, ни побежденных». Эту программу он выдвинул и на Третьей межсоюзной рабочей конференции в Лондоне. С приходом фашизма он эмигрировал во Францию. Ср.: G. Arfè. Giuseppe Emanuele Modigliani. Terzo Programma. I. 1965. P. 257–267. — *Прим. итал. ред.*

	22 июля	30 июля	23 октября
100 лир в франках	32,15	31,60	23,82
31/2% облигации	72,75	71,50	66,70
Консолидированные 5%	75,75	74,75	68,70
«Банка Коммерчале»	980,00	965,00	995,00
«Кредито Италияно»	672,00	667,00	630,00
«Ферровие Мерид»	443,00	420,00	326,00
«Рубаттино»	661,00	662,00	595,00
«Миньере Эльба»	227,00	221,00	132,00
«Аччайерие Тернии»	770,00	760,00	545,00
«Бреда»	217,00	206,00	173,00
«Ансальдо»	179,00	167,00	108,00
«Ильва»	148,00	140,00	98,00
«Фиат»	279,00	271,00	188,00

Здесь нечего добавить: правительственные меры привели к велико-
лепному результату! Но раз уроки прошлого не заставляют воздержи-
ваться от подобных мер, этот новый урок наверняка не спасет от по-
вторения подобных ошибок в будущем.

Выводы экспериментальной науки бесполезны не только для тол-
пы, но и для многих университетских профессоров.

Рассмотрим общий ход социально-экономических процессов. Неко-
торые его черты описаны в речи депутата Джолитти на заседании се-
ната 26 сентября 1920 г., за вычетом отдельных дериваций, без которых
не хотят или не могут, как правило, обойтись практические деятели.

«Влияние четвертого сословия стало ощущаться в Италии с кон-
ца прошлого века». Этот процесс описан в «Социологии» в соответ-
ствующем месте, где описываются циклы.

«Зафиксировано, что предпринимавшиеся в последние годы по-
пытки остановить этот процесс восхождения четвертого сословия
ни к чему хорошему не привели». То есть не дали результата, по-
тому что о «хорошем» нам трудно судить, если предварительно мы
не определим значение этого термина. Итак, предпринимавшие-

ся депутатом Джолитти попытки возродить авторитет государства, по-видимому, до сих пор не имели результатов; были ли они хороши или дурны, оставляем судить другим.

«Это социальный процесс, которым можно управлять, который можно регулировать, но который нельзя остановить». Для теоретической точности следовало бы добавить: который поддается небольшой коррекции, но который трудно остановить, потому что для этого понадобилось бы либо изменить интересы и чувства большинства, либо силой ввести новый порядок, воздействующий на чувства и интересы, что не менее трудно, ибо то стечение обстоятельств, которое дало Риму имперский режим Октавиана Августа, встречается редко. Само по себе слово «нельзя» без соответствующих пояснений наводит на мысль о вмешательстве рока, хотя речь идет всего лишь о наличии некоторых условий и их взаимосвязи. Далее депутат Джолитти рассказывает о процессах, происходивших в 1901–1902 гг., и усматривает в них причину снижения заработной платы. Факт, что сегодня, когда заработная плата в целом высока, а в отдельных случаях более того, наблюдаются те же процессы, свидетельствует, что он ошибается. Ссылки на мизерную зарплату преследуют моральную цель, а именно оправдание забастовок. Мы не занимаемся здесь ни оправданием, ни осуждением, а довольствуемся только рассказом.

Переходим теперь к замечательной части рассуждения. «Последние предвоенные годы характеризовались быстрым ростом заработной платы трудящихся в промышленности и сельском хозяйстве». Это были годы процветания демагогической плутократии, соответствовавшие восходящему этапу кризиса, за которым последовал нисходящий этап.

«Началась война... Она придала общественному движению почти стремительный темп». Прекрасно сказано. Постепенно нараставшие волны явления стали короче и интенсивнее.

«Окопы стали удобной ареной для пропаганды подрывных взглядов». Поэтому затягивание войны и стало величайшей ошибкой демагогической плутократии. Заключенный в 1917 г. мир мог бы сохранить все ее преимущества, хотя бы отчасти снизив ущерб, нанесенный войной настроениям и интересам.

«Солдат, приезжавший на побывку и ожидавший найти в земляках понимание торжественности момента, необходимости всемерно поддерживать боевой дух воюющих, видел, что здесь царит безудержная жажда увеселений, и это было неправильно». В этих словах кроются две ошибки, которые могут быть (а могут и не быть) на совети автора. Первая ошибка — это вера в действенность законов про-

тив роскоши, бесполезность которых доказана историей. Но главная ошибка заключается в непризнании (или по крайней мере замалчивании) того факта, что в Италии, как и в других странах, демагогическая плутократия не могла продолжать войну, не прибегая к обману.

В Италии обман заключался в том, что была обещана короткая и дешевая война; повсюду средством обмана стало облегчение текущего бремени за счет будущего путем печатания бумажных денег, займов, создания иллюзии процветания как у спекулянтов, так и у честных производителей и служащих — в общем, у всех, кого было выгодно сделать сторонниками войны или хотя бы не ее противниками. Сегодня биржевых акул преследуют, или делают вид, что преследуют, но пока шла война, ими дорожили, потому что без них и без многих других, кто на ней хорошо наживались, войну невозможно было бы вести так долго.

«В этот период все партии наперебой сыпали пустыми, неопределенными и самыми щедрыми обещаниями. Без конца твердили о земле крестьянам и о фабриках солдатам; для говоривших это были слова, лишённые смысла, но тот класс, к которому они были обращены, воспринимал их как завоеванное право». Совершенно справедливо; но надо добавить, что подобные обещания давались и после войны, некоторые из них сам автор речи встречал с одобрением.

Среди наиболее нелепых и нереальных обещаний, которые звучат до сих пор, можно отметить следующие⁵⁹. Большинство может потреблять больше и работать меньше. Именно война, уничтожающая богатства, позволяет этого добиться. Можно отнять у небольшого числа богатых и зажиточных граждан все, что требуется, чтобы сделать зажиточными большинство, и даже всех; при этом, потребляя сегодня то, что потребуется для производства завтра, можно сохранить последнее. Производство возрастет, или по меньшей мере не сократится, несмотря на бесчисленные налоговые препоны и просто безосновательные меры, разрушающие экономический порядок, подрывающие и истребляющие частный капитал, без усилий на формирование социалистического капитала, который должен его заменить, с внутренними комиссиями, контролем, бесконечными стачками, нежеланием работать, захватами фабрик, земли, домов, судов, при постоянно растущей угрозе для частных лиц и их собственности. Государство будет регулярно выплачивать проценты по огромным займам, к которым оно продолжает прибегать, и будет платить не обесцененными, а реальными деньгами, стоимость которых

⁵⁹ Подробнее мы писали об этом в книге: *Fatti e teorie*. Firenze. Vallecchi editore.

равна номинальной. С каждым днем все более погружаясь в пучину долгов и краха богатств, правительство добьется желанного экономического процветания, до сих пор не виданного. В ожидании этого чуда некоторые полагаются на святое предназначение Родины, другие — на блаженную демократию, на священный прогресс, на божественный пролетариат, который пока еще не сумел осчастливить Россию только вследствие козней капиталистического Сатаны.

Подобные утверждения являются полной противоположностью опытной истине; с этой точки зрения они абсурдны и относятся к числу лжи и обманов, которые использовались во время войны и продолжают использоваться после наступления мира. В то же время они могут быть полезны и даже необходимы по тактическим соображениям, чтобы завлечь людей туда, куда они сами не пойдут; чтобы вдохновить на штурм сторонников, сдержать противников и заморозить голову простофилям, находящимся на распутье.

Обещания будущих благ прекрасно подстегивают к действию, лезть врагам может унять наименее рьяных из них и посеять в них раздор, щедрые посулы и скромные ожидания всегда были мощным инструментом правления. К тому же потворство злоупотреблениям выгодно тем, что оно вызывает у пострадавших желание противодействовать и готовность поддержать правительство в тот момент, когда оно сочтет нужным вмешаться и положить конец безобразиям, которые ранее допускало и даже поощряло. Многие люди живут как в полусне и пробуждаются только тогда, когда их задевают и бьют. Есть и такие, кому нравится быть в оппозиции к правительству, от которого они, однако, ожидают защиты. Называться социалистом и уповать на правительство, чтобы не пострадать от социализма, — хороший способ получать двойную выгоду. Эти люди пробуждаются, когда [лишаются? — возможно, пропуск в тексте. — Прим. перев.] защиты, но часто оказывается, что уже слишком поздно.

Как бы то ни было, наличие такого рода настроений позволяет правительству лавировать и преследовать внешне одну, а на деле — другую цель. Это вещи, которые делают, но о которых не говорят. Хотя сами сторонники правительства не строят на этот счет иллюзий, они, разумеется, не могут трубить о скрытом обмане; противники не могут разоблачать нелепость правительственных обещаний, потому что готовы их принять с единственной поправкой, что сумеют воплотить их в жизнь лучше действующих властей.

Что касается конечного результата, то следует подождать исхода авантюры, чтобы увидеть, была эта политика полезной для общества или нанесла ему вред.

То, что говорит и делает государственный деятель, иногда трудно определенно оценить, все зависит от обстоятельств, в которых он находится, и от препятствий, которые он вынужден преодолевать.

Поэтому не стоит осуждать правительство только из-за того, что оно действует вопреки неким теоретическим постулатам, даже зарекомендовавшим себя на практике; следует понять, все ли оно сделало, что было возможно. Между строк речи депутата Джолитти читается легкий намек на эту истину; вероятно, он не мог высказаться более ясно, учитывая обстоятельства, в которых находится он сам и вся страна. Отсюда следует, что наш анализ направлен на деривации и не затрагивает глубинных мотивов действий, за исключением оговариваемых нами случаев.

«Во время войны, в силу бесспорной необходимости, основывались крупные предприятия, которые ни с какой точки зрения не вписывались в представления о промышленном предприятии. У них был только один заказчик, предоставлявший им капитал, обеспечивавший их сырьем и плативший за их продукцию любую цену. Для этих предпринимателей не имело смысла обсуждать пределы заработной платы. Поэтому в то время полновесной монетой, а не сегодняшними бумажками, выплачивалась такая зарплата, которую было трудно сохранить по окончании войны. За повышение оплаты труда платили не промышленники⁶⁰. Они повышали ее при первом требовании, потому что если рабочие хотели ее увеличения на 10 процентов, предприниматель обычно на 20 процентов поднимал цену товара, продаваемого государству». Отлично! Нечего возразить, но можно кое-что добавить. Депутат Джолитти описывает особый и, если угодно, крайний случай поведения демагогической плутократии, которое было рассмотрено нами в «Социологии» и которое по-прежнему наблюдается сегодня. Достаточно привести один пример: предприниматели, которые изменили своему классу, добровольно смирились с актом произвола при разрешении конфликта в металлургии, были движимы теми же мотивами, что и промышленники, упоминаемые депутатом Джолитти, как и некоторые бан-

⁶⁰ «Социология». § 2187. По поводу снисходительности хозяев к запросам рабочих было сказано: «...многие из них — спекулянты, которые рассчитывают компенсировать ущерб, нанесенный стачкой, с помощью правительства и за счет потребителей и инвесторов». Чрезмерная занятость депутата Джолитти, конечно, не позволила ему ознакомиться с этим текстом, поэтому только практика привела его к тем же выводам, которые вытекают из теории; это лишь подтверждает ее.

ки, щедро снабжавшие деньгами рабочих, захватывающих фабрики; разумеется, они ожидали возмещения не от них, а от признательного правительства.

Пусть читатель судит, являются ли эти и подобные им наблюдаемые сегодня факты убедительным подтверждением сказанного уже в «Социологии» и повторенного в статье III этой книги, а именно что везде и всегда в арсенале демагогической плутократии есть масса уловок, позволяющих обратить себе на пользу внешне безнадежные обстоятельства. Она притворно уступает своим противникам, намереваясь вернуть себе с помощью ухищрений то, что было отнято силой.

Именно этого она пытается сейчас добиться, утверждая фабричные комитеты, контрольные меры, регистрацию ценных бумаг и т. д.

Остается установить, сколько эта игра может продолжаться.

Рано или поздно сила, и именно сила, определит, кому надлежит командовать, а кому подчиняться.

Происходящие в Италии события в очередной раз подтверждают выводы относительно силовых решений, подсказанные историей и изложенные нами в «Социологии».

«(§ 2174) Вопрос о том, следует или нет, выгодно или нет прибегать к силе для решения социальных проблем, не имеет смысла, потому что к силе прибегают как те, кто хотят сохранить некий порядок, так и те, кто желают его изменить; насилие со стороны последних наталкивается на такое же насилие со стороны первых». На самом деле, сегодня уступчивость и слабость правителей сталкивается с напором и силой их противников, которых подстегивает трусость тех, кто должны были бы им противостоять. Исключение составляет смелость, проявляемая националистами⁶¹, но их мало и у них нет последователей.

⁶¹ Idea Nazionale. 1920. 27 ottobre: «Упорное нежелание поднять цену хлеба до трех лир, характерное для современной зерновой политики, является преступлением, вызванным бессилием правительства и правящего класса, жалко следующих демагогическому диктату. Таким же преступлением является сохранение восьмичасового рабочего дня... Мы приближаемся к краху, поэтому необходимо прибегнуть к энергичным мерам, прекрасно зарекомендовавшим себя в Германии и превзошедшим все ожидания в Бельгии, а именно к введению *сверхурочной работы*, которое позволит обеспечить десять часов производительного труда, необходимых для возмещения годовых потерь вследствие внутренних беспорядков, безделья, простоев в работе. Таковы азы требуемой программы... Но для ее реализации нужно приложить усилия. Способны ли на это изнуренные и слабые представители демократического и либерального парламентаризма, стоящие ныне у власти?»

Очевидно, что эти события имеют общую подоплеку, что они не являются особенностью одной страны или одного правительства, но в этом процессе есть своя последовательность, а предшествующие события позволяют предвидеть будущие.

Мы говорили об этом в связи с захватом предприятия Маццонис. Начавшийся тогда процесс продолжился и стал расширяться, не встречая противодействия со стороны нового министерства, которое на словах демонстрировало готовность восстановить авторитет государства, а на деле подчинило его диктату профсоюзов и содействовало его окончательному упадку.

Между прочим, депутат Джолитти, возражая сенатору Данте Феррарису⁶², который упрекнул его в том, что он не препятствовал захвату фабрик, удачно заметил, что всего лишь продолжил политику своих предшественников... в числе которых был и Данте Феррарис⁶³. Это один из примеров, показывающих, как через посредство государственных деятелей проявляют себя глубинные силы чувств и интересов, управляющие обществом.

Деривации также демонстрируют постоянные, периодически повторяющиеся элементы. Депутат Джолитти воспроизводит деривацию, отмеченную в «Социологии»: «(§ 2148–18). Они [публичные власти] не должны прибегать к оружию. Пусть действует народ, бастующие, восставшие. Если предположить, что они преступят закон, на этот случай есть суд, который может их наказывать. Власть должна только доставлять нарушителей в суд; остальное не ее дело. Во вся-

⁶² Данте Феррарис — представитель предпринимательских кругов Севера, министр промышленности и торговли в правительстве Нити 1919 г. 9 февраля 1920 г. он представил в парламенте проект закона о предельной продолжительности рабочего дня — 8 часов. — *Прим. итал. ред.*

⁶³ «Важное промышленное предприятие, фирма Маццонис... закрылось, потому что хозяева не пожелали согласиться с требованиями рабочих. Рабочие захватили фабрики. Это было год назад. Как поступило правительство? Министром был сенатор Данте Феррарис (*смех*). Он не изгнал рабочих и пошел им навстречу, вплоть до того что послал на занятые ими фабрики представителя правительства для управления ими. Дозволено ли мне было последовать этому примеру в отношении 600 металлургических заводов?» Преемник депутата Джолитти сможет с таким же правом сказать: «Дозволено мне последовать примеру Феррариса, посылая представителей правительства на тысячи захваченных объектов частной собственности, или примеру депутата Джолитти, установив контроль, который никому не нужен?» Так подтверждается истина, известная на протяжении столетий, — мелких воришек наказывают, крупные остаются безнаказанными.

ком случае, подобные преступления или по крайней мере большая часть из них не заслуживают смертной казни, которая была бы фактически применена, если бы власти прибегли к оружию».

Депутат Джолитти говорит: «Сведения о конкретных преступлениях, как отметил и продемонстрировал мой коллега министр юстиции, были переданы в судебные инстанции». К чему это ведет, можно увидеть на примере пиратства в генуэзском порту; кроме того, существуют и амнистии. «Но сами по себе действия 500 тысяч рабочих не могут быть предметом судебного разбирательства, как и обвинение их в захвате фабрик, тем более что это совершалось при попустительстве правительства. Будем, однако, рассуждать чисто юридически. Тот факт, что рабочие оккупировали фабрику (депутат Джолитти забывает об организации отрядов красной гвардии), что они занимают помещение, владелец которого требует его очистить, — это нарушение и даже преступление, но чтобы изгнать рабочих, нужно было прибегнуть к смертной казни. Считаете ли вы, что она была бы соразмерна совершенному проступку?»

Эта деривация начинает попахивать тухлым, пора бы заменить ее чем-нибудь посвежее. Если бы имело смысл ее обсуждать, можно было бы заметить, что подобный довод избыточно силен: «Смертная казнь в Италии отменена, поэтому ни в коем случае не следует применять силу к преступникам, чтобы случайно не прибегнуть к ней». А если, оставив формальности, перейти к фактам, следует сказать, что во избежание «применения смертной казни» кое-кому разрешается вооружать Красную гвардию, учреждать трибуналы, применять смертную казнь к ни в чем неповинным гражданам, которых не воскресят ни деривации, ни суды над их убийцами или, если угодно употребить эвфемизм, их палачами.

Помимо убийств, в частности убийства вице-бригадира Доре⁶⁴, совершенного 22 сентября достопочтенными захватчиками заводов, и многочисленных избиений, похищений и т. д., стоит напомнить в связи с некоторыми особенностями происходящего о двух фактах, которые показывают различие между властью на закате и властью на подъеме; поэтому нужно присоединить их к другим, уже упоминавшимся в статьях этого тома.

(Ла Стампа. 1920. 21 окт.). «Кикко, арестованный в Марселе, сообщил, что он работал подручным кузнеца на фабрике Перотти. Когда начались волнения рабочих в Турине, он записался добровольцем

⁶⁴ Вице-бригадир Доре был убит при обстоятельствах, которые даже в ходе суда над обвиняемыми в этом преступлении не были полностью прояснены.

в Красную гвардию, хотя и не был членом профсоюза, ему было поручено стоять на часах перед фабрикой Бевилаква, захваченной ее работниками. Вечером 22 сентября он был на дежурстве вместе с некими Андреа Винченти и Джузеппе Росси. Они увидели, что мимо фабрики проходит человек, в котором узнали тюремного охранника. Они подошли к нему и потребовали предъявить документы, в чем тот отказал. Тогда они схватили его и затащили на фабрику, где он был обыскан и было найдено удостоверение охранника новой тюрьмы на имя Эрнесто Шимулы. Задержанного отвели на третий этаж здания, где собрались рабочие и работницы, заменившие хозяев. Кикко прибавил, что на этом его роль была закончена, он спустился вниз и пошел ужинать. Вернувшись через два часа, он уже не увидел Шимулы, но узнал, что несчастный был приговорен к смерти при следующих трагических обстоятельствах: представ перед своего рода трибуналом, в котором заседали и женщины, в том числе совсем молоденькие, он был в спешном порядке приговорен к сожжению живьем в доменной печи.

Печи, однако, были погашены. Тогда Шимулу отвели на соседнюю улицу и подло убили, застрелив из револьвера. Кикко... тогда узнал также, что в тот день рабочими другой фабрики был арестован еще один молодой человек, Марио Сончини, который был убит на том же месте и одновременно с охранником Шимулой».

(Ла Стампа. 1920. 17 окт.). *Обстоятельства убийства полицейских Сант'Агаты и Крими в окрестностях заводов Савильяно.*

«...Это произошло в 6 часов 30 минут 23 сентября. В это время королевские стражи порядка Джузеппе Сирма, Антонио Ломбарди и Луиджи Сант'Агата, проведя ночь на дежурстве в комиссариате Борго Дора, возвращались в казарму... Сирма и Ломбарди ехали на велосипедах, Сант'Агата шел пешком. Поравнявшись со станцией Дора, полицейские на велосипедах поехали по эстакаде, а Сант'Агата решил срезать путь, перейдя железную дорогу по мосткам... На крыше находящихся поблизости мастерских Савильяно несли вахту красногвардейцы; завидев на мостках Сант'Агату, они стали обстреливать его из ружей».

Нелишне будет напомнить, что правительство никак не мешало деятельности этих отважных людей, опасаясь, что если оно воспротивится их славным подвигам, а те окажут сопротивление, то возникнет опасность *horresco referens* (страшно сказать) — применения к ним смертной казни.

Продолжим рассказ. «Добравшись до улицы Ланцо, Сант'Агата, ввиду того что огонь не стихал и красногвардейцы преследовали его и пытались схватить... побежал вдоль железнодорожного пути в на-

дежде скрыться и выждать затишья, а затем добраться до казармы... Красногвардейцы из мастерских Савильяно, заметив исчезновение Сант'Агаты, решили разыскать его. Вооружившись карабином 91 модели, они покинули помещение и пошли по следу... Куда делась жертва (Сант'Агата), они не знали и не догадывались, что он находился около путей, но встретившиеся женщины охотно помогли им... Получив наводку, пятеро красногвардейцев побежали вдоль рельсов и застигли несчастного Сант'Агату как раз в тот момент, когда он пытался бежать, взобравшись на один из откосов, окаймлявших железнодорожные пути. Они подняли ружья и револьверы и стали стрелять. Раненый полицейский скатился с откоса. Пятеро красногвардейцев набросились на него, схватили и отнесли на улицу Страделла, а там, заметив, что он еще дышит, добили выстрелами из ружья».

Полицейские Сирма и Ломбарди добрались до казармы и запросили подмоги. «Унтер-офицер, командующий участком, узнав о происхождении, немедленно приказал отряду из 10 человек следовать за ним на улицу Страделла. Однако люди из мастерских Савильяно не дремали, и как только отряд полицейских показался на дороге, прозвучал ружейный залп. Унтер-офицер и его люди были вынуждены искать спасения в одном из домов на улице Ланцо... но при отходе полицейский Марио Крими упал, сраженный пулей из карабина».

Посмотрим теперь, как оценивают эти события противоборствующие стороны.

(«Аванти»)⁶⁵. «Что же, если эти молодые люди и женщины действительно учредили трибунал, приговорили к смерти и казнили. Но в лице этих молодых людей, этих женщин и этих судов действует не группа бесчеловечных преступников, а целый класс, который в отчаянии получает и наносит удары, возможно, не отдавая себе полного отчета, ведомый слепым инстинктом самосохранения».

(Из интервью одного плутократа)⁶⁶. «Как бы там ни было, рабочие коллективы с недавних пор захотели устанавливать контроль над фабриками; сам захват фабрик происходил без пролития крови [но как называть ту жидкость, которая струилась в сосудах Доре, Крими, Сант'Агаты, Сонцини, Шимулы и многих других?], благодаря смелой политике правительства, решившего возглавить эксперимент рабочих, чтобы они сами убедились в невозможности отделиться от капитала [а также в невозможности сжигать людей живьем при погашенных печках]».

⁶⁵ Прочитано в «Idea nazionale» за 24 окт. 1920 г.

⁶⁶ Il Nuovo Giornale. 1920. 24 ottobre.

Если сравнить эти два суждения, можно сделать добавление к перечню мотивов, приведенных в статье IV и указывающих на вероятность победы народной партии. Таким образом, мы проникаем под покровы дериваций и приближаемся к глубинным причинам.

Можно было бы привести много других, менее существенных фактов, демонстрирующих, как новые хозяева завладевают судебной системой. Достаточно упомянуть в качестве характерного примера штрафы, введенные в провинции Феррара. В газете «Темпо» от 6 июля 1920 г. был опубликован следующий документ: «Профсоюз уведомляет вас, что на собрании 24.6.1920 г. было решено оштрафовать вас на 500 лир за то, что вы сгрузили 3 телеги с сеном из области Венето, не предупредив заранее отдел грузчиков. Имейте в виду, что эта сумма должна быть выплачена до того, как начнется жатва». Чтобы ускорить реакцию лица, к которому относится этот приговор, не подлежащий обжалованию, через несколько дней он был дополнен следующей угрозой: «Доводим до Вашего сведения, что наш профсоюз установил взимать штраф в размере 50 лир за каждый день просрочки причитающейся с вас выплаты, начиная с сегодняшнего дня».

Вполне возможно, что подобные факты умножатся, когда вступит в действие контроль, навязанный правительством промышленным предприятиям, хотя и он нескоро устранит последствия перехода собственности.

Среди многих признаков трансформации настроений заслуживает внимания следующий. В Болонье рабочая палата конфисковала виноград и установила предельную цену на него. На возражение, что таким образом нарушаются суверенные права государства, ее секретарь ответил, что это чрезвычайная мера, но затем добавил⁶⁷: «Разумеется, рабочим организациям будет дано поручение приступить к инвентаризации запасов вина в погребах хозяев, в тавернах и у торговцев; будет также запрещено вывозить вино из провинции без нашего разрешения. И так как злые языки утверждают, что мы беспокоимся только о вине, я могу сделать заявление, которое будет также опровержением. Вышеупомянутая комиссия готовит перечни предельных цен на горючее, на ткани, обувь, белье и одежду разного назначения; на кухонную посуду эмалированную, стеклянную, фарфоровую и т. д. Провинциальная комиссия до сих пор не отважилась приступить к созданию такого перечня. В каждом районе имеются исполнительные органы, которые готовы претворять в жизнь при-

⁶⁷ Il Resto del Carlino. 1920. 21 settembre.

нятые решения, а на уровне провинции этим займутся союзные комитеты. Толкуют о законодательстве *ex lege* (по закону) об узурпации власти, о государстве в государстве. Почему бы и нет? Право — это силовая проблема⁶⁸, как учит нас проф. Орландо во вступлении к своей книге «Административное право», а сила может заключаться не только в массовости⁶⁹ или во властных полномочиях; это может быть нравственная сила, которая стремится прийти к справедливому⁷⁰ равновесию социальных ценностей с помощью тяжелых и сложных экспериментов».

Бессмысленно напоминать здесь о многочисленных захватах земель, домов, заводов, происшедших после публикации статей, собранных в данном томе, ибо эти факты слишком хорошо известны, однако стоит, вероятно, остановиться на захватах судов, потому что они иллюстрируют активность новых властей в сфере внешней политики, до сих пор ревностно охранявшейся правительством от любых поползновений.

Не будем говорить о «Конье»⁷¹, захваченном и направленном во Фьюме⁷²; можно сказать, что это дело внутренней политики, хотя следовало бы возразить, что товары на этом корабле перевезились за границу; но проблемы внешней политики явственно обозначились при захвате в генуэзском порту русских судов «Дружба», «Согласие» и «Черномор»⁷³ представителями Федерации трудящих-

⁶⁸ Говорили, что только немецкое варварство брало на себя утверждение о происхождении права от силы, но теперь божественный пролетариат осваивает этот принцип.

⁶⁹ Которая становится догмой всеобщих выборов? Уж не маячат ли здесь призраки богов демократии?

⁷⁰ Известно, что справедливым всякий считает то, что ему выгодно. По поводу этой весьма ходячей деривации см. «Социологию».

⁷¹ Судно, груженное товаром и направлявшееся в зарубежный порт, отклонилось от маршрута под давлением матросов, которые принудили его по приказу Д'Аннунцио пришвартоваться в порту Фьюме. Товары послужили для снабжения города, который был почти полностью окружен. — *Прим. итал. ред.*

⁷² Фьюме (ныне Риека) — город в Хорватии, который после Первой мировой войны был спорной территорией между Италией и югославским королевством, а в 1919 г. был захвачен итальянскими националистами во главе с писателем Габриэле д'Аннунцио. В начале 20-х гг. он имел статус вольного города. — *Прим. перев.*

⁷³ Этот эпизод до сих пор не прояснен. Публикация писем Альчесте де Амбриса не сделала прозрачными взаимоотношения Д'Аннунцио с советским правительством и поэтому не пролило света на события. — *Прим. итал. ред.*

ся на море при содействии Конфедерации труда. Это произошло при правительстве Нитти; позднее, в правление Джолитти, произошел захват судна «Родосто», квалифицированный судебными властями как акт пиратства и повлекший арест виновных⁷⁴. Новые власти сочли это оскорблением их величества. Правительство сначала решило прикрикнуть и продемонстрировать свою храбрость, представив органам правосудия свободу действий. Но под угрозой всеобщей стачки в портах вся его храбрость испарилась, и ему пришлось освободить обвиняемых, которые теперь могут безнаказанно продолжить свои похвальные деяния.

Этот случай в точности напоминает захват фабрик Маццонис при правительстве Нитти, за которым последовала общая оккупация заводов при правительстве Джолитти. Есть там министры, которые утверждают, что хотят «возродить авторитет государства», или нет, не имеет значения; авторитет государства уступает более сильной власти.

20 июня Федерация профсоюзов в Амстердаме объявила бойкот Венгрии⁷⁵, поскольку венгерская внутренняя политика не понравилась этим наследникам Священного союза; европейские правительства смирились с фактом, и бойкот завершился в июле, так как выяснилось, что на Венгрии он почти не отражается. Между тем это событие, прошедшее почти незамеченным, может послужить в дальнейшем оправданием других подобных, как случилось с захватом предприятий Маццонис.

Примечателен отказ железнодорожников обслуживать перевозки, которые профсоюзы сочли не отвечающими своей внутренней или внешней политике; к этому можно добавить вывод войск из Валлоны (Влёры) под давлением тех же профсоюзов.

При таком положении вещей возникает следующий вопрос: повсеместное движение, которое еще усилилось во время войны, стихнет или продолжится? Каковы его перспективы — нарастание, затухание, обращение вспять, но в целом или в среднем заметный прогресс? В первом случае будет разворачиваться цикл, начавшийся еще в XIX в.; во втором — общество столкнется с непреодолимыми преградами⁷⁶, в частности с сокращением производства и ростом

⁷⁴ Виновные действительно были арестованы, но вскоре отпущены на свободу. — *Прим. итал. ред.*

⁷⁵ В знак протеста против террористической и реакционной политики регента Хорти. — *Прим. итал. ред.*

⁷⁶ См. об этом прекрасную статью Paolo Orano: Il controllo operaio // Pagine libere. 1920. 1 novembre.

потребления, а затем независимо от того, произойдет катастрофа или удастся ее избежать, начнется новый цикл.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно было бы располагать статистикой чувств, оценить их интенсивность, представить их возможные изменения.

Наука пока не в состоянии сделать это с достаточной степенью точности, поэтому мы можем только обсуждать большую или меньшую вероятность наступающих событий.

В пользу первого варианта говорит опыт прошлого; то, что уже случилось, может случиться снова; однако следует иметь в виду два обстоятельства, которые наличествовали в прошлом и которых нет теперь. Первое из них заключается в том, что в то время была масса людей, чьи чувства мало изменялись и которых можно было назвать консерваторами; именно на эту категорию опирались правители, постоянно добиваясь ее одобрения. Так действовали по большей части английские власти, так поступал Наполеон III во Франции, Бисмарк в Германии, так пытались поступать и итальянские политики, но последняя попытка не удалась, потому что они не учли глубинных изменений, порожденных войной в интересах и настроениях. Поэтому возникает предположение, что подобные попытки провалятся и в других странах. Теперь такого большинства нет, оно сократилось до все еще существенного, но не столь значительного количества людей, так что на их поддержку не стоит особенно рассчитывать.

Второе обстоятельство состоит в огромных товарных и финансовых запасах, к которым правительство могло прибегать, увеличивая налоги для покрытия растущих расходов и не нанося большого ущерба производству. Сегодня поборы, в том числе в связи с войной, достигли уровня, который трудно будет превзойти, не сокращая производства, а возможно, и реального наполнения налогов. О последнем свидетельствует тот факт, что во многих странах рост налогов сопровождается обесцениванием денег. Таким образом, истощаются источники, откуда правительства черпали необходимые средства для удовлетворения пожеланий и нужд своих сторонников и для умиротворения противников. Не сегодня-завтра бремя станет настолько тяжким, что его нельзя будет увеличивать. Следовательно, политические нужды начинают превалировать над экономическими. Так было на закате Римской империи, это стало причиной ее крушения; это может произойти и сейчас.

Нужно, между прочим, иметь в виду использование ресурсов обширных азиатских и африканских регионов. На него могут рассчитывать Англия, Соединенные Штаты и Франция, в гораздо меньшей

или ничтожной степени Италия, которой достались крохи от обильной трапезы этих обжор. Поэтому изменившаяся со времен Римской республики политика, готовая на любые демагогические уступки внутри страны с расчетом на возмещение потерь извне, пригодна лишь для названных стран, но не годится для других, в том числе для Италии, которая лишена возможности эксплуатировать внешние источники.

Остается еще доля неизвестности относительно того, как сохранить равновесие между двумя указанными типами стран и как избежать конфликта между ними.

Это один из путей, которые могут вести к катастрофе, после чего начнется новый цикл⁷⁷.

⁷⁷ В тексте часто упоминаются братья Маццонис. Ср. в этой связи также статью: Einaudi L. Il caso Mazzonis // *Il corriere della sera*. 1920. 3 marzo, переиздание под названием *Cronistoria e commenti in Cronache economiche e politiche di un trentennio (1893–1925)*. Vol. V (1919–1920). Torino. Einaudi, 1961. P. 672–677. Фирма «Братья Маццонис и Компания» (также «Маццонис П., ранее Дж. Б.») была крупным текстильным предприятием в С. Джермано Кизоне, о котором рассказывается в кн.: Castronovo V. *L'industria cotoniera in Piemonte nel secolo XIX*. Torino. Ilte, 1965, а также Abrate M. *La lotta sindacale nella industrializzazione in Italia*. 1906–1926. Milano: Angeli, 1967. P. 249–254. — *Прим. итал. ред.*

ПОЗДНЯЯ
ПУБЛИЦИСТИКА

КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?¹

Частенько можно услышать не только в Италии, но и повсеместно, что мы переживаем кризис; в этих словах есть доля истины, но и доля, выходящая за ее пределы.

Доля истины заключается в том, что в ряду бесчисленных и непрекращающихся колебаний социальной материи сегодняшнее очень масштабно. Вторая часть проявляется в утверждении, что это уникальное, неповторимое событие и что человечество стоит перед полной переменой своего образа жизни и направления развития.

Главные, основные силы, действующие в обществе, изменились очень мало; происходящее сегодня было подготовлено вчера и готовит завтра; а если угодно прибегнуть к вульгарной фразеологии, впрочем, довольно обманчивой, то можно сказать, что сегодняшнее колебание есть результат прежних и причина будущих колебаний. Чтобы правильно понять его, можно и нужно рассматривать его в ряду явлений, к которым оно принадлежит.

Сегодня происходят важнейшие события. Правление демагогической плутократии подвергается тяжкому испытанию, так что возникает вопрос о том, как она выйдет из него и выйдет ли вообще; ожидает ее судьба, постигшая аналогичный режим на исходе Римской республики, или она прибавит новую победу ко многим другим, одержанным с начала XIX в. по сей день.

Марксистский, можно сказать, *классический*, социализм теряет почву под ногами, уступая место синдикализму и анархии; Первый интернационал сошел со сцены; Второй и Третий вступили в борьбу, но перевес на стороне последнего. Отомрет постепенно классический социализм, как умер социализм утопический, и растворится, как маленький ручеек, в великой реке демократии или воспрянет заново?

Самому режиму современной демократии противостоят сегодня уже не столько низложенные или перевоспитавшиеся реакционеры, сколько экстремисты, большевики и им подобные, поэтому желательно установить, выдержит она их нападки или преобразится, примет другую форму либо вообще исчезнет.

¹ «Il Resto del Carlino»; «La Stampa». 1920. 9 giugno. — *Прим. итал. ред.*

Находится на подъеме или на закате религия национализма или империализма, совсем недавно столь притягательная, а сегодня переживающая упадок, может быть, незначительный? Окончательно приказал долго жить милитаризм или его ожидает судьба птицы феникс? Что будет с сегодняшней буржуазией в наступившей чехарде элит? Наконец (и это, вероятно, самое главное), к чему ведет возрождение земледельческого класса, которое недавно продемонстрировали выборы во Франции и учреждение итальянской народной партии?

Если дать некоторую волю фантазии, приближаемся мы к новому средневековью или нас ждут новые времена процветания торговли и промышленности?

Многие задаются подобными вопросами, пытаюсь понять, каков будет исход событий и что можно и нужно делать.

Я не могу обещать действенной помощи в исполнении подобных желаний, мне под силу только рассмотреть, как подойти к этим проблемам, как находить их решения, в ожидании того, что некто более знающий сделает это окончательно.

Даже в таких узких рамках будет, вероятно, самонадеянным рассматривать эти проблемы в газетной статье. В «Социологии» я подробно показывал, что искусство управления основано главным образом на умении использовать чувства и интересы населения, во всяком случае более чем на их формировании или изменении; добавлю к этому, что искусство писать на социальные темы также состоит в умении приспособиться к характеру публики, к которой обращается автор; так как публика, читающая книги, журнальные статьи и газеты, различается, различны, очевидно, и темы, которые можно в них рассматривать в зависимости от их характера.

В книге допустимы пространные, отвлеченные рассуждения, без которых в логико-экспериментальной науке трудно обойтись; в журнальных статьях они должны быть короче, а в газетах их лучше всего опускать.

Следует ли нам, таким образом, отказаться в журнальных и газетных статьях от рассуждений на темы, где должна присутствовать абстракция?

Может быть, но стоит проверить, нельзя ли как-то обойти это препятствие. В серии статей для «Ривиста ди Милано»² я попытался изложить некоторые соображения об отмеченных выше проблемах, теперь же я приступаю к следующей попытке в новых статьях, которые в зависимости от результата получат продолжение или нет

² В этом томе под названием «Трансформация демократии». — *Прим.итал. ред.*

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ¹

Кое-кто, наблюдая за жизнью нашего общества, приходит к выводу, что оно движется в сторону нового средневековья; возможно, это утверждение слишком поспешно и является следствием раскованного полета фантазии, но в нем есть доля истины, потому что некоторые стороны сегодняшних изменений напоминают те, что привели к феодализму. В их числе развал центральной власти.

Обо всем этом я подробно писал в серии статей, публикуемых «Ривиста ди Милано»², и мне кажется, что бесполезно будет вкратце повторить их содержание, тем более что произошли события, полностью подтвердившие сделанные выводы. Можно сказать, что власть парламентов рушится, и им становится все труднее добиваться подчинения. Если внимательно изучить историю последних Каролингов, нельзя не заметить сходства в деталях, характеризующих тогдашний и сегодняшний распад государства.

Факты обычно предшествуют теории, а реальность — ее правовому оформлению.

Внешне центральное правительство еще господствует, как и Карл Лысый в IX в., но на деле есть страны (и в их числе Италия), где его власть еще слабее, чем при Каролингах. Даже в мелочах, как правило, не оспариваемых и остающихся утешением гибнущего режима, его распоряжения подвергаются осмеянию. Например, устанавливается определенное декретное время — по правде говоря, ерунда, но правительство, безусловно, может вводить его в случае необходимости. Формально подчиненные ему коллективы не обращают на это внимания, правительство терпит обиду, поэтому в некоторых итальянских городах существуют два поясных времени, символизирующие восхождение новой власти и закат старой. Перейдем к гораздо более важным вещам. Обратите внимание на следующий манифест граждан, подчиняющихся правительству, где я заменил только одно частное понятие более общим.

¹ Il Resto del Carlino. 1920. 16 giugno.

² В этом томе под названием «Трансформация демократии». — *Прим. итал. ред.*

«Имейте в виду, что правительство заключило с нами договор, согласно которому, если что-то будет предпринято против этого договора, мы сделаем правительству почтительное предупреждение, чтобы оно пришло в чувство, а каждый из нас сохранил свое положение... Но если это предупреждение не возымеет действия, знайте, что мы соединены с правительством, а оно с нами по доброй воле и в согласии... настолько прочно, что никто не может выступить против партнера, чтобы правительство могло предпринять нечто в ущерб нам, вопреки закону и здравому смыслу, даже — не дай бог — при всем желании».

Если бы термин «почтительно», который сегодня следовало бы заменить на «дерзко», не служил подсказкой, было бы трудно догадаться, кто был автором этого манифеста — государственные чиновники прошлого или сегодняшнего дня. Это произведение вассалов Карла Лысого (Pertz. P. 446)³. Общее понятие «правительство» следует заменить частным: «король Карл». Сегодня, как во времена упадка Каролингов, государственные служащие время от времени завладевают своей должностью, которая была ими получена от центральной власти, и становятся ее собственниками, а не просто управляющими. Каролинги уступали им территории, а наше правительство назначает жалованье. В прошлом народ непосредственно содержал их, теперь содержит, уплачивая налоги, доходами от которых правительство наделяет чиновников тем, что им по праву принадлежит, не как хозяин, а как простой управляющий.

Взамен на них не возлагаются никакие обязанности; они исполняют общественный долг, только если считают нужным и как считают нужным; в случае неисполнения они все равно получают плату, а когда кто-то из министров ущемляет эти их права, его немедленно изгоняют. Так феодальные бароны, сменившие слуг Карла Великого, избавились от обязанностей последних, но население не перестало их содержать, как и прежде.

Далее, те, кто отвечают за морские и наземные перевозки и за порты, располагают [в оригинальном тексте *располагая* — Прим. перев.] особыми привилегиями, как бароны, чьи владения находились поблизости от оживленных торговых путей, которые они облагали данью.

³ Карл Август Фридрих Пертц, издатель Monumenta Germaniae Historica. Здесь речь идет об Annales et chronica aevi Carolini, вышедших в 1826 г. — Прим. итал. ред.

День за днем происходят события, пополняющие список, приводимый в названных статьях «Ривиста ди Милано». Власти хотят свободы навигации в Черном море, но могущественные профсоюзы частично препятствуют этому. Французское и итальянское правительства разрешают транзитные перевозки в Польшу, но их блокируют железнодорожники, которые останавливают состав в Буссолено и собираются проверить французские вагоны. Точно так же английское правительство без разрешения профсоюзов не может отправить в Ирландию солдат, вооружения, боеприпасы и продовольствие. Власть профсоюзов простирается теперь и на иностранные правительства. Как пишет газета «Эль Соль», профсоюзы грузчиков в итальянских портах пригрозили испанским властям в случае продления моратория на конституционные гарантии и начала преследований рабочих синдикатов бойкотом итало-испанской торговли. Из Амстердама пришла новость, что Международная конфедерация рабочих транспорта решила приступить к бойкоту Венгрии, повинной в том, что ее правительство⁴ не угодило названной славной конфедерации, поэтому все железнодорожные, морские, почтовые и телеграфные коммуникации с этой страной будут прерваны.

Не знаю, подтвердится ли эта новость, но важно, что сегодня она выглядит вполне правдоподобной, в то время как лет двадцать назад ее сочли бы явной ложью. Заявленная мера несомненно принадлежит к прерогативам верховной власти, и если она окажется действенной, мы получим новую верховную власть, которая будет могущественнее нынешних, хотя пока не известно, какие именно отношения сложатся между ними и получит ли она право объявлять войну и заключать мир, что было бы естественно, судя по ее замашкам. Мы находимся еще в начале процесса и не можем судить о том, в какую сторону направится движение. Оно может и замедлиться, пойти назад, но общее направление уже наметилось, его нельзя игнорировать.

Мы упомянули о некоторых явлениях, характеризующих распад центральной власти; продолжим рассказ о них в других статьях⁵.

⁴ Режим регента Миклоша Хорти (1868–1957), при котором развернулся так называемый белый террор. Хорти был регентом Венгерского королевства с 1920 по 1944 г. — *Прим. итал. ред.*

⁵ 24 июня 1920 г., имея в виду как раз эти статьи, относящиеся к началу года, Парето писал Панталеони: «В моих статьях нет ничего или почти ничего личного, потому что мне кажется, что отдельные личности мало что могут по срав-

нению с великими социальными и экономическими силами — именно на них я обращаю свой взгляд, стараясь прозревать через скрывающие их пелены». 22 ноября: «*Объективная истина многостороння. Допустим, что к одному предмету могут относиться три суждения. Первое я помещаю в газете, которой не нужно ни второе, ни третье суждение; второе — в другой газете, которому не нужно ни первое, ни третье, и т. д. Кроме того, газеты со временем меняются, но объективная истина остается все той же, поэтому одна и та же газета иногда принимает мои статьи, иногда не принимает... Но в книгах я могу писать, что захочу... так что я вношу в них все объективные суждения вместе*». — *Прим. итал. ред.*

ГРЯДУЩИЕ МЕРЫ¹

Европейские правительства, желая восстановить свои экономики, прибегают к одним и тем же мерам, что вызвано некоторым сходством общего положения разных стран.

Эти меры можно рассматривать под разными углами зрения, основными из которых в нашем случае являются: 1) финансовый, 2) экономический, 3) степень воздействия на чувства и интересы, 4) обобщенный, или синтетический.

Сторонники или противники данной конкретной меры обычно суммируют все эти аспекты в одном выводе, благоприятном для их позиции; и это понятно, потому что адвокат в конце концов не обязан демонстрировать промахи своего клиента, но экспериментальный исследователь сразу замечает, что отдельные аспекты рассмотрения, предшествующего окончательному выводу, противоречат друг другу с точки зрения ожидаемых потерь и выгод, так что синтез оказывается затруднительным. Это затруднение зачастую бывает не преодолимым для теоретика, который вынужден довольствоваться изучением элементов синтетического суждения и добычей вспомогательных материалов, служащих практическому деятелю пищи для интуитивных заключений в зависимости от поставленных им целей.

До недавнего времени правительства решали свои задачи с помощью эмиссии бумажных денег и займов. Это было приемлемо для финансов, но вызывало глубокие экономические потрясения, нарастающие по сей день. Что касается чувств и интересов, эти меры сказывались на них благотворно, тем более что без подобных вливаний народы навряд ли терпели бы так долго продолжающуюся войну. Этому способствовало и выращивание крупных и мелких биржевых акул; нелишне будет напомнить в этой связи, что Наполеон I в конце своего царствования нажил себе немало врагов происками поставщиков, чью жадность он стремился сурово искоренять.

Во время войны большинство людей, которые должны были рано или поздно оплатить военные расходы, не сразу ощутили неудоб-

¹ «Il Resto del Carlino» и «La Stampa». 1920. 17 luglio.

ство, так же как его не замечает тот, кто разоряет себя, занимая у ростовщика. Небольшая часть общества, в том числе уважаемые спекулянты, получали огромные доходы благодаря перераспределению богатств. Таким образом, действия тех, кто прибегал к указанным мерам ради поставленной цели, т. е. продолжения войны до конца, и не заглядывал в послевоенное будущее, были разумными. Это соображение не связано с какими-либо суждениями о самой цели — ее разумности или неразумности.

Однако всему приходит конец, настало время платить по векселям. Сегодняшние правительства, обремененные наследием предшественников, прибегают к значительному повышению налогов, т. е. к новому перераспределению богатств, осуществляемому уже без помощи печатания денег, путем дифференцированного обложения граждан. Предпринимаются также меры по снижению дороговизны и по возврату части присвоенных денег. Указанные действия будут полезными с финансовой точки зрения, хотя, возможно, не в такой степени, как ожидается; что касается экономики, они не повлияют на дороговизну, как и другие употреблявшиеся для этого способы, которые хотят возродить. Хорошо если они не повредят производству, но скорее всего они нанесут ему ущерб, сократив вложения капиталов, снизив производительность труда за счет оплаты безделья, освободив государство от суровой необходимости сокращать расходы.

Все эти меры будут одобрены теми, кто живет за счет государственных средств, а также теми, кто считает правильным ограничивать даже законно нажитые богатства, не говоря о тех, кто из чувства справедливости хотел бы отнять их у мошенников.

Для того чтобы делать какие-то общие выводы, необходимо знать, помогут ли подобные чувства и интересы пережить теперешние невзгоды и пристать к тихой гавани раньше преследователей; так можно было бы достичь спасения, которое наступит, когда прирост богатств, до сих пор, уже более века, естественный для цивилизованных народов, компенсирует прошлые потери, а также знать, будут ли упомянутые чувства и интересы, пока все еще усиливающиеся, смягчены возможными уступками.

Если ответ положительный, то принимаемые меры разумны с точки зрения поддержания существующего порядка; в противном случае они обратятся против своих учредителей.

На подобные вопросы трудно отвечать. В пользу положительного ответа говорит тот факт, что наш общественный порядок при сходных обстоятельствах сохраняется вот уже более ста лет, как сохранялся на протяжении многих лет режим демагогической плутократии

в Древнем Риме. В пользу отрицательного ответа свидетельствует не только падение Римской республики, но и более веское соображение, что история не знает примеров, когда за процветанием какого-то общества не следовал бы упадок, и что почти всегда силы, которые способствовали первому, вели ко второму, потому что политический строй подобен живому организму, несущему в себе от рождения элементы расцвета, упадка и гибели.

Немало признаков указывает на то, что приближается пора упадка сегодняшнего строя, который мог получить новый шанс с войной и который делает последние ставки. Выводы могли быть более определенными, если бы не существовало одного исключения, а именно подъема милитаризма, хотя и незначительного, и существенного возрастания роли сельскохозяйственных классов во Франции.

Только здесь могут зародиться силы, способные действительно противостоять грядущему общественному распаду, так что, не рискуя погрешить против истины, следует придать первостепенную важность возможному влиянию мелких собственников.

Все это следует учитывать при оценке предлагаемых мер. Их экономический эффект (во всяком случае пока они не переходят определенных границ, за которыми экономический крах влечет социальный) незначителен, ничтожен по сравнению с социальными последствиями.

Например, о тех, кто выступают за использование земель, называемых (может быть, ошибочно) необрабатываемыми или плохо освоенными, следует судить не с точки зрения экономики, а с учетом возможного увеличения числа мелких земледельцев и их политического веса.

Правительства не в силах формировать социальные силы, они могут лишь благоприятствовать или противодействовать уже существующим².

² Парето был твердо убежден, что: «1. Рабочие так легко не согласятся вернуться к прежним промышленным порядкам. Чем хуже будет ситуация, тем больше претензий они выдвнут. Их настроения изменятся только после большой катастрофы. Возможно, они рассорятся... со своими сегодняшними главарями, но лишь для того, чтобы заменить Керенских Лениными. 2. Переворот встретил бы осуждение со стороны тех, ради кого он предпринимается. Именно так. Чтобы изменить настроения буржуазии, также нужна серьезная катастрофа. 3. Не следует пренебрежительно относиться к российскому большевизму. Неужелюбность и слабость его противников очень ему на руку. Мы еще увидим, сколько он сможет натворить в других странах Европы и даже во всем мире! 4. Мировой экономический кризис сочетается с итальянским. Не стоит думать, что они закончатся в феврале. Они продлятся намного дольше». — *Прим. итал. ред.*

РЕАЛЬНОСТЬ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ¹

Для понимания происходящего может быть полезен самый общий и беглый взгляд, что-то вроде перечня, отвлекающегося не только от подробностей, но и от рассмотрения мотивов выдвигаемых гипотез. Об этих мотивах я подробно писал в книгах и статьях, где были сделаны выводы, всесторонне подтвержденные последующими событиями.

Из моих сегодняшних предположений часть относится к лишь более или менее вероятным, часть — к весьма вероятным, остальные — к почти точным. Начнем с первых, а затем постепенно перейдем к последним.

Война не послужила причиной, но лишь ускорила грядущую трансформацию нашего социального порядка. Возникает вопрос: осуществится ли она с применением насилия или без него? Каким будет этот переворот: вступим мы в кризис, напоминающий времена триумвиров Древнего Рима с их проскрипциями, эпоху террора во Франции или большевизма в России? Можно привести веские доводы в пользу утвердительного ответа, но также и противоположного свойства, поэтому вывод будет только вероятным; остающаяся доля сомнения пойдет на пользу тем, кто прикладывает физические и умственные усилия для достижения мирного результата, даже если их попытка окажется тщетной.

Те, кто стремился к войне, кто никак не хотел покончить с ней, кто не сумел и не умел заключать мир, отчасти и являются причиной нынешних бед, и если слышны их жалобы, вспоминается поговорка: как посеешь, так и пожнешь. Те, кто на протяжении пяти лет даже маловажные или неважные решения принимали или позволяли принимать с полным произволом, ссылаясь только на *salus populi* (благо народа), не должны удивляться, если сегодня таким же образом оправдывают вторжения в чужие владения и дома, грабежи и бесчинства всякого рода, неуважение к праву и закону, и если после стольких покушений на самую идею личных прав цель была

¹ Il Resto del Carlino. 1920. 19 agosto.

выполнена с лихвой; они попали в яму, которую рыли для других. Те, кто наобещал народам золотые горы, чтобы удержать их в окопах, должен был понимать, что в один прекрасный день придется отвечать и что невыполнимые обещания ведут в тупик.

Говорят, впрочем, что копать в прошлом и терзать себя по его поводу бесполезно. Совершенно справедливо. Стоит, однако, помнить и о нем, чтобы извлечь из прошлого уроки и предостережения на будущее. Главные из них следующие: большинство трудностей, которые испытывают наши правительства, происходит, в первую очередь от вышеназванных причин, и только во вторую от других, менее важных и легко устранимых, поэтому не следует надеяться на помощь хитроумных уловок, не способствующих искоренению зла, иначе возникает опасность, что лишь сокрушительная катастрофа сможет выполнить задачу, непосильную для мирного процесса.

Тем не менее не стоит впадать в отчаяние. Наши правители, прибегая к заветам векового искусства, хорошо известного в Древнем Риме, стараются приручить зверя, т. е. не слишком задевать всемогущие чувства и интересы, таким образом, достигнуть спасения. Все их операции предусматривают приход и расход; первый заключается в достижении желаемого, второй — в наличии неизбежных объективных последствий. Если расход не будет слишком быстро расти и превышать приход, если желаемое не будет покупаться слишком дорогой ценой, упомянутые операции окажутся успешными; в противном случае они обречены на провал. Когда дом горит, даже те, кто видит, что противиться огню бесполезно, не мешают работе пожарных, поэтому демонстрация объективных истин, противоречащих усилиям по преодолению неких трудностей, сомнительна, даже если эти усилия навряд ли увенчаются успехом. Но это сомнение улетучивается, когда, как в данном случае, речь идет не о пропагандистской статье, а лишь о научном очерке. Добавим: объективная истина полезна тем, чьим планам она противостоит.

Меры, принимаемые теперь правительствами разных стран, сходны, и это естественно, ибо они вызваны общими потребностями, которые ощущаются везде в большей или меньшей степени. Последствия этого могут быть предсказаны часто с большой вероятностью, иногда приближающейся к степени, которую называют уверенностью. Кратко перечислим их:

Эмиссия бумажных денег — это внешне умеренный способ избавляться от государственных и частных долгов. Он эффективен в финансовом отношении и не наносит большого ущерба экономике; не затрагивает сильных чувств, поэтому его часто использовали в прошлом

и будут использовать впредь. Пусть читатель не верит разговорам о том, что правительства собираются воздерживаться от новой явной или скрытой эмиссии либо вскоре и в значительном объеме сократить массу напечатанных денег; пусть имеет в виду, что изъятие денежных знаков, не сопровождаемое ростом богатства, мало повлияет на их курс, точнее, на обесценивание денег; пусть высмеет того, кто рассчитывает на скорое возвращение обесценившихся валют ряда стран к золотому паритету.

Разные формы заимствования — способ, аналогичный печатанию денег. С финансовой точки зрения он более эффективен, поскольку требуется выплачивать проценты. Он наносит больше вреда экономике вследствие конкуренции со сберегательными вкладами капиталов; на чувства он мало влияет. Вскоре этот способ начнет применяться. Многие государства начнут сокращать и, возможно, аннулировать свои долги.

Тяжелые и обременительные налоги разного рода для имущих классов — это весьма эффективное средство удовлетворения чувств и интересов, впрочем, последних скорее по видимости, чем в реальности, — неимущих классов, а также тех имущих, которые, благодаря своим махинациям, сумели избавиться от давящих на их класс тягот или, лучше сказать, приобщиться к той части манны, каковую правительства по-прежнему могут раздавать благодаря росту доходов. Поэтому все правительства будут прибегать к этому средству и не в состоянии поступать по-другому. В значительной мере это следствие изменений чувств и интересов, вызванных войной. Названное средство полезно для финансов, но в дальнейшем может нанести им вред ввиду ущерба, который будет причинен производству непосредственно расточительством, и косвенно — погоней за налогоплательщиками. Читатель должен проводить четкое различие между этическими и экономическими соображениями: в высшей степени справедливый и моральный налог может принести огромный экономический ущерб.

Препятствия для свободного обращения капиталов между странами вытекают из вышеназванных мер и также имеют положительные и отрицательные стороны, причем последние очень существенны. Экономическое процветание, достигнутое в XIX в., в большой степени было вызвано свободным обращением капиталов. Через несколько лет можно будет получить подтверждение этого тезиса. Английское правительство уже удостоверилось в его правоте и сняло ограничения на свободную продажу ценных бумаг на Лондонской бирже и вывоз капиталов.

Многочисленные мелкие меры, направленные на упорядочение экономической жизни, возрождение законов против роскоши и т. д. Единственная

задача этих мер — удовлетворение чувств и интересов. Если они действительны, то причиняют экономический ущерб, а иногда и финансовый. Во Франции теперь признаны бесполезными запреты на ввоз предметов роскоши, потому что они, по словам правительства, затрудняют промышленную деятельность страны. Эти меры хороши лишь в глазах простаков... и тех, кто извлекают из них выгоду.

Изменения экономического равновесия, вызванные вмешательством государства или частных лиц посредством забастовок, насилия, различных уловок, произвольно устанавливаемой заработной платы, безделья рабочих, выдвижения ими беспочвенных претензий, выплаты пособий по безработице и др., расходов на проведение бесполезных или малополезных общественных работ и пр. Такие меры необходимы для удовлетворения чувств и отдельных интересов, они наносят экономике тяжелый, иногда непоправимый ущерб.

Непонятно, как их проводить, но также и как обойтись без них, по крайней мере без большей их части. В этом заключается уже упомянутое противоречие между приходом и расходом операций, одна из величайших опасностей для существующего порядка, ибо он сталкивается с неразрешимой задачей — увеличить уровень потребления, снизив при этом отдачу от вложенного труда и капитала, а следовательно, производства в целом.

Империалистические меры очень дороги и малоэффективны, поскольку отдельные страны при этом вступают в конфликт. Кроме того, эти меры задевают чувства значительной части населения. Но правительствам трудно отказаться от них после того, как они заронили столько надежд и дали столько обещаний. Придется совмещать несовместимое: плутократический империализм с большевистским, национализм с интернационализмом, обретение народами независимости, Вильсоновы мечтания² с реальностью, но другого выхода нет. Эта проблема неразрешима.

К этим соображениям следует присоединить другие, связанные с приближением весьма вероятного, почти неизбежного периода экономического спада, который усугубит существующие неприятности и заставит приступить к решению насущных проблем. Но об этом я уже много писал в предыдущих статьях.

² Вудро Вильсон — президент США в 1913–1921 гг., один из основателей Лиги Наций, лауреат Нобелевской премии мира 1919 г., был сторонником международного урегулирования конфликтов и равноправия народов. — *Прим. перев.*

ЗНАЧЕНИЕ ОДНОГО ЭПИЗОДА¹

Против ожиданий события очень скоро подтвердили прогнозы, которые были сделаны благодаря беспристрастному исследованию фактов. В журнале «Ривиста ди Милано» мы говорили о развале центральной власти, и происходящее сегодня как нельзя лучше подтверждает этот тезис. В выпуске этой газеты от 19 августа, повторяя многократно высказанные гипотезы, мы отмечали великую вероятность того, что проблемы, стоящие перед настоящим общественным порядком, не смогут быть решены без бурных столкновений. Эта вероятность возрастает с каждым днем, а надежда достичь спокойствия путем все больших уступок оказывается тщетной; каждая из таких уступок становится лишь шагом на пути к следующим.

Добрые буржуа жалуются на правительство, которое их не защищает, но и они нисколько не помогают ему. На что же может опереться власть, как не на существующие в этой стране силы? Если одна сторона отказывает в поддержке, власть неизбежно должна идти на уступки другой.

Пытаясь оставаться нейтральным, правительство сделало все что могло в надежде убедить рабочих, что захватывать предприятия бессмысленно, а буржуа — что им стоит подумать о защите. Но надежда может быть тщетной. Рабочие вняли убеждениям, но в противоположном желаемому смысле: их хотели заставить обратиться вспять, но они двинулись вперед; захват фабрик бесполезен сам по себе, ему должны сопутствовать другие, более решительные поступки. Что касается буржуазии, то известно, как трудно вселить смелость в того, кого мать-природа ее лишила. Самое сильное из доступных для него средств — горячие припарки.

Все до сих пор изобретенные ухищрения на практике оказались напрасными. Тяжелейшие налоги, конфискации ведут лишь к расточению экономических ценностей и росту стоимости капиталов, которому они должны были противостоять. Франция взяла кредит у Соединенных Штатов под 8 процентов. Сколько придется запла-

¹ Il Resto del Carlino. 1920. 10 settembre.

тить Италии, чтобы получить деньги, в которых она с каждым днем все больше нуждается?

Чему послужили обыски у биржевых маклеров, целью которых было остановить падение ренты? Остановилось нечто другое.

Займы должны спасти государство, стабилизировать обменный курс, снизить дороговизну, стать выгодной сделкой для вкладчиков. Государство шатается, курс упал, дороговизна выросла, заемщики потеряли на ценных бумагах не менее 10 пунктов.

Более пяти миллиардов в год тратится на то, чтобы продать хлеб ниже себестоимости людям, получающим высокую зарплату; многие миллиарды тратятся на восьмичасовой рабочий день, на повышение жалований и окладов; сегодня говорят о выделении миллиарда и более рабочим-металлургам. Это повышение обоснованно не больше и не меньше чем другие, уже осуществленные, и те, которые будут осуществлены. Откуда взять на все это деньги?

Споры о том, сможет ли металлургическая промышленность вынести бремя миллиарда в год, совершенно бесполезны. Безусловно сможет, если курс лиры по отношению к другим валютам снизится. Сегодня он составляет 0,28 швейцарского франка; если он снизится до 0,10, то на повышение зарплаты рабочим можно будет истратить еще многие миллиарды лир, а если лира последует примеру рубля, можно будет дать им намного больше.

Не так уж важно, что лира обесценится вследствие эмиссии бумажных денег или в результате заимствований, повышения налогов, конфискации и т. д. Производителям достается та стоимость, которую они произвели, за минусом того, что пускается на ветер; если при том же уровне производства траты растут, производители по необходимости получают меньше.

Население не может получить всего, чего ему хотелось бы, по нарицательной стоимости лиры, во всяком случае в виде материальных благ, если не повторится чудо с хлебами и рыбой.

Какое-то время можно жить иллюзиями, но наступает момент прозрения. Какое-то время можно продержаться за счет традиции уважения к закону, существующей в цивилизованных странах, но в один прекрасный момент традиция рушится и происходит возврат к варварству.

Навряд ли кто-то станет утверждать, что отношения собственности в Италии регулируются законом. Нашествия на предприятия разрешены или запрещены? Вскрывать сейфы можно всем или только некоторым лицам? Кто именно наделен привилегией выполнять работу по своему выбору и получать за нее деньги? И так далее. Пол-

ностью отсутствует норма, «номос» греков, «лекс» римлян; древнее право отжило, новое еще не родилось.

Некий свод правил, каким бы он ни был, необходим в жизни не только цивилизованных, но и полукультурных народов, и не только для их процветания, но хотя бы во избежание крайней нищеты, поэтому нельзя сомневаться, что он будет выработан. Остается лишь узнать, продиктует эти правила Катилина или Октавиан Август, будут они навязаны площадными бунтами или силой легионов

АНТИФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ¹

Во многих странах назревают важные события: настоящая кампания развернута против Франции, которую обвиняют более или менее открыто в том, что она является главной причиной сегодняшних бед Европы, поэтому народы и правительства должны быть начеку.

Именно этому феномену я собираюсь посвятить статью, опираясь на научно-экспериментальный подход, с единственной целью — определить, подтвердит или опровергнет будущее принципы, которые я изложил в «Трактате по общей социологии» и которые были выведены на основе изучения прошлого.

В 1915 г. мною было опубликовано подобного рода исследование об истоках войны: это позволило отметить многие совпадения. Для начала необходимо как можно более сжато изложить суть нескольких из упомянутых принципов, о которых пойдет речь.

Социальные явления зависят главным образом от чувств и интересов и лишь во вторую очередь от логических и опытных выводов. Иные соображения, напротив, играют очень важную роль, например софистические умозаключения, хотя их значение несоизмеримо ниже по сравнению с простым проявлением развития определенных чувств и определенных интересов.

Когда речь заходит об одном и том же, нужно дать этому чему-то название. Поэтому, с позволения читателя, такие проявления я буду называть, как уже делал это в своей «Социологии», *деривациями*.

В качестве иллюстрации обратимся к предмету, который нам предстоит разобрать. Сегодня часто приходится слышать или читать утверждение о том, что Франция является единственной реакционной великой державой в Европе. Чтобы понять, следует нам принять или отвергнуть это тезис, необходимо установить смысл термина «реакционный». Итак, если мы предпримем такое изыскание, то скоро заметим, что в данном случае слово *реакционный* означает просто того, кто не поддерживает большевиков и их союзников. Следовательно, наш тезис было бы правильнее сформулировать та-

¹ Une campagne anti-française // L'action nationale. 1920. Septembre. P. 289–295.

ким образом: «Франция является единственной великой державой в Европе, которая не симпатизирует большевикам и их союзникам». Правда, в этом случае, несколько теряя в убедительности, но выигрывая в ясности, эта фраза может бить мимо цели, заключающейся в том, чтобы настроить против Франции чувства массы граждан, для которых слово *реакционный* выступает в качестве пугала.

Бесполезно возражать, ссылаясь на то, что Франция вовсе не собирается возвращаться к учреждениям прошлого. Скудость результата подобных усилий может оказаться ошеломляющей. На успех этих попыток можно рассчитывать не больше, чем пытаюсь отвлечь влюбленного от предмета его воздыханий или игрока от игры. Но если каким-то чудом своими доводами вы сумеете опровергнуть доводы противника, он тут же заменит их другими, подсказанными теми же чувствами и теми же интересами. Он скажет, например, что Франция не на высоте социального прогресса или что она проникнута духом милитаризма, империализма, ложного патриотизма. Можно не сомневаться в одном: подобных аргументов будет в изобилии.

Единственный результат, которого можно добиться, разрушив одну деривацию, — это, как правило, ее замена другой, почерпнутой из того же неисчерпаемого арсенала.

Другой пример знакомит нас с очень распространенным правилом.

В газетах одного направления, а иногда в одной и той же газете можно встретить доводы такого рода: 1) Франция заслуживает порицания за то, что она воспользовалась своей победой над Германией. Оправданием ей никак не могут служить перенесенные несчастья. Детей нельзя наказывать за грехи отцов; 2) Большевиков не следует порицать за то, что они истребляют буржуазию. У них есть на это веская причина, а именно страдания, которые причинили им высшие классы и сторонники свергнутого режима в особенности. Дети наказаны за проступки, совершенные родителями.

Очевидно, что речь идет о прямо противоположных утверждениях. По логике они несовместимы, но прекрасно уживаются друг с другом в логике чувства. Впрочем, противоречие здесь чисто формальное, поскольку оба тезиса основаны на чувствах и интересах. Так как мы постоянно вынуждены упоминать о чувствах и интересах, попытаемся хотя бы в общих чертах охарактеризовать эти понятия.

Сначала скажем об интересах. Существует политический интерес чрезвычайной важности — интерес Англии, заключающийся в том, чтобы не позволить ни одной стране завладеть гегемонией на евро-

пейском континенте. Англия всегда более или менее открыто выступала против любой державы, которая внушала ей такие подозрения.

История предоставляет нам множество подтверждений этого факта. Особенно поучительна эволюция отношений Англии с Францией, начиная с Крымской войны до франко-германской войны 1870–1871 гг. Во времена Крымской войны Англия была с Францией в союзе и после ее окончания также демонстрировала по отношению к этой стране свое благорасположение. Затем началось охлаждение, которое переросло в недоброжелательность. Накануне войны 1870–1871 гг. и во время нее высказывания значительной части английской прессы, в частности газеты «Таймс», стали откровенно враждебными. Что же произошло на этом отрезке времени? Франция всего-навсего после войны в Италии приобрела в Европе, по мнению Англии, слишком большой вес. После войны 1870–1871 гг. до разразившейся недавно новой войны можно было наблюдать сходный процесс. Но на этот раз недоверие Англии стала постепенно возбуждать Германия, представлявшая для нее прямую угрозу на море и косвенную — на континенте. Прежде неумеренно расхваленная и превознесенная до небес Германия в течение нынешней войны и после нее оказалась растоптанной и уничтоженной, хотя в последнее время появились некоторые признаки смягчения.

Очень вероятно, что мы находимся в начальной стадии новой эволюции, подобной тем, что уже имели место. Этот вопрос заслуживает подробного рассмотрения, но в рамках не газетной статьи, а целой книги.

Описанные нами примеры эволюции свидетельствуют о том, что действие более глубоких и неизменных причин оказывается в конечном итоге сильнее, чем всех прочих. Наполеон III мог выбирать между союзом с Англией и с Россией. Одержимый воспоминанием о кончине своего дяди на острове Святой Елены, он предпочел первый в надежде застраховать себя от неприятностей, но жестоко обманулся. Он мог бы строить куда более верные прогнозы, если бы прислушался к урокам истории, ведь враждебность Англии к Наполеону I и ее равнодушие к судьбе Наполеона III в 1870 г. были продиктованы теми же самыми интересами.

Еще один интерес, представляющий великую важность для Англии, — это безопасность ее азиатских владений — как новоприобретенных, так и прежних. Она видит угрозу для них в распространении большевистской пропаганды, но еще не решила, противостоять ей силой или помешать путем заключения договора. Именно этим объясняется неопределенность английской политики послед-

него времени. Если Англия остановится на последнем решении, ее пути неизбежно разойдутся с Францией, интересы которой лежат в другой плоскости и не отличаются такой же сугубой утилитарностью.

Мощный поток политических интересов смешивает свои воды с рекой интересов финансовых. Среди последних необходимо различать уже устоявшиеся интересы и только намечающиеся.

Если говорить об отношении к России, то первые преобладают во Франции, вторые — в других странах. Эти страны не могут простить Франции ее претензий на получение долга по кредитам. Поэтому ее рассматривают как помеху на пути плодотворного сотрудничества во всем мире. За это ее осыпают упреками, обвиняют в ростовщичестве и пренебрежительно обзывают Шейлоком. Она считается защитницей капитализма, противницей труда, представителями которого в открытую выступают пролетарии, но подспудно могут быть и финансисты, везде собирающие по зернышку и с нетерпением рвущиеся «спасти» Россию, получив там концессии на прибыльные предприятия. Все эти интересы прикрываются иногда непроницаемой, иногда прозрачной завесой многочисленных дериваций, а хорошо оплачиваемое производство набирает обороты.

Перейдем теперь к чувствам. Мы не станем говорить о многочисленных друзьях Франции, которые не забывают, в каком долгу находится перед ней культура современных народов. Займемся только чувствами, которые прямо или косвенно работают на антифранцузскую кампанию.

В 1885 г. сэр Генри Самнер Мэйн² охарактеризовал важную категорию чувств, заметив по поводу одной статьи Лабушера, что речи этого автора, «как, впрочем, и речи многих граждан, полагающих, что правительства обладают неограниченными возможностями делать людей счастливыми, подразумевают убеждение в наличии некоего неисчерпаемого по количеству фонда земных благ, хранящихся, так сказать, на огромном складе или на антресолях и в настоящее время распределяемых неравномерно и несправедливо. И именно эту неравномерность и несправедливость со дня на день должен устранить демократический закон». Интенсивность подобного рода настроений была чрезвычайно усилена войной, которая даже снабдила их некоторым практическим обоснованием благодаря подчинению экономической жизни произвольным решениям правительств. Экономический ущерб, нанесенный этими решениями, тяжелым

² Франц. пер.: *Essais sur le gouvernement populaire*. Paris, Thorin éd. P. 71.

бременем лег на население, но оно не связывает эти вещи, наоборот, ожидает окончательного облегчения от новых произвольных решений. С точки зрения значительной части граждан, они должны привести к перераспределению богатств и реорганизации производства, в то время как спекулянты хотели бы заменить прежние источники доходов, иссякшие с окончанием войны, новыми.

Правительства должны считаться с этими настроениями. Нет необходимости рассматривать вытекающие отсюда выводы, так что мы ограничимся указанием лишь на те, которые относятся к нашей теме.

В Европе наблюдается любопытное явление, которое мы разбирали в других работах. Похоже, что древний континент погружается в состояние анархии, чем-то напоминающее ситуацию после падения каролингской империи. Центральная власть и суверенитет распадаются, а организации, подобные профсоюзам, пользуются результатами этого распада. Совсем недавно мы могли констатировать, комментируя внутренние события в Венгрии и русско-польскую войну, что внешняя политика разных государств стала ареной противоборства двух сил — власти центральных правительств и власти профсоюзов. Обе власти проводили собственную внешнюю политику: наряду с политикой конституционного и законно сформированного государства и вопреки ей вырабатывается другая, основанная на реальной власти, но официально еще не оформленная, по крайней мере в области внешних сношений. Примечательно, что парламенты, за исключением французского, по-видимому, смирились с подобным унижением.

Точно так же можно наблюдать зарождение внутренней реальной власти, противостоящей государству и конкурирующей с ним на равных. Повсюду, за исключением опять-таки Франции, ее представляет персонал, контролирующий пути сообщения; в Англии к нему присоединяются шахтеры; в Италии — рабочие и другие лица, которые пытаются образовать государство в государстве. Пока что их объединяет общее дело, но уже проскакивают искры будущих конфликтов.

Все эти и им подобные факты сегодня выглядят случайными; возможно, они преходящи, тем не менее это результат проявления каких-то глубинных сил.

Эти силы в разных странах действуют по-разному. Во Франции их интенсивность не так велика, как в других местах. В этих последних антифранцузская кампания находит своих сторонников прежде всего среди приверженцев нового положения вещей, затем среди тех, кто желает воспользоваться обстоятельствами или попросту видит в ней политическое средство.

Но есть более важная и трудноразрешимая проблема.

Объединение Германии стало возможным благодаря поражению Франции в войне 1870–1871 гг. Почему же победившая теперь Франция не пытается уничтожить Германию, а напротив, усиливает ее? Искусство управления заключается в использовании существующих настроений и лишь отчасти — в их изменении или подогревании новых. Партикуляризм все еще очень силен в Германии. Почему же им пренебрегают?

Я не собираюсь заниматься здесь решением этой проблемы. Впрочем, для этого недостает знания многих вещей. Тем не менее мне представляется, что в силу самой постановки подобных вопросов можно заключить о наличии могущественных чувств и значительных интересов, препятствующих принятию решений, которые дали бы Франции гарантии, навряд ли достижимые иным способом. Среди источников этих чувств следует назвать, безусловно, идеологию Лиги Наций и подобные принципы, хотя опыт прошлого учит нас, что они имеют вес лишь в сочетании с другими, более важными чувствами и более существенными интересами. Именно эти чувства и интересы следует учитывать, но представленный нами очерк лишь приоткрывает край прячущей их завесы.

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ¹

Чтобы понять происходящие события, необходимо правильно разместить их в ряду других, а для этого следует напомнить о наличии циклов, описанных в общем виде в «Социологии», опубликованной в 1916 г., и об особенностях сегодняшней фазы, охарактеризованной несколько месяцев назад в журнале «Ривиста ди Милано». Наше общество переживает фазу, завершающую упадок господствующей группы, которой пока является демагогическая плутократия.

История знает немало похожих периодов, в частности период падения Римской республики. К ряду аналогий, отмеченных нами ранее, можно добавить еще одну, хотя и не столь важную, связанную с нынешней распрей по поводу контроля над промышленными предприятиями и напоминающую борьбу между *всадниками* и сенаторами за судебную власть, которая была не самоцелью, а лишь средством получить финансовые и политические преимущества, и играла заметную роль в римской истории.

В целом можно говорить о разных фазах постоянно тлеющего конфликта, в который открыто или закулисно вступают партии правящей элиты и управляемых, которые намереваются свергнуть власть. В первой фазе правящая партия только противится новшествам; во второй она идет на уступки, сохраняя за собой рычаги управления; в третьей пытается перехватить инициативу у противников, лишит их народной поддержки, дать даже больше, чем просят, но и в этой фазе, как и в предыдущей, старается уступать лишь по форме, чтобы оставить за собой главное. Наконец, наступает четвертая фаза, в которой все эти приемы становятся бесполезными и класс правящей элиты вынужден уйти со сцены. После этого начинается новый цикл, отчасти сходный с предыдущим.

Мы провели границу между периодами только ради удобства изложения; в действительности переход от одной стадии к другой незаметен; следует также иметь в виду, что перемены в образе мысли не совпадают с реальными изменениями, а чаще всего предшествуют им.

¹ Il Resto del Carlino. 1920. 29 settembre.

Обращаясь к многочисленным примерам, ограничимся современной историей Италии. Начало XIX в. было периодом буржуазного сопротивления. В Пьемонте Альбертинский статут ознаменовал переход к следующему этапу. Движение крепло и ширилось; консервативная буржуазия превращается в либеральную, затем из либеральной в демократическую, а из демократической в социалистическую. Наступил нынешний век, с которым начался решительный переход к третьей стадии.

Господствующий класс рассчитывал в ходе войны увеличить свою власть и финансовые доходы; это произошло, но ненадолго. Теперь борьба идет уже не за приращение власти и доходов, но за их удержание. Как разрушение Карфагена и завоевание Греции некогда стали вершиной взлета римской плутократии и началом ее движения вниз, так и падение консервативных режимов в Германии и в России может стать таким же знаковым в истории нашей демагогической демократии.

Относительная длительность существования тех или иных режимов имеет первостепенное значение: все они преходящи и, однажды возникнув, должны исчезнуть, но последствия долгого существования этих режимов заметно отличаются от короткого варианта.

Если начавшийся сегодня фактически после многих лет идейной подготовки период продлится долго, то не только отдельные лица, но плутократия и буржуазия в целом смогут сохранить по крайней мере часть своих привилегий; если он будет коротким и скоротечным, вряд ли что-то удастся спасти.

Для индивидов и коллективов время течет по-разному. Иуда мог распорядиться тридцатью сребрениками быстрее, чем враги Христа воспользоваться плодами своей победы. Отдельные плутократы, которые сегодня изменяют своему классу, могут гораздо скорее припрятать несправедливо нажитое, чем вся плутократия сумеет обеспечить себе спокойную жизнь.

Расчистив, таким образом, почву, мы можем перейти от общих рассуждений к более конкретным и если не разрешить, то хотя бы обозначить вопросы, которые вытекают из современной ситуации.

Не станем говорить о том, что касается отдельных индивидов или узких коллективов; эти задачи должны решать практические деятели, а для теории здесь мало места.

Для политиков самыми важными, можно сказать, единственно важными являются социальные проблемы, а именно: будет ли достаточно сделанных уступок для того, чтобы на относительно длительное время утихомирить подрывные элементы среди населения? Воз-

можно ли найти такие формы, при которых удастся сберечь значительную часть того, что желательно спасти? Выбираются трибуны, но, противопоставляя одного из них другому, *отцы* [сенаторы] удерживают свою власть; монархи даруют конституцию, но с помощью известных уловок сохраняют часть своей власти и власти правящего класса, и т. д. Возможно ли будет теперь последовать их примеру? Безусловно, кто-то надеется на несостоятельность контроля над предприятиями, а кто-то рассчитывает на его действенность. Кто же прав?

Государственные люди считают экономические проблемы менее важными; к этому их побуждают соображения двоякого рода. Во-первых, это представление о произвольности экономических мер и о том, что власти могут по своему желанию упорядочить производство и потребление.

Во-вторых, это в общем довольно неопределенное мнение, что экономические вопросы для государства — это в конечном счете вопросы расходов, которые могут быть решены за счет налогов. Проблема заключается не столько в установлении их общей суммы, т. е. приравнивании ее к расходам и все, сколько в распределении и в способах убедить граждан в необходимости уплатить эти налоги и собрать их.

Никто не говорит, что в распоряжении власть предержащих имеется бесконечное количество материальных благ, но они ведут себя так, как будто такой запас есть. Разумеется, эта сумма небесконечна, но весьма велика, поэтому спрашивается, до каких пределов могут пойти расходы, вызванные новыми потребностями, на сколько людей их хватит и какое количество будет исключено из дележа и тем самым побуждено к восстанию.

Не следует забывать, что в прошлом голод и экономические кризисы заметно влияли на политическое и общественное устройство. Непохоже, чтобы что-то изменилось в будущем, поэтому наше внимание должно быть направлено и на них.

Для довершения картины следовало бы рассмотреть и завесы, мифы, которыми прикрываются решения названных проблем; это очень важно с точки зрения пропаганды и изучения воздействия на людей, но в таком объективном исследовании, как наше, направленное на суть явлений, этими деталями можно пренебречь.

В следующих статьях мы проанализируем поставленные проблемы².

² 16 августа 1920 г. Парето признавался в письме к Артуру Линакеру: «Пока что мне кажется, что в Италии поступают, как обанкротившийся сын, без конца одал-

живавший деньги умершему отцу. Когда-то наступит расплата, но тем временем многие — хотя и не все — предаются веселью. Я не прав?... Массами движет не нищета, а жадность, та самая жадность, из-за которой многие представители имущего класса стремились к войне. Простаки голосуют за тех или за других, но для тех, кто немного знаком с историей, все они одним миром мазаны». 6 октября он писал Л. Аморозо: «Италия распадается. Никто уже не выполняет своих обязанностей. Когда я писал статьи... в которых предсказывал развертывание цикла, подобного наступлению средневековой анархии, я и не думал, что факты так скоро подтвердят мою правоту». — *Прим. итал. ред.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ¹

Главный вопрос заключается в том, чтобы узнать, к какому результату приведут сделанные уступки, наполовину реальные, наполовину мнимые, т. е. помогут они на какое-то время устранить разногласия или, наоборот, еще более усилят их, подталкивая победителей к новым приобретениям.

Можно привести доводы в пользу того и другого варианта, но похоже, что последний вероятнее первого.

В общем, история показывает нам, что уступки, сделанные сильным правительством, принимаются с благодарностью и признательностью, а подобные шаги слабого правительства вызывают презрение и насмешку. Итальянское правительство вряд ли может претендовать на звание сильного; уже задолго до войны оно проявило слабость, а после войны стало выглядеть никчемным. Этот факт неслучаен, он вытекает из глубоких и неизменных причин: правительства таковы, потому что такова буржуазия, которую они представляют; они станут сильнее, представляя более надежную элиту. Мы уже говорили об этом в книге «Социалистические системы», опубликованной в 1902 г., и подробно рассматривали этот вопрос в «Социологии», вышедшей в 1916-м. С каждым днем появляются новые подтверждения изложенных там теорий, и полученные доказательства убеждают нас в том, что недостатка в них не ожидается и в будущем.

Всегда удобно найти козла отпущения, поэтому естественно, что в Италии, как и в других странах, буржуазия обвиняет в собственной слабости и беспомощности людей, которые были возведены во власть ею самой и которые, в общем, повторяют свойственные ей ошибки. Буржуазия пребывает в бездействии, прикрываемом болтовней о либерализме, справедливости, праве, о приспособлении к требованиям времени, о чувстве реальности, о гуманизме, толстовстве и других прекрасных вещах, которые не стоят выеденного яйца; ожидает чуда в надежде, что какой-нибудь святой пошлет им заступ-

¹ Il Resto del Carlino. 1920. 24 ottobre.

ника. Ее противники без лишних слов сами заботятся о своей защите. Они стараются для себя.

Этого мало. Судя по уже известным фактам, можно предположить, что если появится правительство, готовое вступить в бой с противниками, наибольшее сопротивление ему окажут не они, а как раз те, кого оно вознамерится защищать; его будут укорять за каждый акт насилия, как будто сражения можно выигрывать без убитых и раненых. Самые убежденные гуманисты должны знать, что когда необходимо не допустить полного развития какого-либо процесса, достаточно пресечь его в зародыше (на этот счет есть хорошая латинская поговорка), но если этот процесс наберет силу, без репрессий не обойтись.

Если в числе причин происходящих событий находятся те, о которых мы сейчас говорили, нам следует отвлечься от особенностей отдельных правительств и сосредоточиться на коллективных чувствах. Так мы приходим к выводу о высокой вероятности новых побед торжествующей сегодня партии.

Полагать, что процесс, длящийся уже многие годы и после войны достигший небывалого размаха, будет остановлен с помощью контроля на предприятиях, даже эффективного, который введет парламент или особая комиссия, — значит отрицать очевидное, что, впрочем, лишь подтверждает состояние маразма, присущее сегодня правящей элите.

Процесс несомненно продолжится, вопрос только в том, будет он медленным, быстрым или стремительным.

Надо признать, что успеху предприятия способствуют не те, кто согласен сделать передышку, а те, кто настроен решительно и рвется к новым победам: бегущих врагов следует настичь, рассеять и не дать им времени прийти в себя. Привилегию разрешать конфликты без применения силы они предоставляют вырождающейся буржуазии, ибо знают, что без открытого или завуалированного применения силы нельзя обеспечить длительный мир и порядок.

Ошибаются те добрые буржуа, которые видят в этих тактических разногласиях проблеск надежды. Те, кто сегодня по тактическим соображениям согласны на перемирие, завтра, когда необходимость в нем отпадет, будут готовы вступить в войну.

В частности, в Италии мы наблюдали в прошлом такие факты, которые позволяют в известных обстоятельствах строить предположения о будущем. Вспомним, например, о фабричных советах; казалось, что это предел мечтаний рабочих коллективов, что в промышленности наступают согласие и процветание; но тотчас же речь

зашла о контроле. Однако почему после него не потребуют еще чего-то? Требования и даже угрозы уже раздаются. Захватывают земли, дома, красногвардейцы реквизируют продукты питания, палаты труда ограничивают цены на товары. Прекратится ли все это как по волшебству, когда будет осуществлен грандиозный проект фабричного контроля? Да полно! Может наступить временное затишье, но эти и подобные факты будут повторяться снова и снова.

Те, кого чувства или интересы заставляют быть слепыми, говорят о сегодняшних событиях в том случае, если их значение нельзя оспаривать или преуменьшать, что они маловажны или случайны. Отчасти это верно. Сами по себе такие факты ничего не доказывают, но они чрезвычайно важны как проявления чувств, силы одной партии и слабости другой, которые подтверждают выводы, уже сделанные по другому поводу.

Особый и весьма важный разряд составляют события, связанные с железнодорожниками, служащими почт, телеграфа, телефонистами. Чем больше уступок получают эти служащие, тем сильнее растут их запросы. Французское правительство пресекло забастовку на железных дорогах, и с этого дня наступило спокойствие; итальянское правительство всегда шло на попятную, и положение всегда только ухудшалось. Этот контраст демонстрирует проявление описанного нами закона циклического движения.

Подробности лучше проясняют ситуацию. В газете «Вита итальяна» от 15 сентября инженер Пьетро Ланино опубликовал очерк под заглавием «Статья 115 и забастовка на частных итальянских железных дорогах», который тому, кто хочет строить свои выводы на опыте, необходимо читать, размышляя над каждым словом. Из этой заметки вытекает, что если часть подобна целому, а будущее прошлому, то не стоит особенно рассчитывать, что пресловутый контроль обеспечит промышленности процветание.

Рассуждать о нем легко, осуществить трудно. Он будет лишь формальным, и тогда остается лишь узнать, как долго рабочие смогут тешиться этой иллюзией, или он будет действенным, и тогда он в скором времени прекратится, породив разве что новый вид собственности; именно поэтому рабочие согласны на него.

Не может быть двух хозяев с одинаковыми правами по той же причине, по которой, согласно закону, число судей должно быть нечетным. Одна из сторон будет доминировать, а вторая лишь создавать видимость власти. Заметим, что члены акционерных обществ, как правило, не осуществляют контроля над ними и процветают только предприятия, где всем заправляет совет директоров, а чаще

только один директор. Если верх одержат предприниматели, настоящее положение вещей мало изменится, но контроль нанесет значительный ущерб производству; если победят рабочие, они воспользуются этим переходным периодом, чтобы начать экспроприацию теперешних собственников; для общества это, возможно, будет наименьшим злом, потому что истории известна масса случаев смены собственников при сохранении самой собственности.

Между тем каким бы ни был упомянутый контроль, он должен подчиняться определенным нормам. Если никто не будет на них настаивать, то они останутся простым литературным упражнением; если же их придется выполнять, то кто заставит это делать?

Предлогом для того, чтобы согласиться с захватами фабрик, была ссылка на то, что столь мощное и всеобщее движение невозможно остановить. Похожий довод, очевидно, будет выдвинут и тогда, когда рабочим не понравится какое-либо из правил контроля. Они запомнили и никогда не забудут, как обойти требования закона. Уже сейчас правительству угрожает новое движение, подобное тому, что только что завершилось, в случае если начнутся судебные преследования, т. е. при попытке применять статьи законов и кодексов.

В этой же газете секретарь Федеральной палаты труда прекрасно выразил эти идеи: «Речь идет о настоящем правотворчестве, о посягательствах на власть, о государстве в государстве. Почему бы и нет? Право — это вопрос силы». Но кто в таком случае поверит, что некий научно вымученный контроль решит этот вопрос? Он останется нерешенным, и лишь будущее покажет, что нас ждет.

Будут и другие откровения. Уже сейчас налицо разногласия между отдельными частями рабочего класса, как и гражданская война между красными и белыми, конфликты между землевладельцами и промышленниками, споры между сторонниками свободного рынка и протекционизма. контроль наверняка не смягчит этих противоречий; наоборот, он обострит их и породит новые². Вероятно, он укре-

² В письме к Панталеони от 18 декабря 1920 г., размышляя об этих конфликтах и разногласиях, Парето писал: «Те, кто разрушил римскую республику, рассорились настолько, что завязали гражданскую войну. Те, кто разрушил французскую монархию, разделились настолько, что лишь гильотина решила их спор. Русские конституционалисты, сторонники Керенского, сторонники Ленина как будто не очень ладили между собой, но они свергли власть царя. Я не считаю это доказательством того, что итальянские социалисты *должны* победить, я говорю лишь, что их разногласия не помешают в этом. Всегда ли они вредны? Это вопрос... Если ты рассчитываешь победить благодаря расколу среди

пит наиболее сильные профсоюзы в ущерб слабым, приведет к союзам между рабочими и хозяевами, которые постараются совместно навязать стране налоги; в результате произойдут столкновения, подобные тем, которые во множестве случались при аналогичных обстоятельствах по данным истории. Но об этом важном предмете мы поговорим в другой раз.

социалистов, тебя ждет разочарование; но столь же мало стоит рассчитывать на то, что рабочие одумаются. Теперь только сила, одна только сила разрешит конфликт». — *Прим. итал. ред.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ¹

Эти проблемы, как и предыдущие, следует обсуждать, исходя из двух предположений: контроль будет либо формальным и малоэффективным, либо реальным, действенным и сможет изменить ситуацию в промышленности. В первом случае необходимо сосредоточиться исключительно на социальных проблемах, а экономическими пренебречь, во втором же они должны занять важное место.

Нам следует выяснить, какие чувства существуют в настоящий момент. Проповеди, призывающие рабочих и предпринимателей забыть о собственных интересах и подумать о чужих или поверить, что они совпадают, не будут услышаны, как и все подобные им разглагольствования на протяжении последних двух с лишним тысяч лет. Можно не сомневаться, что несмотря на потоки красноречия этих проповедников, рабочие по-прежнему будут преследовать свою выгоду, хотя бы и мнимую, так же поступят и промышленники. Для этого наряду с прочим они попытаются использовать и контроль, поэтому надежда, что он поможет установить мир между рабочими и предпринимателями, полностью противоречит опыту; будет благом, если он, напротив, не обострит их разногласия.

Это несколько противоречит тому, что говорится о его экономических результатах. С одной стороны, представляется, что контроль только покажет рабочим, каково подлинное состояние в производстве и какой зарплаты они могут требовать. С другой стороны, утверждают, что он положит начало глубоким переменам в отношениях между трудом и капиталом. Это следствие далеко превзошло бы причину.

В самом деле, если контроль ограничится заданными рамками, его результат будет ничтожным, потому что, благодаря забастовкам, профсоюзам, выпадам властей против предпринимателей, безнаказанному нарушению законов, рабочие уже располагают действительны-

¹ Il Resto del Carlino. 1920. 27 ottobre.

ми средствами, чтобы получить от хозяев все возможное при данном положении на рынке; способность понимать с помощью бухгалтеров и доверенных специалистов, что происходит в промышленности, мало что к этому добавит. Говорят, что рабочий контроль прекратит спекуляции, но этому нет доказательств, как нет доказательств и тому, что он не приведет к совместной спекуляции рабочих и хозяев и к совместной эксплуатации с их стороны остальной части населения, которая и так наблюдалась до сих пор. О! Мы увидим, как рабочие-металлурги восстанут против хозяев, требующих протекционистских налогов и других привилегий от правительства! Быть может, контроль сотворит такое чудо, но прошлые события этого никак не обещают. Уже появились плутократы, рассчитывающие получить выгоду от нововведения, и ко многим из них, если не ко всем, судьба будет благосклонна.

Во время войны некоторые предприниматели скопили огромные состояния, но и их рабочие получали столь же огромную зарплату. Может быть, при введении контроля первые проиграют, а вторые выиграют? Возможно и то и другое, ибо при ссоре между союзниками часто страдает целое. Для страны это могло быть благом, а могло быть и злом, если сокращение продукции не позволяло в кратчайшие сроки, немедленно произвести все необходимое для продолжения войны и порождало упадок духа вместо того чтобы поднимать его. В то время обогащавшиеся промышленники и банкиры были нужны, теперь их отбрасывают, как выжатый лимон... но перед кем-то открываются новые способы обогащения, и против них, конечно, не станут выступать те, кто окажется в доле, с контролем или без него. Видимо, демагогическая плутократия вынуждена маневрировать в сторону усиления второго разряда, но без заметного ущерба для первого.

Все, о чем мы говорили, относится к непосредственным результатам введения контроля и не касается отдаленных, т. е. тех новых, порядков, к которым он может нас направить. Чтобы получить о них некоторое представление, следует напомнить об определенных принципах, в абстрактной и теоретической форме выражающих бесчисленное множество фактов.

Каких бы теорий относительно производства ни придерживаться, нельзя отрицать, что кроме труда оно нуждается в других средствах, как-то: фабриках, станках, инструментах, материалах, товарных запасах и т. д. Условно назовем их капиталами. Следует различать между теми, кому они принадлежат, теми, кто управляет предприятиями, и теми, кто несут риски.

Если все эти вещи или большая их часть соединены в одном лице и к ним прибавляется также его труд или в рамках одной семьи, то речь идет о мелкой промышленности или сельском предприятии; если же все эти предметы объединены, но отчуждены от труда, то это капиталистическое производство, как его называют социалисты. Но возможны и разные другие комбинации, каждая из которых располагает своим уровнем осуществимости и эффективности производства. К этому вопросу мы теперь обратимся, оставив на время все прочие соображения.

Можно, грубо говоря, собрать воедино капитал, управляющих, риски, труд, допустим, в рамках коллективного предприятия; тогда мы получим производственный кооператив, который не исключает заимствования части капитала или участия государства и т. п. Если эта часть капитала будет значительной или вообще достигнет ста процентов, тип предприятия изменится, и при введении контроля он станет, вероятно, предпочтительным для многих объединений; акционеры превратят свои акции в облигации с помощью правительства и банков. Но так как в Италии у правительства мало денег, лишь немногие привилегированные фирмы смогут воспользоваться его субсидиями.

Можно отделить труд и оставить за правительством капиталы, управление и риски. Но эти три вещи будут совмещены только номинально. Дело в том, что у государства нет собственных капиталов, они принадлежат обществу, так как получены благодаря налогам или займам, и в этом случае на сцену снова выходят частные предприниматели, получающие свою фиксированную долю в виде процентов по займам правительства. Эти проценты в среднем, если данная система будет применена ко всему промышленному производству, окажутся такими же, как сегодняшние доходы акционеров, потому что с учетом рисков, потерь, банкротств средние доходы с акций приближаются по размеру к процентам по государственному долгу.

Так как государство, кроме того, не является физическим лицом, а у законодательных собраний и исполнительной власти много забот и помимо управления предприятиями, последнее переходит в руки бюрократии и отделяется от капиталов и рисков. Вот одна из главных причин, почему государственные предприятия малоэффективны.

Социалисты и синдикалисты справедливо замечают, что такие предприятия не могут служить примером того, к чему они стремятся. Основное различие заключается в форме управления, которое, по мнению социалистов, должно быть доверено обществу, а по мнению синдикалистов — профсоюзам. Такие формы возможны, хотя

их пока никто не выработал, но именно к ним, как считают многие, должен привести контроль. Похоже, что с экономической точки зрения сегодня преобладают идеи синдикалистов, отчасти их использует даже социализм. Было бы напрасно пытаться, как и в других подобных случаях, уже сейчас вникать в подробности; их подскажут опыт и практика; но безусловно, они будут иметь мало общего с химерой контроля.

Из уже известных укладов производства капиталистический, в сочетании с определенной долей мелкой сельской собственности и, возможно, малых предприятий, представляется наиболее эффективным. Это видно из того, что при наличии конкуренции он всегда выигрывает и, если нет помех его расширению, вытесняет другие уклады. В то же время государственные предприятия склонны вырождаться в монополию, а без нее они не могут выжить. Производственные кооперативы остаются единственным исключением в общей картине промышленности. Отчасти эти предприятия предназначены для того, чтобы эксплуатировать с помощью определенной политики вкладчиков, но отчасти они опираются на собственные силы, и это показывает, что данный уклад немногим хуже, чем капиталистический. Поэтому он мог бы, вероятно, распространиться на значительную часть промышленности без особого ущерба для объема производства, а этот ущерб мог бы компенсироваться социальными выгодами. Однако сегодня нельзя понять, ведет учреждение контроля к первому типу кооперативов или ко второму.

Между тем, пока происходит трансформация, существует опасение, что производство значительно сократится; это наверняка произойдет, если контроль резко разделит производство и риски, приведет к нарастанию трудностей в производстве, к растрате капиталов; и не стоит уповать на радужные перспективы согласия между капиталом и трудом. Аналогичные прогнозы делались, когда государство выкупало железные дороги, когда оно давало персоналу долю в управлении, но факты опровергли их полностью. Вполне вероятно, что то же самое случится и теперь.

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ В РЕЧИ ДОНА СТУРДЗО¹

Эта речь состоит из двух частей². В первой описывается и оценивается социально-экономическое явление, во второй предложены лекарства от сегодняшних болезней. Я обращаюсь лишь к первой части, потому что, на мой взгляд, она более удачна, и легче поддается анализу, чем вторая, которая уже по своему характеру должна быть обобщением.

Кто хотя бы немного знаком с социально-экономическими науками, не может без улыбки читать рассуждения наших авторитетных государственных мужей, даже тех, кто имеет титул профессора этих наук, настолько их рассуждения далеки от опыта и здравого смысла, настолько часто они бывают близки к вздорной болтовне. Я умолчу, например, о пресловутом торговом балансе, о чудотворных государственных ценах, о мечтах о капитале, о сбережениях и т. д., но в последнее время по поводу курса было сказано столько глупостей, что трудно вообразить нечто подобное. Эти рассуждения могут иметь оправдание в том, что они служат средством для направления масс к желаемым целям, но от них нельзя ожидать какой-либо научной ценности.

В таком расположении духа (каюсь, но признание облегчает вину) я приступил к чтению речи дона Стурдзо³, но с первых строк был поражен научной основательностью и верностью ее положений и в дальнейшем убедился, что она содержит много пре-

¹ La vita italiana. 1920. 15 novembre. P. 393–403.

² Дон Луиджи Стурдзо после падения правительства Нитти 1 октября 1920 г. произнес в Милане большую речь, опубликованную в кн.: Sturzo L. I discorsi politici. Roma, Istituto L. Sturzo, 1951. P. 43–72. — *Прим. итал. ред.*

³ Сицилийский политик и социолог, родившийся в 1871 г., умерший в 1959. В 1919 г. он стал основателем Народной партии и до 1923 г. был ее секретарем. Будучи противником фашистов, в 1924 г. он отправился в эмиграцию. В 1946 г. вернулся в Италию и с этого времени в качестве публициста, затем сенатора боролся за установление свободного рынка. — *Прим. итал. ред.*

восходных и правильных соображений, очень мало неприемлемых или неосуществимых.

Рассмотрим их. Я буду использовать термины самого дона Стурдзо, потому что и сам не нашел бы лучшие.

«Было бы неправдой утверждать, что в трудах большой послевоенной комиссии в составе 700 человек, учрежденной депутатом Орландо, мы нашли четкий призыв, обращенный ко всем политическим и экономическим силам Италии. Этот пристрастный, неполный, односторонний анализ проблемы в том виде, в каком она пребывала один-два года назад, погрузился в пучину забвения в тот же день, когда он увидел свет, и устарел уже в момент его составления. Мы можем лишь констатировать гипертрофированное завершение демократически-риторического периода комиссий: ради общественного блага следует пожелать, чтобы они не вернулись на политическую сцену».

Все это верно, только пожелание не исполнится. В эти дни, если я не ошибаюсь, была созвана комиссия по изучению проблемы финансовых курсов. Когда эта проблема будет решена, комиссия сможет приложить свои силы к другой, а именно к поиску способа умножения хлебов и рыб.

Допускаемая вольно или невольно ошибка подобных мер заключается в непонимании того, что основные и важнейшие черты социально-экономического порядка определяются фундаментальными общественными условиями, которые не могут быть изменены с помощью примитивных уловок. Дон Стурдзо совершенно правильно утверждает: «Недостает общей задачи, очевидной всеразрешающей цели, которая объединила бы массы и призвала их к согласованному и плодотворному действию». Почему это так, я объяснил в главе об идеальных целях «Социологии» и не буду теперь к этому возвращаться.

«Война между тем оставила около девяноста миллиардов долга, и к тому же ожидался огромный и недопустимый ежегодный дефицит в размере от десяти до двадцати миллиардов в год». Кроме того, близилась коренная смена настроений, которые было непростительно и преступно не замечать; но об этом дон Стурдзо говорит далее. «Тогда же прекратились внешние поступления в виде военных займов и увеличились до абсурдных значений скачки обменных курсов, в том числе по вине государственных учреждений, которые могли быть упразднены». Какое там *упразднены!* Правительство мечтает о новых и более действенных методах контроля над курсами, хотя на Брюссельском конгрессе, где с прекрасным докладом вы-

ступил проф. Панталеони, была отмечена бесполезность подобных мер. Но они нравятся невеждам, которые носят звания профессоров политической экономии, финансовых наук и тому подобных дисциплин, и служат для одурачивания простаков и умножения доходов демагогической плутократии. Мало кто в Италии способен высказать столь же ясное и здравое суждение об этом предмете, как дон Стурдзо.

«Знаменитый рефрен Франческо Саверио Нитти «потреблять меньше и производить больше» не произвел такого эффекта, как призыв к сопротивлению, брошенный С. Е. Орландо после Капоретто⁴, ибо не было ощущения надвигающейся катастрофы и за ним не последовало практического действия, которое могло бы служить примером / Этот рефрен остался риторическим восклицанием».

Дело также в том, что слова говорили одно, а факты другое. Для производства необходимы труд и капитал. Восьмичасовой рабочий день, леность, недисциплинированность, мания забастовок сократили трудовой вклад; расточительность правительства за счет ограбления налогоплательщиков, лишившихся своего имущества, препятствия на пути свободного обращения капиталов, уровень налогов, подавляющий экономическую активность и множество других напастей изымали капитал из производства. При этом имеют наглость утверждать, что производство должно возрастать!

Сократить потребление! Одновременно, благодаря льготным ценам, безмерно росло потребление хлеба, которым кормили даже животных, а также, благодаря высокой заработной плате и праздности, потребление вина, мяса и других продуктов питания. Манна, протекавшая из займов, грабительских налогов, печатания денег, проливалась на потребителей, которые рыскали в поисках потребительских товаров; при этом возрастал спрос, а предложение уменьшалось. Новые богачи потребляли больше прежних; в итоге рост потребления осуществлялся в ущерб капиталу и за счет заимствований, которые не могли быть возвращены. При этом не обошлось без комизма, выразившегося в запретах на сыр со спаржей, на сладости, на перья для дамских шляпок и т. п.

Позволь напомнить тебе, читатель, две притчи, которые подходят к этой ситуации, как ты поймешь сам. Первая рассказывает о претенденте на пост депутата, который обещал избирателям умень-

⁴ В сражении при Капоретто в сентябре — ноябре 1917 г. итальянская армия потерпела тяжелое поражение от австро-германских войск, что привело к отставке правительства Орландо. — *Прим. перев.*

шить налоговое бремя и увеличить сбор налогов; вторая — об испанском гранде, который под угрозой разорения решил сократить расходы и после долгих и мучительных раздумий обнаружил, что может не тратиться только на содержание лампы в коридоре.

«Так проходили долгие и тревожные месяцы в бездействии и молчании парламента, который утратил свое подлинное назначение, пока в узком бюрократическом кругу в ожидании чаемых послевоенных политико-экономических реформ фабриковались законопроекты, неподконтрольные общественному мнению... В этом плачевном состоянии развитие аграрной и индустриальной сфер неожиданно застопорилось и стало давать сбои; так называемое бремя войны, усугубленное последующими попытками создания монополий, концернов, фиктивных и раздутых учреждений, затруднило коммерческую активность, и в великих муках начала зарождаться и искать выход частная инициатива, стесненная административно-бюрократическими оковами и угнетаемая неуверенностью в завтрашнем дне.

Первые протесты общего характера в экономической сфере в июле 1919 г. были вызваны ростом дороговизны; это стихийное выступление было спровоцировано анархистствующими элементами и политическими иллюзиями относительно того, что после войны цены должны снизиться, вызревавшими на протяжении полугода». В этом утверждении содержится одна из немногих ошибок речи. Спекуляция в подобных случаях воздействует, главным образом, не на цены, а на соотношение производства и сбыта.

Допустим, что завтра полностью исчезнет спекуляция каким-то из продуктов питания. Приведет ли это к стабильному снижению розничной цены? Если приведет, потребление неизбежно должно вырасти, потому что при снижении цены, например, на мясо, семьи, которые не могли покупать его по прежней цене, теперь смогут это делать. Но как может расти потребление, если не увеличивается количество продукции? Откуда возьмется избыток? Тогда потребление должно будет сократиться? Но каким образом это произойдет? За счет повышения цены, которая вернется на прежний уровень. Единственная разница будет заключаться в том, что от этого выиграют только некоторые составляющие производства и распределения и проиграют другие.

Иллюзия возникает из-за того, что спекуляция действительно может произвести временный эффект, и в речи это хорошо показано применительно к другому случаю, совершенно аналогичному названному. «Грабеж лавок и магазинов, вопли в испанском духе о снижении на 50 процентов, народные комиссии для контроля фиксиро-

ванных цен производили впечатление неожиданной остановки, хотя продолжался невиданный подъем...»

Все это подтверждает сказанное далее по поводу твердых цен на жилье. Была установлена арендная цена ниже рыночной, но при этом не изменялись другие экономические условия. Отсюда вытекают два неизбежных следствия. Во-первых, при фиксированной цене спрос превышает предложение, в том числе за счет огромного роста зарплат и окладов, так что многие остаются без крыши над головой. Во-вторых, пропадает стимул к строительству жилья, порождаемый высокими ценами, но цены на него все равно поднимаются искусственно, с помощью разных ухищрений. Примечателен при этом контраст между намерениями и реальностью. Правительство установило строгий контроль за ценами на дешевое жилье и рассчитывало оказать этим услугу бедным слоям населения, которые им пользуются, при этом оно невольно оказалось в плену предрассудков. Как бы то ни было, выгоду получили собственники домов с высокой арендной платой, а в накладе остались те, кто сдавали квартиры дешево; поэтому производители стали ориентироваться на первых и пренебрегать вторыми. Ущерб, таким образом, был причинен тем, кому хотели помочь.

Продолжение речи: «Для компенсации роста цен и резкого уменьшения доступности потребительских товаров призывали к новым надбавкам для служащих и повышению заработной платы рабочим. Все видели, что рыночные цены растут параллельно с жалованиями и зарплатами, как снежный ком; непосредственным следствием явился бюджетный дефицит и обесценивание денег...». Так и сказано. Я перечитал этот отрывок несколько раз, чтобы удостовериться, что дон Стурдзо приписывает обесценивание денег именно описанной экономической ситуации. Но тогда (Господи помилуй!) разве нельзя согласиться, с тем, что этим обесцениванием мы обязаны проискам «врагов отечества», «хищным спекулянтам» и прочим прокаженным, как утверждают наши государственные мужи и ученые (?), как говорится в циркулярах, рассылаемых нашим дипломатам Министерством иностранных дел? Если бы. Врагов отечества, хищных спекулянтов и прокаженных можно посадить в тюрьму, тогда лира взмоет вверх наравне с золотом. Верь этому, читатель, коль ты готов верить всему. Но если падение лиры вызвано социально-экономическими условиями рынка, если оно реагирует на них, как термометр, то для повышения стоимости лиры необходимо изменить эти условия, т. е. перейти к принятию мер, которые считаются нежелательными и недопустимыми.

Вывод, сделанный из всего этого доном Стурдзо, продиктован экспериментальной наукой, в корне отличающейся от той, которой пользуются правительства и партии. «Вот уже два года как мы возвращаемся в порочном круге: снижаем национальный продукт, запускаем болезни, влияющие на производство богатств, вплоть до опасной фазы, издаем налоговые законы, способствующие росту цен и обесцениванию денег и ценных бумаг». Именно этот факт отрицает большинство авторов, в том числе тех, кто считаются экспертом по экономике и финансам; именно о нем имеет смелость говорить дон Стурдзо вопреки общему мнению, распространенным предрассудкам и серьезным интересам; именно поэтому процитированный раздел его речи заслуживает всяческих похвал.

Очень близким к истине представляется и суждение о мерах в области сельского хозяйства, предпринимавшихся до сих пор правительствами. «Эти доморощенные рецепты отличаются неполнотой и нелогичностью, они не соответствуют общей картине кризиса и при отсутствии необходимых средств и учреждений порождают иллюзии, принижают действия государства, вносят разлад в производство и расхолаживают усилия капитала по наращиванию производства, ибо разрушают старый порядок, не создавая нового в его полном и органичном виде».

Но здесь мы вступаем в область синтеза, что прекрасно показано в речи в связи с аграрным движением. «Перемежающиеся фазы побед и поражений каждой из сторон в ходе борьбы выливаются в реальное снижение производственных возможностей и производительности, экономический феномен переносится в политическую сферу, где он принимает обостренную и ожесточенную форму классовой борьбы».

Подобное же наблюдение относится и к индустриальной проблеме. Справедливо, как сказано в речи, что «платежеспособность аграрной экономики не возрастает, как требовалось бы с точки зрения общества, а снижается, ограничивая пределы налогового давления, оказываемого государством. Каким образом возможно при этом использовать другие способы пополнения казны, не истощив источники богатства и не вызвав еще более масштабного кризиса, который поставит фундаментальную экономическую проблему частной собственности и ее способности развиваться и расти с помощью производства и накоплений?»

Из этого и других подобных соображений дон Стурдзо выводит заключение, неблагоприятное для некоторых отраслей промышленности, которые должны трансформироваться, если не хотят ра-

ботать впустую, «если страна не желает нести паразитическое бремя в ущерб производительному труду и сельскому хозяйству, испытывающему наибольший ущерб вследствие протекционистских интриг».

Это рассуждение справедливое, но неполное, слишком упрощенное. Некогда и я так рассуждал, сознавая при этом неполноту, но теперь, после синтеза, осуществленного в «Социологии», мне ясно, чего здесь недостает.

Да, протекционизм дорог и обременителен; да, в Италии он во многом вредит сельскому хозяйству; да, он заключается в ограблении одних граждан в пользу других. Желание протекционистов отрицать ущерб, наносимый таможенными барьерами и, следовательно, отвергнуть положения экспериментальной науки вызывает у сторонников свободной торговли иллюзию, что для ниспровержения протекционизма достаточно показать бессмысленность этих доводов.

Но здесь есть нечто большее. Как мы напоминали в «Социологии», таможенный протекционизм есть не что иное, как один из многочисленных видов протекционизма. Почему рыночники отвергают лишь его и принимают все остальные? Таможенная пошлина отбирает у одних граждан, чтобы дать другим; но разве не такова же функция прогрессивных налогов, пособий по безработице, всех безобразий, которые творятся под благосклонным взором начальства? Непонятно почему, без долгих разговоров объявляется правильным запрещать вывоз национального капитала за границу, и неправильным запрещать ввоз иностранных товаров в страну. Почему пошлина на зерно вредна, а фискальная пошлина полезна? Есть ли для потребителя существенная разница между товаром, подорожавшим из-за введения таможенной пошлины, и товаром, подорожавшим настолько же из-за самоуправства рабочих?

На эти и подобные вопросы экспериментальная наука дает один ответ: следует изучить выгоды и потери, связанные с каждым из видов протекционизма, взвесить все «за» и «против» и только после этого делать вывод. Здесь недостаточно места для такого анализа, поэтому нам придется удовлетвориться лишь перечислением проблем, требующих решения.

Но предварительно нужно поставить еще один вопрос. Каков смысл нашего обсуждения? Если социальные феномены, как представляется, зависят от чувств и интересов, то самые прекрасные идеи, направленные на то, чтобы их изменить, никак на них не повлияют.

Я полагаю, что так оно и есть, и я показал это в моей «Социологии», но мне также кажется, что это, главным образом, вопрос коли-

чественный. Сами по себе идеи не могут или мало могут повлиять на чувства и интересы, но между *не могут* и *мало* есть разница, и эта малость в некоторых, довольно редких случаях может быть существенной. Можно быть уверенным в том, что речь дона Стурдзо мало кого переубедит, но нельзя утверждать, что она не переубедит никого или по крайней мере не побудит кого-то пересмотреть свои взгляды; этого достаточно, чтобы не считать результат нулевым.

Обозначив таким образом хотя бы минимальную пользу нашего рассуждения, посмотрим, на что оно должно быть направлено.

Если не ставится цель полностью изменить общественное устройство, можно в общем и целом исходить из имеющихся предпосылок, из тех чувств и интересов, которые направлены на сохранение с небольшими поправками прежних представлений о законности, о справедливости, о равенстве и т. д. Поскольку они изменяются медленно, можно, опираясь на данные истории, прийти к выводам, имеющим определенную вероятность. Но если нам требуется исследовать, что будет происходить в обществе, полностью отличающемся от известных нам, знание существующих настроений не поможет, мы вступаем в неизведанную область.

Например, мы неплохо можем себе представить, что будет со страной, в которой значительно выросла доля мелкой сельскохозяйственной собственности; но если мы хотим рассуждать о стране (если такая страна возможна), где нет частной собственности, нужно допустить, что там будут господствовать совершенно другие чувства по сравнению с привычными нам в наших обществах. Те, кто думают, что может понять эти новые чувства, — фантазеры, живущие в царстве утопий.

Экономические условия ставят известные границы, которые более понятны и которые гораздо труднее перейти.

Дон Стурдзо справедливо отмечает: «К сожалению, Италия — бедная страна, которую плодородной сделало упорство ее тружеников и сбереженные ресурсы; но резервы ее экономики кроются, в основном, в земле». Он думает поэтому, что здесь не может развиваться черная металлургия и тяжелая промышленность, «поскольку затраты на ввозимое из-за рубежа сырье превышают или равняются трудовым затратам, причем не следует рассчитывать, что эти отрасли будут использовать дешевую рабочую силу, готовую к тяжелому труду; эти времена, к счастью, уже прошли».

Последнее утверждение ошибочно. *Эти времена* далеко не прошли, и сейчас начинается период, отчасти заслоняемый оргией разрушения капиталов, расточения того, что должно обеспечить будущее, ко-

гда тем более остро и не только перед Италией встанет дилемма: сократить численность населения или прекратить расточительство.

Отгораживаться от этих трудностей с помощью разглагольствования о новых временах, о новых правах трудящихся, о диктатуре пролетариата и прочей чепухе — значит уподобляться колдунье, которая надеялась остановить заклинаниями луну.

Производство, а следовательно, и численность населения находятся в тесной связи с безопасностью личности и имущества, с существованием и уважением к тому, что греки называли «номос», римляне — «лекс», а мы называем законом. Установление римского мира привело к увеличению численности и благосостояния населения в средиземноморском бассейне; средневековая анархия подорвала и то и другое.

Какой из этих процессов начинает разворачиваться сейчас? Постарайтесь ответить на этот вопрос с помощью экспериментальной науки, по возможности оставив в стороне, даже с риском не понравиться всемилостивому правительству, религиозный экстаз, уверенность в судьбах отечества, благородство буржуазии, внимающей зову времени, и тому подобную чушь.

Относительно решения поставленного вопроса можно, по меньшей мере, выразить сомнение. О причинах этого я уже говорил в журнале «Ривиста ди Милано» и не буду повторяться. Позволю себе только заметить, что за короткое время, прошедшее с момента публикации упомянутых статей, появилось немало подтверждений сделанных в них выводов и ожидаются, видимо, новые.

История учит нас, что всякое правление покоится на согласии и силе. Многие наши правительства лишены и того, и другого. В международных отношениях и во внутренних делах правитель должен уметь и быть способным *pacere subiectis et debellare superbos* (щадить подданных и низвергать гордецов. — *Лат.*). Этой максиме не следуют правительства, которые не защищают своих подданных от насилий и грабежей со стороны частных лиц и даже потворствуют им ради пополнения казны и не наказывают гордецов, создающих государство в государстве, хозяйничающих на железных дорогах, на почте, телеграфе, телефоне, вырабатывающих свою внешнюю политику, захватывающих поля, дома, суда, заводы, конфискующих товары, диктующих цены, учреждающих Красную гвардию, которая вооружена мандатами, бомбами, кинжалами, револьверами и даже пулеметами, которая похищает граждан, арестовывает, обезоруживает, захватывает в плен армейских офицеров, созывает суды, штрафующие сельских хозяев за то, что они возделывают свои земли, жнут, моло-

тят зерно, доят коров, — затем приступили к вынесению уголовных приговоров (в том числе двух смертных) и к их исполнению.

Все это нельзя приписать недостаткам людей, стоящих у власти; в этом случае все легко было бы исправить, сменив их. Причины гораздо глубже и серьезнее, главная из них — чувства выродившейся, трусливой буржуазии, больше всего боящейся пролить кровь ради защиты закона и государства; она не способна даже презирать своих предателей и с рабским смирением ожидает неизбежного. Поэтому ход событий ускоряется и грядущий кризис приближается к нам с каждым часом⁵.

⁵ Ср. документы, приводимые в кн.: Maione G. *Il biennio rosso. Autonomia e spontaneità operaia nel 1919–1920*. Bologna, Il Mulino, 1975. Другие сведения см. в подробной и снабженной богатым материалом биографии Луиджи Стурдзо, написанной Г. де Роза (Torino, Utet, 1977). — *Прим. итал. ред.*

ДВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯ¹

Все положения экспериментальной науки гипотетичны, т. е. они высказываются при наличии определенных условий и состоят из протазиса — вводной части, иногда подразумеваемой, и аподозиса — заключительной части, собственно высказываемой. В этих положениях нет абсолюта, известного только богословию, метафизике и чувству.

Суждение о политическом деятеле — это частное приложение общей теории: тот, кто исходит из абсолютных норм, может применять их безусловно, в отличие от тех, кто такие нормы не признает.

Например, те, кто проникся партийным духом, судит и высказывается очень просто, по принципу: люди моей партии избранные, ее противники проклятые. Точно так же искренне верующие внутренне располагают всеми необходимыми элементами, если они христиане, чтобы осудить Юлиана Отступника, а если они не христиане — чтобы превозносить его. Поклонник известной богини, именуемой Свобода, которая очень ценилась в Риме на закате республики, нисколько не усомнится в том, что Юлий Цезарь злодей; но сторонник империи сочтет его орудием провидения.

Во всех этих суждениях протазис заключается в чувствах и вере их авторов. Приверженцы экспериментального метода не разделяют и не опровергают этих суждений отчасти в силу их неточности, но главным образом — вследствие требования показать на опыте предпосылки, выводами из которых они являются.

Здесь возникают большие трудности. Не будем говорить о точном знании фактических обстоятельств, влияющих на поведение людей, о которых судят, но даже если эти обстоятельства известны, нужно установить их цели, подлежащие рассмотрению, потому что от этого зависят и суждения. Пока что можно сказать, что при сегодняшнем уровне науки эти цели не должны быть слишком удаленными, ибо об очень удаленных целях мы не знаем абсолютно ничего. Лео-

¹ La Ronda. 1921. Luglio. P. 437-448.

парди судя по всему полагал, что битва при Филиппах² была предвестием варварских нашествий в конце Римской империи; он, возможно, прав, но это видение поэта, а не научный вывод.

Это еще не все. Нужно также ответить на вопрос, до какой степени действия одного или нескольких человек могут повлиять на результат. Здесь есть две крайние точки зрения: с одной стороны, это теория, так сказать, героической личности, согласно которой эта степень предельно велика; с другой — теория, которую можно назвать демократической, считающая это влияние минимальным или вообще ничтожным.

Экспериментальная истина находится посередине; факты показывают, во-первых, что незначительные события в большой степени зависят от личностей, более важные — в минимальной или ничтожной. Во-вторых, что в социальных движениях есть мощные течения, которым действия отдельных людей очень мало или вообще не могут противостоять.

По правде говоря, это всегда было более или менее понятно. Поэтому если вернуться к приведенным выше примерам, будет банальным соображение о том, что желание защищать свою партию вопреки главенствующему течению, которое называют в таком случае требованием времени, — пустое дело. И хотя справедливым будет сказать, что каждый понимает указанные священные требования по-своему, это относится к приложению принципа, но не к самому принципу.

Было правильно замечено, что даже если бы Юлиан процарствовал долго, ему не удалось бы сильно навредить христианской вере, выражавшей непреодолимые в ту пору чувства. Тут добавляют (и в этом отношении знаменательно исследование проф. Адриана Навилля), что сам Юлиан³, открытый враг христианства, отдавал дань, хотя и неосознанно, чувствам, пропагандируемым последним.

Соображение по поводу частного случая следует перенести на другие. Человеку сложно не разделять чувства, господствующие в том обществе, где он живет; обычно его разногласия с окружающими сводятся к форме, а не существу. Поэтому часто бывает, что государственные деятели, даже ненамеренно, придерживаются основных

² В битве при Филиппах в 42 г. до н. э. наследники Цезаря Антоний и Октавиан разгромили его убийц Брута и Кассия. Октавиан впоследствии стал императором и принял титул Августа. — *Прим. перев.*

³ Naville A. Julien l'Apostat et sa philosophie du polythéisme. Paris, Sandoz et Fischbacher, 1877. P. VII — 204.

течений, существующих в данной стране, и используют существующие чувства и интересы, в чем, собственно, и заключается искусство власти. Редко когда они стремятся произвести переворот в чувствах и интересах, который, как правило, обречен на поражение.

Наиболее искусным государственным человеком является тот, кто не ставит перед собой недостижимые цели и умеет воспользоваться конъюнктурой для преследования достижимых. Точно так же капитан парусного судна тем более искусен, чем лучше он умеет воспользоваться ветрами и течениями, чтобы достичь желанной гавани. Но нельзя быть уверенным в том, что он не ошибается насчет целесообразности плыть туда, как и относительно того, к какому результату приведет в конечном счете достижение цели, поставленной государственным деятелем.

Здесь уместно сделать важное замечание. Для того чтобы следовать в русле чувств и интересов, государственный деятель должен идти на уступки, противоречащие его конечной задаче, — но лишь в средствах, а не в цели. Он похож на дельца, который в ходе спекулятивной операции тратит все новые суммы; чтобы она была успешной, требуется завершить ее до того, как кончатся средства. Об одном игроке парижской биржи рассказывают, что он с большим основанием предвидел крах Панамской компании⁴ и играл на понижение, но когда у него кончились деньги, застрелился. Через несколько дней было объявлено о банкротстве компании. Если бы этот спекулянт мог продержаться еще хоть немного, он заработал бы целое состояние. Итак, политик всегда должен помнить о словах, сказанных Солоном Крезу: «Пока жизнь человека не завершилась, его нельзя назвать удачливым»; *Ante mortem ne laudes hominem quemquem* (Прежде смерти не называй никого блаженным), написано в Экклезиастике (Книга Иисуса, сына Сирахова, 11).

В соответствии с названными предпосылками мы можем утверждать, что из ныне здравствующих государственных деятелей наиболее выдающимися и далеко превосходящими других являются Ллойд Джордж и Джованни Джолитти.

Сегодня господствующей в цивилизованном мире формой власти является демагогическая плутократия (не буду повторять здесь то, о чем я подробно писал в «Социологии»). Два вышеупомянутых

⁴ Громкий крах Панамской компании привел к суровому приговору в адрес старого инженера Лессепса, который в 1881 г. был инициатором рытья канала на перешейке. См.: *Les deux scandales de Panama, présentés par J. Bouvier. Paris, Juilliard, 1964. — Прим. итал. ред.*

государственных деятеля научились, сумели и продолжают пользоваться этой ситуацией с редкостным мастерством, примыкая то к одному, то к другому лагерю и без малейших колебаний в случае необходимости меняя курс.

Ллойд Джорджа обвиняли в беспринципности, в том, что он ни во что не верит. Возможно, отчасти это и так, но это вопрос этики, а не социальной науки. В общем, люди склонны верить в то, что им выгодно; поэтому очень сложно определить, в том числе им самим, насколько ими движет вера и чувство, а насколько искусство и разум.

Покончив с этими психологическими тонкостями и обращаясь исключительно к внешним фактам, мы можем заметить, что вменяемые Ллойд Джорджу в вину беспринципность и непостоянство на самом деле являются варьированием наиболее подходящего, по его мнению, способа использовать чувства и интересы в зависимости от конъюнктуры. Точно таким же образом то или иное расположение руля и парусов свидетельствует лишь о способе, каким капитан собирается добраться до пункта назначения.

Своим конкретным распоряжениям, которые по сути дела выражают его манеру власти, Ллойд Джордж часто придает сентиментальную, иногда даже мистическую форму, откуда и возникает представление об изменчивости его взглядов в этой области. Джолитти имеет репутацию большего скептика, поэтому, если он и не избежал полностью обвинений, предъявляемых Ллойд Джорджу, они не были столь настойчивыми.

Говорят, что Ллойд Джордж поначалу был демократичен, а затем превратился в консерватора. На самом деле он ни то ни другое, поэтому примыкает то к одному, то к другому лагерю демагогической плутократии; следуя веяниям времени и приближаясь к одному из них, особенно к демагогическому, он делает это вполне искренне, что выглядит и отчасти является выражением его принципов.

Поведение Джолитти не столь противоречиво, поскольку он отдает предпочтение посредничеству между двумя лагерями и, используя их противостояние, старается выглядеть лишь арбитром в их споре. Он хочет примирить монархический принцип с демократическим или социалистическим, потому что считает, что социалистическая монархия будет естественным завершением итальянского цикла.

Чтобы лучше понять взаимосвязь сегодняшних обстоятельств и деятельности политиков, обратимся к гипотетическому и обезличенному примеру.

Допустим, что мы находимся в одной из фаз цикла демагогической плутократии, описанного в «Социологии». Партия, называемая демократической, переживает подъем, буржуазная партия — упадок. Как это чаще всего бывает, последняя все более демонстрирует свою слабость, первая же рвется к власти. Государство разваливается и все менее способно управлять соперничающими партиями.

Как же следует поступать государственному деятелю в такой обстановке?

Если бы ему было известно, как будут дальше развиваться события, было бы несложно избрать правильный путь, который ведет в нужном направлении, за вычетом уже высказанного соображения о том, что в конечном счете в дальней перспективе он может вести к катастрофе. Но если относительно ближайших результатов существует лишь вероятность, то уверенности нет и приходится следовать прогнозам. Эти прогнозы могут основываться на совершенно разных предположениях: первое исходит из того, что мы близки к точке смены направления цикла, второе — что далеки. Резкое изменение его характера, т. е. революция, насильственная или мирная, может преследовать интересы одной из партий, скорее всего (но не обязательно) более сильной, или интересы третьей стороны, которая выступает в нужный момент. Постепенное и нарастающее изменение в рамках цикла происходит путем модификаций, устраняющих причины нарушения равновесия, с учетом уже высказанного соображения, что такие модификации часто ведут к ближайшим желаемым результатам и к удаленным нежелательным и что исход предприятия зависит от того, возымеют ли эффект первые прежде, чем проявятся вторые.

Таким образом, перед государственным человеком открываются две дороги. Двигаясь по первой, он становится во главе партии, которая, по его мнению, одержит верх, и вступает в решительную битву; двигаясь по второй, он осторожно поощряет движение, совершающееся в рамках данного цикла. Первому образу действий редко сопутствует явный успех, потому что он наблюдается только в исключительных случаях, связанных с переменной цикла; второй образ действий встречается чаще, почти всегда, потому что один и тот же цикл длится столетиями; так вели себя большинство выдающихся политиков в истории. В римской истории был один Октавиан Август и немало успешных императоров.

Джолитти и Ллойд Джордж принадлежат, очевидно, к роду государственных деятелей, которые стремятся удержаться в рамках текущего цикла.

При гипотетически принятом нами положении дел, чтобы предупредить нарушение равновесия, следует ослабить партию, которая чересчур сильна, и усилить ту, которая ослабла, но сделать это осторожно, ибо авторитет государства настолько снизился, что ему трудно прибегнуть к силе.

Джолитти проявил себя как великий мастер подобных действий. Я уже отмечал это в «Социологии»; мне кажется, что последовавшие события полностью подтвердили эти наблюдения. Становится все очевиднее, что в Италии, вероятно, никто не сравнится с ним в умении использовать наличные чувства и тем более интересы.

Один из часто применяющихся и важных приемов описанного выше искусства состоит в том, чтобы на некоторое время и в известных пределах оставлять свободное поле деятельности для партии, которую желательно ослабить, и позволить ей совершать ошибки. Это влечет двойную выгоду. Во-первых, партию, прибегающую к произволу и насилию, ждут разочарования; во-вторых, в более слабой партии пробуждается отвага, которую вызывает у самых слабых чувство смертельной опасности; она постарается оказать сопротивление противнику и целиком перейти под защиту правительства. Но это искусство требует большого мастерства, чтобы не потерять контроля над действиями партии, получившей свободу рук, и успеть вовремя вмешаться для подавления спровоцированных беспорядков и резких столкновений.

Этот способ использовал Джолитти, будучи министром, во время всеобщих стачек. Он предоставил бастующим свободу действий, дождался, пока реакция на их поступки позволит ему вмешаться, и незамедлительно и без труда навел порядок. Теперь он очень часто в сложных ситуациях действует таким же образом.

В сентябре 1920 г. он не препятствовал рабочим захватывать фабрики и создавать вооруженные отряды Красной гвардии. При желании он мог бы это сделать, что доказывается его успешными распоряжениями в начале 1921 г. Следовательно, его действия были не вынужденными, а умышленными: сначала они эксплуатировали агрессивные настроения рабочих, а затем чувство самосохранения буржуазии.

Тактика оказалась удачной и привела к нужным результатам. Захват фабрик и связанные с ним разочарования ослабили социалистическую, а тем более экстремистскую партию, предприниматели же сомкнули свои ряды, и буржуазия набралась смелости защищать свое дело, не дожидаясь от правительства манны небесной, для чего ей пришлось отказаться от блаженной праздности и позиции

стороннего критика. Поговорку: «Помоги себе сам, и Бог тебе поможет» — можно переиначить таким образом: «Помоги себе сам, и тебе поможет правительство».

В других подобных ситуациях имело место сочетание продуманных мер с вынужденными, но о них нужно судить не по отдельности и не применительно к абстрактным принципам, даже самым лучшим, а по поведению общества.

Все злоупотребления, от которых пострадала буржуазия, породили ответную реакцию в виде фашизма, дающего оружие правительству, оставленному и даже отвергнутому теми, кого оно защищает, перед лицом тех, кто готовит переворот. Авторитет государства может укрепиться, если оно вернется к своей роли посредника между борющимися сторонами.

Если обратить внимание на то, как осуществляются многие фашистские вылазки, легко заметить, что правительство при желании может без труда им помешать. Следовательно, оно терпит их намеренно, а не по необходимости.

Социалисты обвиняют Джолитти в сочувствии фашизму, но это совсем не так. Он не сторонник, но и не противник фашизма. Безусловно, не он создавал его, и он не собирается с ним покончить; он пользуется фашизмом, так же как и любой действующей в стране силой, как пользовался популярными, экстремистским крылом социалистов против умеренного, последним против первого; еще лучше это удавалось бы ему, если бы они вошли в правительство, как было им предложено.

Что принесет фашизм, трудно сказать. Сегодня ему еще недостает определенного и притягательного идеала, мифа и положительной программы общественно-политического устройства. Возможно, он еще обзаведется всем этим и тогда станет крупной политической партией; но может быть, до этого и не дойдет, тогда его роль ограничится противодействием самоуправству крайнего социализма, он будет недолговечным, а его сегодняшнее использование правительством принесет очевидные плоды без оглядки на его будущее, которое может сулить как выгоды, так и опасения.

Пока что, если не говорить о внешней политике и возможных катастрофах, вызванных резкой сменой цикла, главную угрозу представляют возможные последствия экономических мер, которые правительства собираются (а вернее, вынуждены) предпринять для умиротворения своих противников и поощрения союзников. Источник, из которого они должны для этого по необходимости черпать, — это капиталы (преимущественно, сбережения) и производство, так

что правительства продержатся столько времени, на сколько хватит этих сумм. Варварские нашествия лишь ускорили падение Римской империи, но оно было подготовлено ее экономическим состоянием; при любых серьезных потрясениях они играют решающую роль. Итак, нам следует понять, насколько близок тот момент, когда источник иссякнет.

Обычно подобные соображения мало волнуют политиков типа Ллойд Джорджа и Джолитти, великих мастеров политической тактики, так как они относят их к области отвлеченной стратегии, а то и совершенно бесполезной идеологии. Этому способствует то, что характер тактика противоположен характеру стратега, они отличаются друг от друга, как профессия биржевого спекулянта от профессии ученого. Кроме того, удаленность перспективы некоторых событий лишает их злободневности, которая единственно волнует практиков. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и невежество политических деятелей, чьи познания в общественных науках довольно скудны.

К тому же им кажется, что искусство, помогающее им эксплуатировать чужие мнения и чувства, столь же успешно позволит им обойти препятствия, вытекающие из природы вещей, поэтому они не замечают пределов, за которыми их воля бессильна.

Равным образом, не будучи верующими, они не осознают силу веры в других и, полагаясь на свое искусство, оказываются безоружными перед опасностями, которые таит в себе вера. Наполеон I имел очень ясные представления о религии как орудии управления, но он не понимал ее нравственной силы и недооценивал пробуждение патриотизма в Испании и Германии, поэтому не мог предвидеть его последствия.

Для того чтобы решить сегодняшние проблемы, Джолитти был вынужден принять ряд экономических мер; вполне вероятно, что он осознавал и отдаленные последствия некоторых из них, но считал, что ими можно пренебречь, а возможно, что он не думал об этом и не считал нужным думать, полагая это пустым делом.

В этом он отчасти может быть прав, ибо искусство, которое сегодня рекомендует эти меры, завтра, не исключено, отвергнет их. Вся история свидетельствует о том, что демагогическая плутократия прекрасно умеет представлять безобидными внешне невыгодные ей меры, к которым она прибегает. Это ее искусство, мастерски применявшееся отцами-сенаторами, привело к процветанию Римскую республику, и оно же немало способствовало процветанию цивилизованных народов в прошлом столетии.

Возьмем, к примеру, контроль. Джолитти счел нужным согласиться с ним из тактических соображений и, судя по тому, что нам известно, был, вероятно, прав. Теперь остается узнать, насколько форма будет соответствовать существу. Если контроль будет применяться всерьез, он нанесет серьезный экономический ущерб и в дальнейшем сулит немалые беды; если же он будет только внешним, поте-ри могут быть невелики. Однако существуют чувства, с которыми также следует считаться. Если рабочие увидят, что их обманывают, они могут решиться на крайние действия. Опыт прошлого показывает, что в подобных случаях до такого доходит нескоро; остается выяснить, насколько будущее повторит прошлое.

Вкратце сегодняшнее положение можно описать следующим образом. Мы достигли такого исторического момента, когда одна часть населения поднялась на захват имущества другой. Чрезмерные налоги, доходы плутократов, сокращение рабочего дня, повышение зарплат и жалований, меры, с помощью которых правительство якобы снижает дороговизну, а на самом деле ее усиливает, захваты, стремление помешать безработице сделать свое дело, т. е. восстановить баланс заработной платы, бесполезные общественные работы, эмиссия бумажных денег, всевозможные пособия, в том числе тем предприятиям, которые угрожают безработицей, анархия коммунальных служб — все это лишь формы проявления отмеченного феномена. Рассуждения, которые имеют целью оправдание этих вещей, суть выражение чувств, разновидность класса дериваций, описанных в «Социологии».

Поскольку одна из партий вошла в силу отчасти благодаря собственным стараниям, отчасти из-за трусости противников и одержала над ними верх, никакой государственный деятель не может управлять без поддержки хотя бы части этой партии, за исключением случаев, когда, как в Риме, мощь легионов преодолевает интриги и народные бунты или когда дело оборачивается так, как сегодня в России. Если он попытается это сделать, то у него ничего не получится, он обречен на поражение, он останется один, покинутый всеми, в первую очередь, возможно, теми, кого он хочет защитить. Относительно последних следует напомнить, что, как часто отмечалось, есть разные виды смелости. Теперь мы видим, что можно обладать смелостью, чтобы силой подавить социалистов, и не обладать моральным духом, чтобы настоять на необходимости — суровой необходимости для большинства довольствоваться меньшим достатком, чем тот, который обещали социалисты и прочие демагоги. Лучше, по всей видимости, воспользоваться этими обещаниями и пред-

ложить лишь другой способ их исполнения, не вникая в реальность этого способа.

Суждение, которое можно было бы составить относительно этого комплекса чувств и интересов, людей и вещей, не следует смешивать с суждением по поводу государственных деятелей, вынужденных считаться с этими чувствами и интересами и зачастую, как в случае Джолитти и Ллойд Джорджа, не очень довольных этим. Их искусство измеряется умением извлечь из этих обстоятельств максимум преимуществ и обойтись минимальными потерями. С этой точки зрения Джолитти действует еще успешнее, чем Ллойд Джордж, потому что его задача труднее, ведь Италия беднее Англии, здесь сложнее раздобыть крупные суммы, необходимые для управления. Джолитти должен был достичь многого с малыми средствами, и ему это удалось.

Все сказанное касается настоящего и ближайшего будущего; дальнейшее будет зависеть от того, продолжится ли цикл, внутри которого мы сейчас находимся⁵.

⁵ Эта статья была написана в первых числах апреля; перечитывая верстку в июле, я не счел нужным что-либо сократить, добавить или изменить, не считая форм некоторых глаголов, которые из настоящего или будущего времени следует перенести в прошедшее; но читателю будет нетрудно сделать это.

РАСПАД ГОСУДАРСТВА¹

В 1915 г., подводя итог бесчисленному множеству повседневных фактов истории, я писал в «Социологии»: «Когда правящий класс не хочет, не может, не в состоянии применить силу для подавления преступлений частных лиц, его заменяет стихийная самодеятельность управляемых. Из истории хорошо известно, что феномен вендетты возникает или исчезает в зависимости от того, исполняет ли публичная власть свои функции по наказанию преступлений...

Можно заметить также, что там, где публичная власть ослаблена, в рамках большого государства образуются маленькие, в рамках крупного сообщества формируются мелкие. Равным образом там, где недостает публичного правосудия, его заменяет частное, пристрастное правосудие, и наоборот».

Происшедшие с тех пор и совершающиеся ныне события полностью подтверждают общую теорию, частный случай которой я имел возможность рассмотреть в недавно опубликованной «Трансформации демократии», где описываются факты прошлого, предвосхищающие настоящее².

Я напоминаю об этом не для того, чтобы похвастаться, ибо здесь заслуга не столько автора, сколько использованного им метода — экспериментального метода, который черпает свои выводы из опыта, не опираясь на метафизические или эмоциональные рассуждения, и поэтому, видимо, они подтверждаются в будущем.

Я привожу здесь одно из таких подтверждений с единственной целью — продемонстрировать вероятность того, что новые прогнозы сбудутся так же, как и предыдущие.

Процесс разрушения государственной власти, наблюдаемый сегодня в Италии, не остановится до тех пор, пока не переменятся чувства и интересы, которыми в основном определяется социальная эволюция. Произносимые по этому поводу проповеди, даже самые

¹ Il Resto del Carlino. 1921. 4 ottobre.

² Опубликовано в этом томе. — Прим. итал. ред.

красноречивые, здесь не помогут, как и усилия правителей, благим намерениям которых не соответствует степень их могущества.

Джолитти предупредил, что во избежание больших бед необходимо восстановить авторитет государства, но многие из тех, кто с ним согласился, затем оставили его, в том числе по причине несогласия с его экономической политикой.

Придя к власти, Джолитти активно принялся за дело, лавируя среди множества опасностей. Так как он не пользовался поддержкой Палаты депутатов, он решил опереться на население страны и назначил новые выборы, но новая Палата оказалась не лучше прежней. В конце концов, лишившись какой бы то ни было популярности, он ушел в отставку, уступив свою неблагодарную должность другим.

Хотелось бы надеяться, что к этим *другим* судьба будет более благосклонна, но пока что эти надежды малоутешительны.

Попытки разоружения в некоторых частях страны окончились ничем; введение более суровых, репрессивных мер не помогло, соответствующие законы не исполняются, как и множество им подобных на закате Римской империи. В целом множество законов является симптомом болезни, а не лекарством от нее. Правительственные чиновники, которым выгодно не выполнять собственные обязанности, не соблюдать законы, а входить в расположение к тем, кому водоворот политических событий и упадок авторитета государства дают некоторую власть, в атмосфере постоянных парламентских интриг и хитроумных комбинаций, направленных на получение или сохранение большинства в правительстве, в конце концов отказываются от преследования интересов государства и соблюдения законов, как бы повисающих в воздухе.

Странная вещь, напоминающая о Средних веках, — соглашение между фашистами и социалистами, заключенное с одобрения правительства, которое вынуждено выпрашивать у граждан то, чего оно должно требовать. Это соглашение представляется многим предзнаменованием лучшего будущего, но оно является лишь одним из признаков падения авторитета государства.

Чтобы не вдаваться в подробности, умолчу о новом обычае действовать во внешней политике под давлением большинства.

Авторитет государства умаляется не только насилием. Мы уже не знаем, какие законы в силе, какие нормы действуют. Существует ли еще в Италии частная собственность? Если существует, то как она уживается с захватом не только необрабатываемых зе-

мель, но и цветущих полей, с отнятием фабрик, со многими другими вещами, например знаменитым третейским решением Бьянки³? Если нет, то что является ее законной заменой? Ленин пытается поставить на место частной собственности коммунизм. Что собирается поставить на ее место итальянское государство?

Мы движемся к самому примитивному хаосу без малейших проблем возрождения, к таким порядкам, при которых самодуры будут навязывать свою волю, сильные будут господствовать, любой мелкий коллектив будет диктовать свои законы, свой кодекс поведения, свое правосудие и настаивать на полноте своей власти вплоть до *jus gladii* (*права меча*, т. е. права казнить. В тексте, видимо, опечатка — *jus glaudii*)⁴.

³ «Третейское решение в Сорезине» (*lodo di Soresina* или *lodo Bianchi*) — принятое 10 августа 1921 г. форма сотрудничества между крестьянами и землевладельцами, предусматривавшая вместо выплаты зарплаты соучастие в прибылях и убытках предприятий. — *Прим. перев.*

⁴ Парето был убежден в том, что Италия находится в критической точке социальной эволюции. «Следует понять, продолжится цикл демагогической плутократии или произойдет радикальная перемена. Вопрос очень сложный». Фашистское движение представлялось ему неорганичным, лишенным идеала, мифа, программы. «...В конце концов фашистская интермедия может сыграть на руку социализму, освободив его от коммунистов, и дополнительно усилить власть паразитов буржуазного общества». — *Прим. итал. ред.*

СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС¹

I

Нелегко сказать, что именно означает выражение «социальный вопрос». Оно относится к многочисленной категории терминов, которые каждый понимает или считает понятными, но никто не может дать им точное определение. Впрочем, если вдуматься, мы увидим, что это невозможно, так как речь идет о смутной и зыбкой идее, подсказанной чувством и ускользающей от научного суждения. Тем не менее именно к нему я хочу здесь прибегнуть. Я должен предупредить об этом читателя, чтобы он не тратил время на поиск того, чего не сможет найти в этой статье. Я отношусь с большим уважением к чувствам, которые испытывают многие при словах *социальный вопрос*, однако в данном случае мне необходимо обратиться к внешнему анализу постольку, поскольку речь идет об обычных фактах, доступных нам в опыте.

Мой метод детальным образом описан в книге «Социология», поэтому я не стану на нем останавливаться.

При самом поверхностном знании истории можно заметить, что в любую эпоху наблюдаются те же чувства и интересы, которые сегодня подразумеваются, когда мы говорим о социальном вопросе. Они встречаются даже в легенде, и это показывает нам настроение людей, среди которых она родилась.

Вот случайный пример, избранный из многих.

Во второй песни «Илиады» Терсит раздражается проклятиями в адрес Агамемнона, причем в таких выражениях, которые, за исключением технических деталей, всегда употребляются пролетариями. Терсит упрекает царя в том, что тот присвоил подавляющую часть богатств, накопленных общим трудом; в том, что он явился причиной всех бед ахейцев, и в заключение призывает последних к отказу от сотрудничества, как сказали бы мы сегодня — к забастовке: «Вернемся хотя бы домой, — говорит он, — на наших кораблях, и оставим его у Трои с его приобретениями, чтобы он понял, нужны мы ему или нет».

¹ La question sociale // Scientia. 1922. 1 gennaio. P. 37-46.

В то время и позднее, в Древней Греции и в Риме, война и грабеж как средства накопления богатств были тем же, чем является для современных народов промышленное производство, а дележ между вождями и их соратниками соответствовал распределению доходов между господствующим классом и трудящимся населением. Тогда, как и сегодня да и всегда, каждая из сторон стремилась увеличить свою долю за счет других, возмущалась их противодействием этому стремлению и предавалась изощренным этическим, метафизическим и теологическим спекуляциям по этому поводу. *Nominor quoniam leo*, — говорит одна сторона; *Sic totam praedam sola improbitas abstulit*², — возражает другая. «Прибавочная стоимость» — это современный термин, но его смысл древний, как мир.

Возможно, в те времена, когда сочинялись стихи «Илиады», существовали теории, подобные нынешним, целью которых было установить, кто должен руководить совместным предприятием. В словах, формулирующих знаменитый принцип Античности: «Одновременную власть многих нельзя считать правильной», — слышится голос наших капиталистов, протестующих против контроля, который политики хотят ввести в промышленности.

История Древней Греции и Рима открывает перед нами целый ряд социальных вопросов, иногда улаживаемых с помощью законов, иногда в ходе революций, но всегда заканчивающихся переделом имущества в пользу одной из враждующих сторон или некоего третьего проходимца.

Солон попытался разрешить подобный вопрос в Афинах; Агид IV³ и Клеомен⁴ проводили аналогичные эксперименты в Спарте, хотя и неудачно.

² Потому что мое имя — лев... Так вся добыча была несправедливо присвоена (*лат.*). Федр. Басни. I, 5. Русский вариант: Крылов И. А. Лев на ловле. — *Прим. перев.*

³ Агид IV, сын Эвдамида, стал царем Спарты в 250 г. до н. э. Он разработал программу распределения земель, отмены ипотеки и долгов, чтобы улучшить положение плебса и добиться укрепления демократии. Его противники воспользовались отсутствием царя в Спарте, когда он был на войне ахейцев против этолийцев, и отказались от этой программы, а затем арестовали и убили его. — *Прим. итал. ред.*

⁴ Клеомен III стал спартанским царем в 236 г. до н. э. Одержав несколько побед над Ахейской лигой, он провел ряд реформ, направленных на ослабление власти эфоров. Он предоставил права гражданства периекам, раздробил крупные земельные владения и всячески содействовал благосостоянию низших социальных групп. Потерпев поражение от царя Македонии Антиоха Досо-

Аграрные законы играли в римской истории важнейшую роль. Поначалу, как и на протяжении длительного времени в дальнейшем, они представляли собой попытки урегулировать распределение завоеванного, т. е. *ager publicus* (общественных земель)⁵, между ассоциациями и только впоследствии стали санкционировать захваты *ager privatus* (частных земель). В этом смысле они возродились в наше время в виде декретов итальянского правительства, обеспечивающих законное основание для произвольных захватов частной собственности.

Закон Антония предписывал раздачу ветеранам Цезаря общественных и даже частных земель. После битвы при Анции⁶ в Италии на землях прежних владельцев были основаны восемнадцать военных колоний; таким образом, были выполнены обещания триумвиров, данные солдатам, чтобы вдохновить их на битву.

В наше время также давались подобные обещания, однако они были отчасти забыты под предлогом улучшения культуры обработки почвы, которая, к сожалению, всегда относилась к области предположений.

После падения Римской империи социальные вопросы как будто испарились, но вскоре появились снова. В Средние века и немного позднее они выступали в религиозной форме, что характерно почти для всех человеческих проявлений того времени. В дальнейшем они принимают псевдонаучные формы и в таком виде предстают перед нами сегодня.

Примечательно, что в Греции и в Риме социальные вопросы, как правило, не получали решения, по крайней мере в том смысле, какой мы обычно придаем этому понятию. Они устранялись под действием внешних причин, каковыми к Греции было римское завоевание, а в Риме — основание империи. Во времена Цицерона аграрный

на в одной из битв против Ахейской лиги, Клеомен был вынужден укрыться в Египте у Птолемеев и попытался поднять [здесь] восстание, но его план провалился. Он покончил с собой в 220 г. до н. э. — *Прим. итал. ред.*

⁵ Это территории, конфискуемые у побежденных народов в пользу Римского государства. Они могли быть пожалованными, т. е. *divisus et adsignatus*, частным лицам и становились их собственностью. — *Прим. итал. ред.*

⁶ Скорее всего имеется в виду битва при Анции в Греции (который иногда называют Анцием) в 31 г. до н. э., когда флот Октавиана одержал верх над силами Антония и Клеопатры, но возможен и другой вариант, — по рассказу Тита Ливия в 285 г. до н. э., после захвата римлянами порта вольсков Анциума, ими были назначены триумвиры для основания колонии. — *Прим. перев.*

вопрос еще является главным предметом беспокойства для государственных деятелей и приводит к волнениям. Через несколько лет, при Августе и Тиберии, он сходит со сцены и мы с трудом находим упоминания о нем в императорских эдиктах.

Сформулируем теперь соображение общего характера. История показывает, что социальные вопросы почти никогда не получают внутреннего разрешения с помощью способов, логически выведенных из анализа проблемы, а снимаются и преобразуются извне благодаря внешним силам и обстоятельствам.

Это соображение нуждается, однако, в дополнении. При ближайшем рассмотрении заметно, что под словом *решение* социальных вопросов понимаются разные вещи, которые можно классифицировать по крайней мере двояким образом. Существуют практические меры, изменяющие установившееся равновесие или восстанавливающие нарушенное равновесие, вызывающие резкий всплеск социальной эволюции, санкционирующие изменения, введенные обычаем в использование общих правил, мало или вовсе не влияющих априорно на сами правила, т. е. на принципиальные вопросы. Есть и другие меры — по правде говоря, больше теоретические, нежели практические, которые предлагаются для *априорно* продуманного и радикального обновления этих правил и этих принципов. В древности к первому роду принадлежали отмена долгов, перераспределение земель; во все времена — покушения на частную собственность, сам принцип которой, тем не менее, никогда не был отрицаем.

Проекты Гипподама Милетского⁷, Фалея Халкедонского⁸, Платона и их конкурентов в наши дни, ставящие перед собой задачу упразднения частной собственности, принадлежат ко второму роду. Именно к нему относится сформулированное нами соображение. Что касается первого рода, то эти меры широко применялись и применяются; более того, можно сказать, что частная собственность существует благодаря постоянным покушениям на нее⁹.

Чувства и интересы преобразуются в теории, часто метафизические и псевдонаучные, иногда богословские, иногда внедряющиеся

⁷ Гипподам Милетский — архитектор, известный прежде всего благодаря своим урбанистическим теориям, но его происхождение и дата смерти неизвестны. — *Прим. итал. ред.*

⁸ Фалей Халкедонский — греческий утопист-досократик, который считал лучшим политическим устройством то, где все наделены равной частью богатств. — *Прим. итал. ред.*

⁹ Подробнее см. в «Трактате по общей социологии», § 231б. П.

в область фантазии, утопии, приспособливающие к общему классу термин, созданный для частного случая. Чувства и интересы составляют неизменную (лучше сказать; почти неизменную) часть этих феноменов, теории же — их преимущественно меняющуюся часть. Они возникают и воспроизводятся до тех пор, пока эти чувства и интересы сохраняются. Если одна из теорий отмирает, другая тотчас занимает ее место.

Не составит труда отыскать в Античности теории, аналогичные теориям современного социализма. Название они получили недавно, но их суть восходит к древности.

Из Греции до нас дошел целый ряд таких теорий. Существовали, возможно, и другие, до нас не дошедшие. По преимуществу практический дух римлян, по-видимому, не был привержен к этому литературному жанру. Наше время, напротив, весьма благосклонно к нему.

Начиная от Платона и до наших дней, выдающиеся мыслители пытались решить социальный вопрос, но не добились успеха. Если им не удалось даже немного продвинуться в этом направлении, следует допустить наряду с прочими предположениями, что они ищут то, чего нет. Если человеческое общество является совокупностью разнородных частей, для которых естественно противостоять друг другу ради добычи всевозможных благ, очевидно, что придется полностью изменить природу людей, чтобы искоренить это соперничество, и что поиск средств для достижения названной цели напоминает поиск эликсира долголетия.

II

Возможны и другие изыскания. Прежде всего такие, которые можно назвать, используя термины механики, виртуальными перемещениями и которые состоят в попытке установить, к каким последствиям приведут определенные изменения в общественном устройстве. Этого сложно добиться при современном состоянии науки, но сама по себе затея не заключает в себе ничего невозможного.

Возможны также исследования, которые имеют целью изучить предшествующую эволюцию и вероятное направление будущей, т. е. реальное движение.

Все эти изыскания, особенно первого типа, могут проходить по разряду социального вопроса. Но обычно они принимают форму утверждений, причем догматического толка, а не задач, нуждающихся в решении.

Можно выделить в них две цели, в зависимости от того, рассматривается преимущественно организация производства богатств или их распределение. Реформаторы редко прибегают к подобной классификации, потому что в своей самоуверенности не допускают, чтобы их проекты оказывались верными только отчасти.

Среди исследований, посвященных организации производства, есть разновидность, занимающая в сегодняшних дискуссиях важное место. Это изучение того, какими могут быть последствия разных способов управления производством, — очень важная задача в рамках той мешанины, которую в просторечии именуют социальным вопросом. Часто ее формулируют так: «Кто должен руководить производством — капитал или труд?»

Но эта формулировка некорректна. Не станем говорить о понятии «должен», которое по смыслу выводит нас за рамки опыта и направляет в сферу этики, оставляя в стороне более существенные предметы. Понятие «капитал» двусмысленно. Оно может означать две разные вещи: блага, служащие для производства на протяжении длительного срока, т. е. средства производства, а также (особенно в социалистической фразеологии) блага, находящиеся в частной собственности. В этом случае речь идет о капитализме, противопоставляемом состоянию, при котором капиталы находятся в собственности общества, государства, трудящихся, отдельных профсоюзов и т. д.

В нашем изложении речь идет лишь о двух вещах, хотя есть и третья — предприятие, совмещающее в себе обе формы; его значение трудно переоценить. Попытки покончить с ним до сих пор не имели успеха. Тот факт, что в нынешней организации предприниматель почти всегда является капиталистом, нисколько не придает прочности его положению.

Прежде всего нужно иметь в виду, что многие стали капиталистами именно благодаря предпринимательству: начав с нуля, они сколотили состояния. Далее, если вникнуть в это явление, можно заметить, что большинством акционерных обществ капитал (находящийся в собственности) управляет только внешне, а на деле ими руководят несколько предпринимателей, которым акционеры полностью доверяют — доверяют настолько, что самих акционеров бывает сложно созвать на ежегодные собрания, которые положено проводить каждому предприятию. Более того, некоторые фирмы прибегают к такой уловке: они выдают акционерам, посещающим ежегодные собрания, специальные жетоны.

Проблему, которую мы поставили, корректнее было бы сформулировать следующим образом: насколько производство зависит

от способов, которыми выбираются предприниматели, т. е. от того, как частные лица и власти избирают доверенных лиц.

В последнее время перед нами стоит также вопрос о том, как осуществляется управление предприятием. Следует ли устанавливать над ним рабочий контроль? Нужно здесь нечто, подобное диктатуре, или парламентскому режиму?

Примечательно, что второй вариант предлагается в то самое время, когда вследствие технического развития все чаще раздаются голоса о беспомощности парламентской системы; это происходит после военных лет, на протяжении которых нам пришлось с целью повышения отдачи наделить правительства такими диктаторскими полномочиями, что они вмешиваются в самые незначительные вопросы общественной жизни. Впрочем, в этом нет ничего удивительного.

Это один из тех нередких случаев, когда реальный смысл замаскирован выдумками, подогревающими определенные чувства и интересы. Среди сторонников контроля есть небольшое число рабочих, привлеченных новой организацией, но основная часть их трезво смотрит на вещи и понимает, что это лишь способ достигнуть цели, которая заключается в том, чтобы завладеть фабриками, заводами, сельскохозяйственными угодьями. Капиталисты, вставшие на сторону контроля, видят в нем средство из ряда тех, что в изобилии использовались во все времена демагогической плутократией, чтобы уступить вершки и оставить себе корешки. Этот прием, отработанный в Древнем Риме, с успехом использовался на протяжении всего XIX в. Следовательно, можно надеяться, что он и дальше будет приносить плоды.

Политиканы относят контроль к тактическим вопросам: они предлагают и отстаивают меры, которые вызовут наименьшее сопротивление и получат наибольшую поддержку. Все это прикрывается сладкими речами и громкими фразами. Говорят о веяниях времени, о долге имущих классов прислушаться к ним, о подъеме рабочего движения, о неизбежном пришествии демократии, социализма, о диктатуре пролетариата. Есть даже те, кто полагают, что контроль приведет к росту производства, усовершенствует его; в общем, принесет потребителю одни блага. На самом деле они не могут назвать ни одного факта в подтверждение своего тезиса, который, впрочем, следует принимать на веру. Это неважно. Они не сомневаются, что выступают от имени опытной науки.

Однако эти и подобные им рассуждения никак не затрагивают проблему управления предприятиями по существу. В настоящее время есть капиталистические организации, возглавляемые предприни-

мателями, иногда принадлежащими к числу собственников, иногда акционеров, а в некоторых случаях им удается собирать акционеров и получить их поддержку. В современном обществе основной объем производства сосредоточен у таких организаций. Но некоторая доля приходится и на других.

Кооперативные предприятия принадлежат к смешанному типу; формально ими должны управлять потребители, также вносящие свои вклады в капитал. Здесь есть и предприниматели, но они играют второстепенную роль, поэтому кооперативы не могут сравняться с крупными производителями. Несмотря на всевозможные льготы, получаемые ими от правительств, им не удается добиться контроля над основными объемами производства и торговли, в противном случае было бы очевидно, что экономически они превосходят формы, с которыми конкурируют.

Есть также немало государственных предприятий. Предпринимателей назначают бюрократы, которые руководствуются чаще политическими, чем экономическими соображениями. Общеизвестным фактом сегодня является то, что торговые и промышленные предприятия этого типа не выдерживают рыночной конкуренции. Чтобы они не погибли, нужно избавить их от борьбы за существование, дать им монопольные права. Годы войны недвусмысленно продемонстрировали, что, с одной стороны, они экономически несовершенны, невыгодны и представляют собой источник всякого рода злоупотреблений; с другой стороны, они чрезвычайно полезны и часто незаменимы с политической и социальной точки зрения.

Впрочем, и в других обстоятельствах можно говорить о двух видах пользы. С экономической точки зрения профсоюзные организации еще не проявили себя на опыте. В этом смысле они принадлежат скорее будущему, чем прошлому или настоящему. До сих пор они были способны больше защищать корпоративные интересы и, возможно, влиять на распределение богатств, чем на их производство. Предприятий, находящихся в собственности трудящихся или в их управлении, пока не существуют. Те, которые пытались создавать, наподобие стекольного производства Альби, стали кооперативами или чем-то похожим на них.

Что касается распределения богатств, то от глубокой древности до наших дней насчитывается множество проектов, целью которых было установление всеобщего равенства. Ни один из этих проектов не увенчался успехом, и трудно рассчитывать, что в будущем что-то изменится. Неравенство в той или иной форме является, по-видимому, неискоренимым свойством человеческой природы.

Даже там, где, как в современной России, утвердился, по крайней мере номинально, коммунизм, неравенство доходов и жизненного уровня сохраняется и остается значительным.

Что было заметно всегда и наблюдается сегодня — это разнообразие факторов, вызывающих неравенство. Чисто экономическая составляющая никогда не была определяющей; рано или поздно, иногда через столетия ее подкрепляли другие факторы, в основном вооруженная сила. В недавнее время ее попытались заменить избирательным правом для большинства, поставить комиции на место легионов. Возможно, мы достигли критической точки и ближайшее будущее покажет, можно ли полностью устранить силовой фактор.

Некогда один народ мог военным путем завладеть богатствами другого; теперь он должен рассчитывать только на собственное производство. Есть одно «но», о котором нельзя забывать, хотя во многих проектах так и происходит, — что производство обеспечивает ограниченный объем богатств, поэтому источник, из которого правительства черпают средства для вознаграждения своих сторонников и приобретения новых, решения политических и прочих социальных вопросов, также не бездонный. Если бы дело обстояло иначе, управлять было бы довольно легко и подобные вопросы решались бы без труда.

Что касается налогов, то здесь следует учитывать две вещи — форму и их долю по отношению к сумме изымаемых богатств. Если эта доля невелика, форма приобретает главенствующее значение; но она отходит на второй план и вообще становится несущественной, если богатствам наносится серьезный ущерб; в этом случае главной является взимаемая сумма. Экономический крах Римской империи был вызван не столько тем, что налоги были неправильными, сколько их чрезмерной величиной.

На протяжении всего XIX в. и в предвоенный период рост налогов не превышал роста богатств. Разница в темпах роста обеспечивала успех отдельных мероприятий, но сегодня они могут оказаться бесполезными, потому что этот запас уменьшился и продолжает уменьшаться.

Нужно установить, приближаемся мы или еще далеки от того предела, за которым резкое уменьшение суммы богатств приведет к роковому обнищанию нации. Более того, богатство, используемое в виде капиталов, не может быть уменьшено без ущерба для экономического и социального развития. Говорили, что прогресс — это разновидность капитализации. Точно так же можно сказать, что прогресс замедляется вместе с капитализацией независимо, разумеется,

от характера последней, будь она связана с частной собственностью или нет.

Мы можем уменьшить сумму частного капитала при условии увеличения другого (например, обобщественного) капитала. К сожалению, правительства сегодня нарушают это правило, потому что необходимость заставляет их облагать продукцию непомерными налогами, подрывать частный капитал, не заменяя его обобщественным капиталом. Вот тот социальный вопрос, который должен был бы стать сегодня самым главным.

Выскажем еще одно общее соображение. Теоретическое решение социально-экономических проблем мало что значит по сравнению с наличием средств, позволяющих его использовать. Те, кто верит, что миром правит разум, видят такое средство в доводах логики и распространении истины. Те, кто знает, сколь значительную роль в природе социальных явлений играют чувства и интересы, понимают, что поиск такого средства не менее, а скорее более важен, чем имеющееся или предполагаемое теоретическое решение задачи. Опыт заставляет усомниться в полезности индивидуальных усилий, даже если речь идет о гениях. Таким способом мы придем в конце к пониманию не того, что можно сделать, а что по всей вероятности будет сделано.

За недостатком места мы не будем останавливаться на последнем вопросе. Но мы должны были по крайней мере указать на него, чтобы ясно обрисовать важность всестороннего обобщения предмета, которым мы занимались в этой статье.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ¹

По мнению многих, высшее достижение науки — это не только описывать явления прошлого, но и предсказывать будущие. По этому пути, в отличие от общественных дисциплин, идут естественные науки.

Прогрессу общественных наук мешают многообразные препятствия. Умолчу о сложности предмета, поскольку она хорошо известна; не буду говорить и о влиянии теологии, метафизики, чувств, поскольку я подробно рассматривал его в другом месте; я хочу лишь исследовать степень вероятности, которую опытная наука может обеспечить отдельным видам прогнозов. Тем не менее, чтобы сделать свои рассуждения понятными, мне придется коротко напомнить о некоторых вещах.

Экспериментальная наука по своей сути относительна, в качестве таковой она рассматривает логику, полагая, что в силлогизме, т. е. в выводе, содержится лишь то, что имеется в предпосылках, без всяких добавлений, т. е. меняется только форма, а не существо. В каком-то смысле опытная наука вносит в социальные дисциплины релятивизм, который уже давно распространился в физико-математических науках и с каждым днем все более их захватывает.

Формулировки, которые в общественных науках получают название *законов*, представляют собой попросту констатацию единообразия, замечаемого в фактах, а добавление эпитета *общие* указывает лишь на то, что они обобщают огромное множество фактов.

Рассуждения (деривации)², встречающиеся в социальных науках, напротив, в большей или меньшей степени являются безусловными; но если бы мы захотели по этой причине исключить их из сферы науки, нам пришлось бы отказаться от векового опыта, отраженного в них; мы должны были бы рассматривать только известные нам голые факты и не могли бы воспользоваться многочисленными их описаниями, в которых к опыту примешиваются выходящие за его рам-

¹ Rivista d'Italia. 1922. 15 aprile. P. 370–389.

² Значение этого термина объясняется в «Социологии».

ки соображения. Поэтому следует избрать другой путь и постараться отделить опытные данные от прибавленных к ним примесей. Очевидно далее, что тем, кто верит в абсолют, эти примеси придают уверенность, а с точки зрения тех, кто довольствуется опытом, степень вероятности определяется долей, остающейся после их устранения.

Абсолют часто выступает в форме предписания. Впрочем, это может быть (хотя в социальных науках нечасто) эквивалентом прогноза. Например, это равнозначно высказыванию, что в евклидовой геометрии угол треугольника *должен* быть равен 180° , минус сумма двух других, или что он *будет* таким.

В иных случаях завеса предписания может быть умело приподнята, как поступают, например, оракулы. В речении Дельфийского оракула афинянам было сказано, что «Зевс позволяет Афине, чтобы деревянная стена была неприступной только для спасения тебя и твоих детей». Если убрать Зевса и Афину, останется лишь основанный на опыте прогноз, но при этом исчезнет убежденность верующих и сохранится более или менее высокая степень вероятности в зависимости от фактов, известных дельфийским жрецам и обосновывающих их прогноз.

Впрочем, часто бывает, что когда некто сообщает, что нечто должно произойти, неизвестно (в том числе, вероятно, и ему самому) какова в этом должна доля абсолютного, а какова относительного и опытного. Например, читая четырнадцать томов, посвященных либеральной империи Эмилем Оливье³, трудно понять, руководствуется он абсолютными принципами или опытным релятивизмом. Можно привести цитаты в пользу как первого тезиса, так и второго. То же самое может быть сказано о бесчисленном множестве авторов — и древних, и новых. Когда наши современники рассуждают о божественном пролетариате, нельзя понять, имеют они в виду абсолютный принцип, не подчиняющийся никаким правилам вероятности, или излагают экспериментальные теоремы, более или менее доказуемые.

Верующие, в глазах которых абсолют господствует над опытом, безусловно не испытывают сомнений. Не стоит противопоставлять опыт ни богам, которыми изобилует пантеон человечества, ни идеям, которыми так же кишит сознание метафизиков, категорическим императивам, творениям реальности (если допустить, что эти термины имеют смысл), ни другим, столь же возвышенным концепциям. Все это может быть (и бывает) в высшей степени полезно для об-

³ Эмил Оливье (1825–1913) — депутат и министр в правительстве Наполеона III, автор истории Второй империи. — *Прим. перев.*

щества, но не имеет отношения к опыту, который является для нас здесь единственной путеводной звездой, так что мы не хотим иметь дела с тем, что выходит за пределы опыта.

Следует помнить еще об одном феномене общего характера. Общественные и другие явления часто имеют циклическую форму, что отмечалось в более или менее отчетливом виде во все эпохи; в метафизическом и очень несовершенном у Вико, в столь же метафизическом и менее несовершенном у Герберта Спенсера; а опытная наука пока что исследовала этот феномен очень мало.

Чтобы лучше понять предмет, было бы неплохо привести несколько примеров таких явлений; если бы позволяло место, я обратился бы к примерам из статей «Прибыль и обмен», «Формы экономических явлений и прогнозы»⁴; из последней я должен процитировать отдельные отрывки.

«Путем интерполяции можно выделить три типа колебаний, часто совершенно различных, а именно: (а) Долговременные колебания. (б) Среднесрочные колебания. (с) Краткосрочные колебания.

Взаимосвязь явлений выглядит по-разному в зависимости от того, рассматриваются длительные, средние или короткие отрезки времени, эта связь может быть прямо противоположной. Например, спекуляция влияет на денежный курс и на цены вообще в рамках среднесрочных и краткосрочных колебаний в значительной степени независимо от общего хода процесса. Это порождает ошибочные представления о том, что колебания курса в целом зависят от веры в платежеспособность государства, в то время как такое доверие существенно только в рамках кратковременных циклов, иногда, возможно, среднесрочных».

При рассмотрении краткосрочных (точнее, очень кратких) колебаний часто эмпирический подход помогает больше, чем научный. Что касается средних, то здесь они выступают на равных, если эмпиризм сочетается со знанием о многочисленных циклах, совершившихся в прошлом. Исследование длительных и очень долгих колебаний является уделом науки.

Опытный игрок на бирже может угадать, пойдет рентный доход вверх или вниз, но он не способен узнать (да ему это и не нужно), каким этот доход будет через несколько лет, между тем как опытная наука сможет определить (хотя лишь в пределах вероятности), достигнет страна, выплачивающая эту ренту, процветания или наступит ее крах. Искушенный политический деятель часто может предвидеть

⁴ Обе статьи опубликованы в сборнике: *Fatti e teorie*. Vallecchi editore. Firenze.

исход голосования в парламенте, ближайшие последствия принятия закона и гораздо реже его отдаленные последствия, как и последствия этого голосования, но ему чрезвычайно трудно судить о том, как это отзовется через годы.

В этих и подобных случаях эмпирические прогнозы в значительной мере основываются на опыте, хотя люди это редко замечают, потому что здесь главную роль играет интуиция, а не умозаключения, причем выводы интуиции получают очень наивное объяснение или не получают никакого.

Напротив, в долгосрочных предсказаниях интуиция не играет почти никакой роли, поскольку они основываются преимущественно на обобщении повторяющихся явлений.

Число удачных краткосрочных прогнозов бесконечно. Обратимся к нескольким примерам.

Если намечаются перемены в политическом или социальном плане, их часто сопровождают некоторые предзнаменования, которые позволяют эмпирикам делать прогнозы с известной степенью вероятности.

Так, на закате Римской республики многие предвидели, что тогдашнее положение не может длиться долго. Эти ощущения отразил ответ гаруспиков, приводимый Цицероном. В нем говорилось: бессмертные боги «предостерегают, что раздоры и несогласие между оптиматами могут привести к убийствам и нападениям на сенаторов и лучших людей, лишившись поддержки, они погибнут; в результате управление провинциями перейдет к одному лицу, войска потерпят поражение и наступит крах»⁵.

На закате французской монархии можно наблюдать подобные же чувства. Любопытный анекдот приводит Башомон. 20 июля 1763 г. некий священник, проповедуя в церкви Св. Евстахия в Париже, говорил: «В королевстве, где постоянно сталкиваются скипетр и кадило, рано или поздно произойдет революция... Кризис свирепствует, и революция уже близка»⁶.

Во времена Директории многие ожидали наступления больших перемен. Из множества примеров упомянем слова Малле дю Пана⁷: «Те,

⁵ De harusp. responsis. 3. XIX. 40.

⁶ Mémoires secrets. 1-er août 1763. Автор добавляет: «Священник, произносивший эту речь, был приговорен судом Шатле к аресту».

⁷ Как известно, Жак Малле дю Пан (1749–1800), выходец из Селиньи, был редактором газеты «Меркюр де Франс», на страницах которой он защищал интересы либерально-монархического лагеря. — *Прим. итал. ред.*

кто полагает, что *бессмертная* республика со временем погибнет, несомненно, правы; но если они думают, что ее более или менее близкое падение послужит своевременным предостережением для остальной Европы, если они рассчитывают, что при этом белое превратится в черное, то они ошибаются, потому что на месте сегодняшней республики может образоваться ее монархический или диктаторский суррогат»⁸. Таковыми в действительности были Консульство и Империя.

Там же, во Франции, делались прогнозы будущих катастроф, когда события обратились против Второй империи. Эмиль Оливье говорит, что в 1867 г. «мрачные пророчества воспринимались сочувственно»⁹. Он цитирует донесение префекта полиции Пьетри^{10 11}: «К каким бы источникам ни обращаться, кого бы ни спрашивать, какие бы сведения ни собирать, сегодняшнее положение внушает мало оптимизма; с какой стороны ни взглянешь, ощутимо явное беспокойство, недоверие, внушающее резкую враждебность».

Сегодня такая атмосфера царит во всей Европе; очень многие разочаровались в настоящем и смотрят в будущее¹² с ожиданием катастроф. Правы ли они? Эмпиризм не в состоянии дать удовлетворительный ответ на этот вопрос.

У Полибия по поводу эмпиризма есть удачное замечание, с которым не сравнятся суждения современной науки. Он пишет (VI, 3,1): «По отношению ко всем эллинским государствам, которые неоднократно то возвышаются, то приходят в полный упадок, легко бывает и излагать предшествующую историю, и предсказывать будущее. Ибо легко передать, что знаешь, и нетрудно предсказать будущее на основании прошлого»¹³.

Именно таков эмпирический метод, который строит прогнозы будущих событий на прошлых циклах; по сей день это главный способ нашего прогнозирования экономических кризисов.

⁸ Correspondance inédite de Mallet du Pan. Т. II. P. 86–87. 1976. 20 mai.

⁹ L'Empire liberal. Т. IX. P. 600.

¹⁰ Пьер-Мари Пьетри (1809–1864) – префект полиции с 1852 г. Он подал в отставку после покушения Орсини [на Наполеона III]. – *Прим итал. ред.* [В данном случае речь идет, видимо, о префекте полиции Жоакиме Пьетри (1818–1873), так как Пьер-Мари ушел в 1858 г. – *Прим. перев.*]

¹¹ Loc. cit. P. 601–602.

¹² Настроение многих наших современников стоит сравнить со словами Цицерона в письме к Аттику (I, 18): «Но в настоящее время не удастся найти ни государственного мужа, ни даже его тени» (пер. В. О. Горенштейна).

¹³ Пер. Ф. Г. Мищенко.

Но Полибий идет дальше и тут же приводит случай, в котором этот способ не срабатывает. «Что касается Римского государства, то при многосложности устройства весьма нелегко изобразить теперешнее его состояние, а равно при [нашем. — *Прим. Парето*] незнании особенностей прежнего порядка общественной и частной жизни римлян трудно предсказать будущее».

Затем он справляется с этой трудностью, выводя опыт за пределы простого эмпиризма и обращаясь к общим закономерностям; опираясь на них, предсказывает подготовленный демагогическим режимом конец Римской республики (LVII). Сам прием правилен, но применен он не очень удачно. Многие закономерности, предполагаемые Полибием, неточны и отчасти вымышлены, но иначе и не могло быть при тогдашнем несовершенном состоянии социальных наук; впрочем, они, к сожалению, с тех пор ушли не очень далеко.

Это распространенный случай. Политические деятели, часто сами того не сознавая, бывают движимы мотивами, которые не могут точно выразить.

Аристотель также использовал эмпиризм и общие законы, но последние не очень соответствовали опыту, часто были воображаемыми, т. е. мало что прибавляли к его эмпирическим выводам.

Как правило, эмпиризм имеет под собой твердое фактическое основание, но его слабое место — это выводы, поскольку в своих выводах он молчаливо допускает, что будущее должно быть похожим на прошлое, что справедливо лишь отчасти, а иногда неверно и сводится во многих случаях к простому указанию на возможность. Общие законы (единообразия) часто недостаточно подкрепляются фактами, поскольку необходимое количество фактов трудно собрать или к ним примешиваются метафизические, богословские (в общем, вымышленные) аргументы, но этот способ делать заключения более основателен, ибо обычно (хотя и не всегда) он строго логичен.

Отсюда вытекает, что в поисках более высокой степени установления вероятности эмпиризм постепенно уступает место методам, основанным на научных законах, по мере того как они создают для себя более прочный фундамент. Так происходило и происходит во всех естественных науках, но не в социальных, поскольку представители последних думают не о получении экспериментально подтверждаемых выводов, а о том, чтобы навязывать другим свои мнения, потакать их чувствам и идти навстречу их интересам.

Обратимся к нескольким примерам прогнозирования.

Рассмотрение экономического равновесия, основанное на опытной науке и синтезе, создает довольно прочную почву под ногами.

Перед войной существовало определенное равновесие, предполагавшее известную продолжительность рабочего дня и уровень заработной платы (рассчитанный в товарах). После войны была поставлена цель добиться нового равновесия на основе сокращенного рабочего дня и более высокой реальной заработной платы; другими словами, более выгодного для трудящихся. Достижима ли эта цель?

Следует заметить, что здесь речь идет о действительном, а не формальном равновесии. Например, те, кто хочет, чтобы заработная плата определялась на основании стоимости потребительских товаров и эта стоимость оставалась неизменной, желают, собственно, сохранить существующий дисбаланс, который отчасти был вызван разладом на потребительском рынке. Рост цен происходит не только вследствие повышения себестоимости, но и в силу увеличения спроса, к которому приводит рост заработной платы и окладов. При равновесном состоянии цена устанавливается на уровне соответствия спроса и предложения. Нельзя учитывать только первый фактор и забывать о втором.

Если утверждать, что рабочие никогда не согласятся вернуться к экономическому положению, в котором они находились до войны, это значит, что невозможно будет вернуться и к равновесию, соответствовавшему этому положению. Создастся, таким образом, новое положение. Остается выяснить, сохранится оно или нет; этот вопрос важнее всех прочих этических и метафизических соображений.

Война расточила множество богатств, но расточение продолжается и после войны в форме расходов, затрачиваемых на бесполезные для производства цели. Очевидно, что при новом равновесном положении это расточительство должно быть каким-то образом покрыто, это может быть сделано только за счет труда и потребления — как прямого, так и непрямого, т. е. за счет снижения капитализации.

Если бы общество было однородным, тяготы ложились бы на всех, но в расслоенном обществе они ложатся на одну его часть, а другая его часть получает выгоду, при условии что первая часть обеспечит не только возмещение истраченных богатств, но и благосостояние второй. Это возможно и действительно бывало в случае, если от многого отделяется малое; и невозможно, если из малого хотят получить много. Так римские триумвиры платили своим солдатам, так поступали многочисленные монархи, главы правительств, таким способом русский большевизм с успехом содержит свою армию. Но это невозможно, если огромную сумму, необходимую для увеличения потребления большей части населения, хотят получить из сравнительно гораздо меньшей суммы богатств, принадлежащих имущим и зажиточным классам. Поэтому с большой вероятностью можно утверждать,

что усилия наших правительств, подстрекаемых общественно-политическими нуждами, останутся безрезультатными.

До сих пор факты полностью подтверждали этот прогноз¹⁴.

Можно привести еще один пример, весьма вероятный. Вся история человечества показывает, что там, где не срабатывает сила, помогают хитрость и обман. Правительствам приходится лавировать между двумя крайностями. С одной стороны, они не могут удовлетворить все требования населения и выполнить свои обещания, сделанные ради продолжения войны; с другой стороны, им не хватает сил, чтобы заставить население отказаться от этих притязаний и помешать ему возмутиться против того, чтобы «посул был длиннее дел»¹⁵. Остается лишь делать вид, что ты даешь то, чего на самом деле не можешь дать; прибегать к паллиативам, которые снимают внешние симптомы, но не лечат саму болезнь, или произносить пустые речи, скрывающие правду, которую не могут или не желают высказать.

Меры, к которым в таких случаях прибегают, не новы, их можно легко предугадать, опираясь на знание истории. Это, в основном, порча монеты, некогда физическая, а сегодня осуществляемая с помощью бумажных денег; введение фиксированных цен, практиковавшееся со времен Диоклетиана и гораздо раньше, и вплоть до наших дней, всегда или почти всегда неэффективное, всегда желанное для населения и охотно применяемое правительствами во время волнений; законы против роскоши, ведущие к нулевому результату; в Средние века гонения на ростовщиков, в наши дни — на спекулянтов, всякого рода преследования капиталистов.

15 января 1920 г. мы уже отмечали точность прогнозов относительно обесценивания денег, прибегая к которому государства делали вид, что выплачивают долги, хотя платили намного меньше. События, происходившие с тех пор по сей день, полностью подтвердили эти выводы.

Можно хотя бы приблизительно судить о степени обесценения валюты, приравнивая ее стоимость к золоту. Впрочем, не следует забывать, что сегодня золото дешевле, чем довоенное.

В Лондоне существует свободный и реальный рынок золота, рынок, которого нет во многих других странах. Поэтому прибегнем к данным Лондонской биржи. Строго говоря, следовало бы сравнивать средние цифры, получаемые путем интерполяции, как мы поступали ранее в подобных случаях; но чтобы не слишком затягивать дело, мы будем срав-

¹⁴ Не буду повторять здесь то, что я уже писал в статье «Факты и теории».

¹⁵ Выражение из «Божественной Комедии» Данте (Ад. XXVII. 110. Пер. М. Лозинского).

нивать данные за определенные отрезки времени, оговорив, что они приблизительны, поскольку биржевые ставки меняются каждый день.

Чтобы определить паритетную стоимость фунта стерлингов, следует напомнить, что унция золота английской пробы в одиннадцать двенадцатых составляет 77,875 золотых шиллингов; следовательно, унция чистого золота равна 84,9544. 6 октября 1921 г. за такую унцию платили 109,7 [бумажных] шиллингов; следовательно, бумажный фунт стерлингов составляет 0,774 от золотого фунта.

В Соединенных Штатах золото находится в обращении. 6 октября 1921 г. бумажный фунт был равен 3,776 долл.; золотой фунт стерлингов равен 4,866 долл., таким образом, бумажный фунт обесценен до 0,776; эта цифра, которую мы положили в основу своих расчетов, соответствует предыдущей.

Зная уровень обесценения бумажного фунта, мы можем с помощью данных Лондонской биржи рассчитать девальвацию других валют и получить следующую таблицу:

Нью-Йорк	1
Иокогама	0,963
Швейцария	0,915
Стокгольм	0,843
Амстердам	0,805
Буэнос-Айрес	0,789
Англия	0,776
Копенгаген	0,701
Мадрид	0,683
Монтевидео	0,669
Кристиания	0,452
Рио-де-Жанейро	0,406
Франция	0,375
Вальпараисо	0,312
Италия	0,208
Белград	0,090
Гельсингформ	0,077
Прага	0,052
Бухарест	0,044
София	0,035
Берлин	0,034
Будапешт	0,007
Вена	0,003
Варшава	0,001

Эти данные являются самым наглядным доказательством. Напротив, прогнозы, делавшиеся многими относительно улучшения состояния валют и обменов в результате мероприятий правительства по борьбе со спекулянтами, биржевыми игроками, «врагами отечества», лицами, недостаточно верящими в будущее страны, со свободным обращением валюты, ее вывозом, а также благодаря различным ухищрениям, типа учреждения Национального института обменов, запрета на перевод из-за границы платежей в национальной валюте и т. д.; все эти меры оказались совершенно бесполезными, а прогнозы ошибочными. Они не основывались ни на практике, ни на логике, т. е. на общих законах. Что касается практики, то история демонстрирует нам множество примеров таких мер, которые приводили всегда к противоположному результату; что до логики, то все известные законы учат другому.

Впрочем, можно было предвидеть, что вследствие хитрости ряда деятелей, обмана со стороны некоторых из них, невежества многих людей и подверженности сознания масс эмоциям подобные меры будут применяться вновь, как это уже бывало не раз в истории.

Одной из причин войны было соперничество плутократий при творчестве буржуазии, разум которой затмевался алчностью, и при активном или пассивном сочувствии трудящихся, которые рассчитывали на огромные заработки. Чтобы удержать массы в таком благоприятном расположении духа и заманить птичек в клетку, пока идет война и до мира далеко, нужно было убедить всех, что после войны наступят времена неслыханного процветания.

Подобные утверждения противоречат эмпиризму и логическим выводам, они не подтверждаются ни историей, ни известными нам социально-экономическими закономерностями. Поэтому в июле-августе 1918 г. мы писали¹⁶: «(р. 157) В целом, после больших войн и заключения мира наступает период кратковременного экономического благосостояния, высоких цен, а затем промежуточный период (р. 158) длительной экономической депрессии и низких цен. Эти обстоятельства, впрочем, широко известные, естественно, находятся в полном забвении или замалчиваются теми, кто желает внушить почтенной публике, что война приведет после своего окончания к эпохе вечного процветания».

Теперь все это получает всестороннее фактическое подтверждение.

¹⁶ Après quatre années de guerre. Статья, воспроизведенная в сборнике *Fatti e teorie*.

Другой тезис, на который мы можем опереться, предоставляет нам экономика, которая утверждает, что продукты обмениваются на продукты; имеется в виду общий принцип, распространяющийся на довольно длительные периоды времени, а не на периоды краткосрочных или кратчайших колебаний. В данном случае эмпирический метод и логика совместно повышают доступный нам уровень вероятности прогнозов.

Соответственно, можно было и следует теперь предвидеть, что надежда получить от Германии огромную контрибуцию золотом, отказываясь от ее продукции, несбыточна; это задача равнозначна сотворению из ничего. Беспочвенность таких притязаний становится очевидной, поэтому Франция только что заключила соглашение с Германией о закупке ее товаров при определенных условиях.

В целом война обострила неприязнь к чужеземцам, отдельные народы разделились как в материальном, так и в интеллектуальном отношении. Они закрыли свой рынок для иностранной продукции, а теперь замечают, что тем самым помешали экспорту собственных товаров.

Отдельные производители несут убытки и призывают принять меры, которые могут дать временное облегчение, но в конечном счете обернутся во вред. Правительства выделяют премии за экспорт, но это лишь косвенный способ перераспределения богатств от рантье и держателей вкладов к плутократам и обслуживающим их рабочим. Это очередное кровопускание, устроенное сбережениям и капиталу. Чтобы предвидеть будущее, необходимо иметь представление о том, сколько сбережений останется в нашем распоряжении для восстановления и наращивания капиталов.

Единый характер человеческих обществ виден также на примере кривой распределения доходов, которая, как мы показывали, до 1896 г. мало различалась для стран с совершенно разным экономическим положением. Многие факты указывают на то, что подобные законы управляют и проявлениями иных видов человеческой деятельности — физической, интеллектуальной, моральной¹⁷. В этих законах следует различать две вещи, а именно: 1) точность формы кривых; 2) их общий характер, показывающий, что число собственников резко уменьшается пропорционально увеличению объема собственности. Точную форму кривых получить невозможно, потому что на нее влияет множество факторов; чрезвычайно примечательно, что они

¹⁷ Для математиков мы можем сказать, что это инварианты различных функций, выражаемых этими проявлениями.

так мало изменяют вид кривой доходов. Общий характер не вызывает сомнений, в этом можно убедиться без всякой статистики, видя, что в любой отрасли науки, искусства, полезной или преступной деятельности и т. д. занято множество малоспособных людей, немного способных и очень мало выдающихся. Если расположить их по уровню способностей, то мы получим не пирамиду с пологими ребрами, а пик с острой верхушкой.

Во всех странах, включая Россию, ныне облагодетельствованную божественным пролетариатом, правит узкое меньшинство, иногда успешно, иногда кое-как, очень часто плохо и очень плохо. Прекрасно сказал Джустино Фортунато^{18 19}: «Для таких слабых и бедных стран, как наша, характерно положение вещей, при котором подавляющее большинство населения вынуждено не только зарабатывать на жизнь, но и выбиваться из сил, чтобы содержать паразитическое меньшинство, на словах служащее народу, а на деле только формирующее привилегированный господствующий класс». Впрочем, это в той или иной степени справедливо по отношению ко всем странам и всем эпохам.

Следует добавить два замечания. Во-первых, форма пика сохраняет стабильность и при всех возмущениях тяготеет к самовосстановлению. Надо иметь это в виду, чтобы предвидеть, что большевизм в России придет к тому же распределению доходов, которое существовало при царском режиме; доходы уменьшились, но пропорции сохранились.

Во-вторых, внутри упомянутого пика происходит постоянное движение, в котором смешиваются разные слои; в частности, осуществляется круговорот элит.

С течением времени высшие классы интенсивно утрачивают активные элементы, вдохновляющиеся почти религиозным чувством, но эти утраты компенсируются возвышением низших классов.

Малле дю Пан так описывает Париж эпохи Директории: «(р. 127) роялисты, люди вандемьера, собственники, умеренные усвоили самый простой стиль поведения, заключающийся в полном игнорировании настоящего, будущего и даже прошлого. Их не смущает несправедливость, лишь бы она сулила им какие-то выгоды; их не пугает никакая тирания, при условии что они смогут жить по-прежнему,

¹⁸ Писатель и политик с юга Италии (1848–1932), научная и парламентская деятельность которого была сконцентрирована вокруг так называемого южного вопроса. — *Прим. итал. ред.*

¹⁹ Fortunato G. Dopo la Guerra sovvertitrice. Bari, 1921.

болтать и ходить в Оперу²⁰. Как и повсюду в Европе, в Париже некоторое присутствие духа сохранилось только в народе».

Эти соображения, подробно изложенные в «Социологии», воспроизводятся здесь лишь в той малой степени, в которой это необходимо для данной статьи.

Познакомившись с упомянутыми общими законами, мы можем объяснять многочисленные факты истории и с большой долей вероятности предвидеть многие другие.

Следует заметить, что обычно люди предпочитают идти по другому пути. Общие законы, которые применяются, иногда заимствуются из области метафизики или теологии; в этом случае они мало или никак не способствуют успеху прогнозов, причем эта малость связана с тем, что они худо-бедно в какой-то мере отражают реальный опыт. Иногда они хотя бы внешне опираются на опыт и срываются, когда внешность совпадает с опытом; иногда это чисто экспериментальные законы, но и они не обеспечивают высокой степени вероятности. Требуется, чтобы они еще были синтетическими, т. е. отражали синтетичность реальных явлений.

Часто общие законы лишь подразумеваются, этот случай наиболее коварен и опасен, ибо к ним прибегают без раздумий, без тщательного соотнесения их с действительностью.

Мы отмечали предвидение Малле дю Пана, которое сбылось; у него немало и других подобных, но есть много и таких, которые не оправдались. Как правило, первые основываются на опыте, а вторые — на чувствах или моральных оценках. Например, 11 августа 1796 г. он писал²¹: «Бонапарт, эта марионетка с растрепанными волосами, это отродье Мандрена²², которое парламентские краснобаи называют юным героем и победителем Италии, скоро заплатит за свои пло-

²⁰ Он часто возвращается к этой теме. 23 августа 1795 г. он писал: «Лохмотья нищеты, отчаянье голодных, оргии разврата, беззастенчивая роскошь выскочек, их жен, их куртизанок, толпы зрителей на представлениях, толпы у дверей пекарен, толпы везде, где царит ажиотаж и бесчисленные посредники предлагают ассигнации, мебель, съестное и прочие товары, — таков причудливый портрет столицы». Все это не новость в истории; сегодня такую картину можно наблюдать в Вене и других столицах; с большой вероятностью следует ожидать, что она будет повторяться всякий раз, когда будут складываться условия, подобные прежним.

²¹ Correspondance inedite de Mallet du Pan. Т. II.

²² Луи Мандрен (1725–1755) — знаменитый французский разбойник и контрабандист, популярный в народе. — *Прим. перев.*

щадные успехи, за свое беспутство, свои махинации, свои репрессии и свои дерзкие выпады».

Трудно найти пример менее удачного прогноза. Безусловно, он отчасти вытекает из молчаливого предположения о том, что великий полководец и великий политический деятель обязательно должен быть достойным и благонравным человеком. Было бы очень неплохо, если бы так и было, но, к сожалению, история полностью опровергает это предположение. Однако оно сквозит в большей или меньшей степени в суждениях Тэна о Революции и, по правде говоря, у множества историков, философов и социологов; оно также в большинстве случаев лежит в основе глупых обвинений в адрес Макиавелли.

Предположение, делающее ущербными массу рассуждений, заключается в том, что люди руководствуются исключительно разумом; автор строит прогнозы о том, что они должны были бы делать, а не о том, что они будут делать в реальности. Бытует и другое мнение, заключающееся в том, что люди больше заинтересованы в преследовании общего блага, чем своих корыстных интересов. Отсюда возникают многочисленные теории, такие как изложенная в «Государстве» Платона, всевозможные «Утопии», «Общественный договор» Руссо, утилитарная нравственность Бентама, «Нравственность интереса» Новикова²³ и тому подобные фантазии.

Излишне говорить, что прогнозы, основывающиеся преимущественно на таких принципах, не имеют почти никакого веса, но если эти соображения для них вторичны и дополняются экспериментальными данными, тогда они могут располагать большей или меньшей степенью вероятности.

Адам Смит в знаменитом трактате намеревается разъяснить народу — как добиться изобилия экономических благ, и правителю — как получить доходы, обеспечивающие нужды государства. Его учение было принято английскими политиками весьма благосклонно, ибо оно действительно согласовывалось с существующими чувствами и интересами; ученые других стран охотно разделили его благодаря наличию в нем опытных доказательств и доводов, апеллирующих к чувствам. Можно было ожидать, что постепенно, по мере того как это учение будет усвоено и усовершенствовано, оно станет управлять всем миром.

²³ Я. А. Новиков (1850–1912) — русский социолог. Его работа, опубликованная на французском языке в 1912 г. — «Нравственность и интерес в индивидуальных и международных отношениях». (*La Morale et l'Interet dans les Rapports individuels et internationaux*). — *Прим. перев.*

Тем не менее в начале XX в. в самой Англии эти идеи оказались в пренебрежении, и сегодня, в 1921²⁴ г., через 145 лет после публикации трактата Смита в 1776 г., они находятся в полном забвении. Это относится ко всем странам, где со второй половины XIX в. стали проявляться противоположные тенденции. Почему же первоначальные прогнозы оказались столь ошибочными?

Дело не в том, что предложения Смита были опровергнуты на опыте; напротив, с учетом изменений и усовершенствований, которые со временем проводятся во всех опытных науках, они были полностью подтверждены в своих частностях, но чувства и интересы, которые определяли первоначальный успех этого учения, изменились, а прогнозы этого не учитывали.

С чисто логической точки зрения, это частный случай категории ошибок, о которой мы уже говорили в целом, а именно молчаливого предположения, что люди руководствуются разумом и стремятся исключительно к общему благу.

Эта ошибка лучше заметна при чтении Ж.-Б. Сэя. Описав несчастья, которые до тех пор терзали общество, он прогнозирует наступление гораздо более радужного будущего²⁵. «Однако с того момента, как сформируется убеждение, что государство может расти и процветать не за чужой счет и что средства, обеспечивающие его существование и процветание, могут быть получены из всех наличных источников; с того момента, как будут продемонстрированы средства этого получения и доказано, что успехи одного народа не должны вредить успехам другого, а напротив, должны им способствовать, с этого момента нации смогут получить доступ к самым обильным, наименее опасным, надежным средствам существования; и каждый индивид, вместо того чтобы кряхтеть под бременем общественных бедствий, воспользуется своей долей общественного богатства... Вместо того чтобы строить процветание общества на использовании грубой силы, политическая экономия представит ему в качестве фундамента правильно понятый интерес человечества».

Сегодня, по окончании мировой войны, это звучит как пародия.

Пресловутая теория торгового баланса была блестяще опровергнута Адамом Смитом, его доказательства были в дальнейшем подтверждены и дополнены многочисленными исследованиями; тем не менее и сегодня эта теория разделяется экономистами (?),

²⁴ В тексте явная опечатка: 1821. — *Прим. перев.*

²⁵ Cours complet d'Economie politique pratique. Bruxelles, 1844. P. 10. Первое издание вышло в 1803 г.

плохо разбирающимися в закономерностях экономического равновесия, но еще больше сторонников у нее среди тех, кому она выгодна, и среди политиков, которые приобретают поддержку с ее помощью. В ежедневно появляющихся газетах, журналах и книгах можно прочитать глупое утверждение, что валютный курс зависит от торгового баланса. Правительства не всегда в это верят, но делают вид, потому что это им выгодно. Они приобретают поддержку, награждают своих приверженцев, добиваются публичного одобрения, утверждая таможенные пошлины, как говорят, для защиты отечественного производителя. Это благороднейшая цель, на достижение которой направлена, по-видимому, выдача лицензий на импорт и на экспорт, на деле не всегда бесплатная, которую преследуют с учетом выгод для казны, монополии, например, на ввоз кофе в Италии и т. п. в других странах.

Породив и взлелеяв плутократов, правительства заявляют затем, что они хотят отнять у них несправедливо нажитые деньги, но это лишь новый способ добиться выгоды для одних с ущербом для других. История имеет немало подобных примеров, в том числе реституции, объявлявшиеся во Франции после краха системы Ло²⁶, а сегодня предполагаемые конфискации прибылей, нажитых во время войны.

Смит оставался в рамках опыта, когда рассуждал о торговой системе (I. IV. С. III) и говорил, что некоторые из опровергаемых им идей порождены приватными интересами и склонностью к установлению монополий, а другие, наименее разумные, — национальной ненавистью. В то время запреты в сфере международной торговли проистекали из взаимной ненависти Англии и Франции; сегодня их причиной является такая же ненависть между Англией и Германией, породившая, например, только что утвержденный Акт о защите промышленности, абсурдный с точки зрения принципов Смита, но превосходный, с точки зрения тех, кто получает от него выгоду, с точки зрения националистов, с точки зрения пользы для правительства, опирающегося и на тех, и на других. Тот, кто выступает против таких мер, может рассчитывать на успех только в случае применения силы, но не убеждения, памятуя о том, что *auro suadente nihil potest oratio*²⁷.

²⁶ Джон Ло (1671–1729) — шотландский авантюрист и теоретик денежного обращения, создатель Королевского банка и первой финансовой пирамиды во Франции. — *Прим. перев.*

²⁷ «Против доводов золота красноречие бессильно». Изречение поэта Публилия Сира (I в. до н. э.). — *Прим. перев.*

У Смита были прекрасные исходные предпосылки; делая выводы из своих наблюдений по поводу основ торговой системы, он не должен был следовать никому. Заметив, что чувства меняются медленно, а частные интересы действуют постоянно, хотя и по-разному, в зависимости от обстоятельств, он мог бы предвидеть, что отвергнутое им экономическое устройство переживет и его, и другие подобные теории. Однако он сбился с правильного пути, по-видимому, вследствие того, что исходил из таких же побуждений и соображений, как те, что были отмечены нами в связи с цитатой из Ж.-Б. Сэя.

Примерно до конца XIX в. процветание Англии, где царил свободный рынок, обеспечивалось, в частности, благодетельными последствиями такого устройства многие люди полагали, что в конце концов другие народы также последуют их примеру, чтобы противостоять английской конкуренции. Казалось, что этот прогноз основывается на твердом экспериментальном фундаменте, ибо с точки зрения опыта английское процветание было подлинным и мало чем уступало германскому и американскому процветанию; и экономика логически доказывала преимущества свободной торговли. Но он оказался ложным. Почему же?

Причин много, но главная заключается в отсутствии теоретического синтеза: экономика должна быть дополнена социологией.

Полезность свободного обмена была реальной, но она была направлена не столько на расширение экспорта, сколько на удовлетворение требований тред-юнионов, желавших много получать и мало работать при отказе от важных технических усовершенствований. Даже если на время ограничиться только узким полем чисто экономических теорий, полезность свободы международной торговли невозможно будет продемонстрировать без свободы внутренней конкуренции, особенно той, которая устанавливает уровень зарплат, продолжительность рабочего дня и избавляет производственные предприятия от произвола рабочих.

Если перейти теперь к сути проблемы, то бесстрастное изучение фактов показывает, что решение вопроса об уместности свободы рынка или протекционизма лежит не в плоскости экономических теорий, а преимущественно в сфере социологии и политики. Если сейчас все народы прибегают к протекционизму, то это не связано с теоретическими доказательствами, а вытекает лишь из политической и общественной ситуации в их странах, из определяющих ее чувств и интересов.

То же самое можно сказать относительно экономической свободы вообще. В Англии она существовала (по крайней мере отчасти)

в прошлом веке, но теперь она отвергается. В октябре 1921 г. Ллойд Джордж заметил, что для борьбы с текущим кризисом правительство может избрать один из двух путей: предоставить все действию экономических законов или вмешаться и приступить к управлению социально-экономическими процессами. Он предпочел второй путь. Может быть он понимал, а может быть, и не знал, что прибегает к паллиативам, причем к паллиативам, в конечном счете лишь усугубляющим зло. Но его это не беспокоило, поскольку его цель заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону большинство самых активных граждан — демагогической плутократии.

Впрочем, фабрикация теорий, направленных на удовлетворение существующих чувств и интересов, представляет собой лишь разновидность более общего феномена. Право собственности, общественный строй, организация труда и производства, эмиссия, торговля и многое другое вытекают из известного положения вещей; теории не определяют его, а порождаются и определяются им. Римское право было обусловлено наличием собственности квинитов; современные теории обусловлены наличием новых форм собственности, и мы присутствуем при рождении этих теорий в муках. Таким образом, для предвидения социальных явлений необходимо, в основном, рассматривать упомянутое положение вещей и его вероятные изменения, используя теории лишь в качестве средства для их понимания, в той же мере, как можно рассчитывать узнать нечто о родителях по детям.

Впрочем, сами по себе теории дают представление о некоторых границах, подлежащих учету, потому что они являются своего рода плотинами, сдерживающими разливы социальных рек.

Общество нельзя представлять в виде массы отдельных разрозненных молекул, действующих по собственным программам и следующих общим правилам логики; надо понимать, что они тяготеют к определенным центрам и собираются в группы, движимые чувствами и интересами и руководствующиеся логикой, направленной на их удовлетворение. Невозможно охватить все эти группы в одном очерке вследствие их многочисленности, а полностью игнорировать их — означало бы отдаляться от реальности; представление об однородности общества ведет к грубым ошибкам; деление его на две части, т. е. на буржуазию и пролетариат, или капиталистов и трудящихся, уже точнее, но во многих случаях его недостаточно; необходимо по меньшей мере провести грань между теми, кто имеют фиксированный доход, и теми, кто получают нестабильные доходы, оставив в стороне тех, кто располагают смешанными доходами. Но если мы

ходим приблизиться к действительности, нам нельзя останавливаться на этом и придется прибегнуть к дальнейшим классификациям.

Социальное равновесие формируется в результате действия всех групп, чтобы предвидеть его изменения, необходимо предвидеть эти действия.

В наблюдении, что общество есть продукт совокупности капиталов, частных или коллективных, заключается большая доля истины, которая вытекает из того, что существуют некие границы, некие плотины, за которые социальная эволюция не в состоянии выплескиваться. Если при любом строе на протяжении длительного (не краткого) времени прирост капиталов останавливается, возникает препятствие на пути развития общества и оно поворачивает вспять. Так возникали великие вековые колебания в жизни народов, так пали греческие республики, Римская империя, испанская монархия и многие другие государства; так и нынешняя демагогическая плутократия может сегодня столкнуться с подобным препятствием.

Вероятно, это произойдет не скоро, но пока можно предвидеть, каким будет течение великого социального потока. Сложность кроется в многослойности феномена. Недостаток прироста капиталов, который в чрезвычайных случаях сигнализирует о достижении предела, в промежуточных ситуациях есть лишь один из многочисленных факторов, действующих в обществе. Еще один из них, о котором мы можем судить, хотя и в малой степени, — это распад центральной власти. Прогнозы, сделанные нами в мае — июле 1920 г.²⁸, предшествовали длительной битве между фашистами и коммунистами, которая послужила их полным подтверждением. Сегодня новое подтверждение дает Ирландия, где под отеческим взором английского правительства действуют трибуналы Шин-фейн, республиканское ополчение вооружается, а Ольстер готовится к обороне, а может быть, и к нападению.

Остается понять, до какой степени дойдет этот распад и не готовит ли нам будущее какого-нибудь Цезаря, Октавиана, Бонапарта или им подобного.

Что произошло бы, если бы авантюра с Фьюме была менее романтической и более продуманной в военном отношении, если бы был перейден Рубикон? Мы не в состоянии дать определенного ответа на этот вопрос.

Настоящее состояние чувств и интересов итальянской буржуазии заставляет предположить, что попытка [переворота] провали-

²⁸ См. «Трансформацию демократии» в «Rivista di Milano»; отдельное издание Студио Эдиториале Корбаччо.

лась бы. В то же время не следует забывать, что подобное положение в других странах не мешало формированию сильных правительств. В Риме бесчинства банд Клодия не помешали, а напротив, способствовали основанию империи. Во Франции, накануне падения Директории²⁹, «(р. 65) умеренная буржуазия, потерпевшая поражение в Париже 13 вандемьера, в ходе ее вылазки против депутатов Конвента, после фрюктидора, лишившегося возрожденных было надежд, смирилась со своей беспомощностью в стране, где ее законное первенство закреплено в тексте Конституции». Стоит сравнить с этим положение буржуазии в Италии, ее роль по [Альбертинскому] статуту, ее значение до конца XIX в. и ее значение сегодня. Во Франции это устройство было изменено за несколько дней; после 18 брюмера вернулись порядок и процветание.

Не будем забывать об опасностях эмпирического метода: то, что произошло однажды, при известных обстоятельствах, *может*, но не обязательно *должно* произойти снова при других обстоятельствах. Впрочем, знание об этой возможности тоже небесполезно.

Чтобы пойти дальше, необходимо провести насколько возможно полный и глубокий анализ существующих чувств и интересов на основании наших наличных знаний. Здесь не место для такой длительной и сложной работы, мы выскажем лишь некоторые соображения, чтобы продемонстрировать, сколь осторожными в выводах нам следует быть.

Допустим, что народ разделился на два борющихся между собой класса. Если происходят события, важные с точки зрения чувств и интересов этих классов, при этом один из них единодушно одобряет благоприятные для себя и отвергает противоположные, а другой придерживается иного образа действий — демонстрирует безразличие или раскалывается на отдельные группы, действующие в соответствии со своими частными чувствами и интересами, то мы можем заключить, что влияние классовых чувств и интересов сильнее у первых, чем у вторых; этот фактор наряду с другими будет способствовать торжеству первого из этих двух классов.

Мы уже отмечали в других статьях факты, подтверждающие действие этого принципа; с каждым днем их становится все больше. Назовем некоторые из них.

Среди множества признаков деградации буржуазии обращает на себя ее готовность оказать помощь Советской России. Большевистское правительство этой страны уморило с голоду большое количе-

²⁹ Albert Vandale. L'avènement de Bonaparte. T. I.

ство буржуа, а теперь его некомпетентность и преступность приводят к гибели немало пролетариев. Буржуазия других стран нимало не печалилась о смертности среди русских буржуев и ничего не сделала, чтобы покончить с ней, она не истратила и ломаного гроша.

Пролетарии, напротив, посчитали эти репрессии справедливыми и правильными и ценой собственных жертв заставили свои слабые, алчные и малодушные правительства предоставить свободу рук большевикам, открыто заявившим, что они намерены ниспровергнуть устройство всех государств.

Теперь, когда смертность настигла русских пролетариев, в других странах, при условии что буржуа и пролетарии с одинаковой энергией желали бы защищать интересы своего класса, они должны были бы поменяться ролями, а именно: первые должны испытывать радость или хотя бы оставаться безразличными, должны воспрепятствовать правительствам обирать подданных ради ублажения большевиков, а вторые не особенно заботиться о бедствиях русских товарищей и не заставлять правительства оказывать им помощь.

Ничего подобного не происходит. По крайней мере отчасти, но эта часть очень большая³⁰. Буржуазия наружно или на деле демонстрирует свою неизбывную печаль, проливает слезы, приходит в отчаяние от красноречивых воззваний, например, Нансена³¹, который в ходе своих географических экспедиций освоил искусство управления и занимается сбором пожертвований частных и юридических лиц, чтобы помочь врагам буржуазии и, таким образом, косвенно содействовать большевистскому правительству в его затратах на пропаганду своих идей и подготовку новых войн.

Правда, некоторые придерживаются позиции Бриана³², по мнению которого (высказанному 18 октября 1921 г.), не следует забывать, что в годину опасности русский народ был с Францией вместе. Но это заявление как раз противоположно его выводу, потому что русский народ был расколот на две части. Одна из них, не совет-

³⁰ В Лиге Наций только сербский делегат нашел в себе мужество выступить против помощи России.

³¹ Фритъоф Нансен (1861–1930) – норвежский исследователь и натуралист. – *Прим. итал. ред.*

³² Аристид Бриан – французский политический деятель, с 1906 г. министр, впоследствии председатель Кабинета. Во время Первой мировой войны он был приверженцем Священного союза – между всеми партиями на время войны. В 1926 г. вместе с Густавом Штреземаном был удостоен Нобелевской премии мира. – *Прим. итал. ред.*

ская, которая хотела помогать республиканской Франции, и другая, которая хотела ее краха и после революции заключила мир с Германией, — это партия, враждебная первой, желавшей продолжения войны. Поэтому оказывать ей помощь сегодня, — это все равно что помогать врагам, а не союзникам.

Но этого мало. Наше рассуждение слишком примитивно, нужно пойти дальше.

Следует заметить, что группа, в просторечии именуемая буржуазией, не только не включает весь этот класс полностью, но и неоднородна; она делится на несколько частей. В ней есть наивные люди, вероятно, составляющие большинство, к которому относится то, что было сказано выше. Есть также фанатичные гуманисты, адепты божественного пролетариата, а также хитрые и предусмотрительные преследователи собственных интересов — этих мало, но они действуют эффективнее всех остальных. Среди них есть плутократы, которые хотят торговать с Россией и получать концессии и привилегии, отчасти за счет налогоплательщиков собственной страны, а также правители, стремящиеся с помощью уступок противникам утихомирить их и составить для себя парламентское большинство или достичь иных политических целей, как англичане, надеющиеся, возможно, напрасно, уберечь свои азиатские владения от большевистской пропаганды.

Следовало бы получить представление об этих и других подобных группах, оценить их влияние и уровень активности, чтобы предвидеть с достаточной степенью вероятности результат взаимодействия всех сил. Поскольку такое исследование невозможно провести в полном виде, остается провести его с доступным приближением, в меру имеющихся знаний, так что вероятность выводов будет во многом зависеть от глубины этого анализа.

Это общее соображение относится ко всем явлениям указанного рода, мы же рассмотрели здесь только один из частных случаев.

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ИТАЛЬЯНЦА¹

Прогнозы событий, как правило, строятся на синтезе разнообразных элементов. Некоторые из них, касающиеся отдельных случаев и вполне правдоподобные, являются плодом практического инстинкта, а не теоретических рассуждений. Другие, имеющие значение для определения основной тенденции движения, проистекают из теории. Во всех этих прогнозах, за редчайшим исключением, задействованы чувства, подталкивающие нас к предсказанию того, что для нас желательно или что соответствует нашим представлениям, нашим принципам, нашим предрассудкам. Экспериментальный и часто полуэкспериментальный элемент обычно присутствует, если не говорить о чистых пророчествах, впрочем, малопопулярных в наше время. В этой статье я буду использовать для изложения своей точки зрения только данные опыта.

Выводы, которыми экспериментальный метод снабжает нас для построения прогнозов, можно разделить на два больших класса. Первый из них имеет источником аналогии с событиями прошлого; он дает нам представление скорее о возможности, чем о вероятности будущих событий. Второй класс основывается на исследовании внутренней природы социальных феноменов, он знакомит нас с большей или меньшей вероятностью появления известных фактов, о возможности которого говорит нам первый класс предсказаний, или совершенно новых фактов.

Посмотрим, как можно использовать эти принципы.

Наше общество в некотором смысле сильно напоминает римское общество накануне падения республики. В частности, если не полное совпадение, то большое сходство заключается в господстве демоagogической плутократии.

Римские плутократы приобретали в комициях право выжимать соки из провинций, эти поборы позволяли им нести огромные рас-

¹ L'avenir de l'Europe. Le point de vue d'un italien // La Revue de Genève. 1922. 10 octobre. P. 438-448.

ходы для завоевания власти. Наши плутократы тоже не гнушаются расточительства ради того, чтобы склонить законодателей на свою сторону. Предвыборные расходы в Америке несколько не уступают по размаху римским. Поборы, порождаемые протекционизмом и государственным вмешательством, играют такую же роль, как стяжание римских проконсулов, хотя они менее произвольны, больше в ладу с правом и порядком.

Когда Рим ввязался в войны, которые после завоевания средиземноморского бассейна привели к торжеству демагогической плутократии, народ усомнился в правильности избранного пути. Тит Ливий говорит нам (XXXI, 6), что в 200 г. до Р.Х. «на первых комициях все центурии отвергли предложение начать войну с Македонией. Люди устали от долгой и тяжелой войны и не хотели слышать о трудах и опасностях». Трибун Г. Бебий обвинил сенаторов в разжигании непрерывных войн с целью помешать народу наслаждаться мирной жизнью. Однако в ходе повторных комиций сенату удалось склонить народ на свою сторону. В наши дни соперничество между плутократами также повлияло на развязывание и продление грандиозной войны. Теперь существует опасность новых конфликтов.

Некоторые аналогии прослеживаются даже в отдельных фактах. Например, многочисленные современные спекулянты прекрасно выражают тип, представленный римлянином М. Эмилием Скавром.

Сегодня по причинам, которые здесь было бы слишком долго описывать², цикл демагогической плутократии близится к своему завершению. Рано или поздно произойдет смена элит, поэтому не будет слишком смелым предположить, что этот цикл не продлится долго. Хотя мы можем судить об этом с большой степенью вероятия, нам мало что известно о форме, которую примет будущая трансформация. В Риме власть от комициев перешла к военной элите, однако социально-политические условия того времени слишком отличаются от наших, чтобы из сравнения можно было извлечь нечто позитивное. Некоторые писатели под впечатлением большевистской революции предрекают наступление нового Средневековья. Эта гипотеза не лишена правдоподобия, но узнать об этом можно будет по истечении долгих лет.

Одно безусловно: демократия находится в процессе глубокой трансформации. Этот феномен в разных странах проявляется по-разному. Во Франции он наименее заметен по сравнению с Англией и особенно Италией, не говоря уже о чрезвычайной ситуации в России.

² Я изложил их в моем «Трактате по общей социологии».

В конце XIX в., несмотря на мнение отдельных мыслителей, можно было верить, что нашим обществом будут управлять массы посредством всеобщего голосования и выборов в парламент. Сегодня видно, что власть масс скорее номинальна, чем реальна, что она все время съезживается, как власть конституционных монархов. Даже если допустить, вопреки утверждениям ряда авторов, что массы обладают общей волей, опыт показывает, что эта воля, при всем ее внешнем могуществе, на деле бессильна и выливается в пустоту вследствие ухищрений правителей. Может быть, она царствует, но она условно не управляет.

Война установила диктатуру правительств. В этом нет ничего необычного или предвещающего грядущую трансформацию. Другое дело, что по окончании войны диктатура правительств сохранилась. *Salus populi* (благо народа) служившее оправданием тогда, когда на кону стояли высшие интересы нации, гораздо менее пригодно для этого, если речь идет о второстепенных вопросах, таких как безработица, интересы отдельных производителей и их союзников или вообще интересы казны.

Во всякую эпоху законы подвергались изменениям в силу обстоятельств; это лишь вопрос меры.

Значительные изменения происходят по произволу диктаторов при таком режиме, который греки называли тиранией, или при анархическом хаосе; постепенные изменения при господстве того, что греки почитали как «номос», римляне как «лекс», а мы называем законом. Нельзя не заметить, что сегодня власть закона становится все слабее, близится момент, когда уважение к закону станет редким исключением. В Италии, например, благодаря множеству законопроектов надзорная власть парламента может превратиться в репрессивную, законодательная функция — в простую цензуру нормативных актов, издаваемых исполнительной властью. Не только министры, но и префекты возвышаются над Конституцией (Статутом), кодексами и законами, иногда их распоряжения приобретают обратную силу. Кассационный суд с присущим ему благоразумием неустанно констатирует неправомочность некоторых из этих распоряжений.

Аналогичные факты наблюдаются и в других странах. Оправданием этих мер служит чрезвычайная необходимость момента; все, что кажется полезным, объявляется срочно необходимым, причем делается ссылка на техническую неподготовленность парламента. Обоснованны эти оправдания или нет, остается фактом, что парламента, а следовательно, и массы, представительствами кото-

рых они являются или считаются, теряют свои законодательные функции.

Когда законная власть не справляется с обязанностями, которые состоят в том, чтобы поддерживать авторитет закона и защищать граждан и их права, появляются центры власти, не опирающиеся на закон. Это одна из причин, породивших секретные трибуналы в старой Германии, это главная причина зарождения фашизма в Италии. Данный феномен указывает на наличие определенных настроений, чрезвычайно характерных для Италии, но заметных и в других местах. Они могут повлечь важные перемены.

Если мы обратим свой взор на менее отдаленное будущее, то должны констатировать впечатляющий факт: силы, действующие на общество, почти не изменились. После мировой войны можно было рассчитывать на противоположное: должны были исчезнуть причины вражды и конфликтов между народами и воцариться мир и процветание.

К сожалению, эти надежды, в основном, не оправдались. Нитти написал книгу, озаглавленную «Европа, лишенная мира», а Ллойд Джордж потрясает перед уstraшенными народами эгидой греческой богини.

Мир сгибается под бременем неустойчивого равновесия в Германии, русской головоломки, уstraшающего пробуждения ислама, не говоря уже о менее существенных событиях, таких как крушение Австрии. Экономическое благоденствие никак не наступает; правда, произносятся прекрасные речи о возрождении Европы, но для народов было бы лучше, если бы им досталось хоть одно пшеничное зернышко, т. е. нечто несущее хотя бы малое облегчение.

Надо признать, что некоторые из упомянутых лихорадочных надежд были совершенно безосновательными. Например, как можно было в здравом уме полагать, что расточение огромных богатств, вызванное военными расходами, повлекло бы рост потребления и сокращение трудозатрат? Если бы сами по себе статьи Версальского договора привели к подобным результатам, это стало бы таким же чудом, как евангельское умножение хлебов и рыб.

Никто не в силах совершить невозможное. Однако те, кто не мог изменить реальность, захотели сохранить по крайней мере видимость. Были установлены зарплаты, гарантии, гонорары, которые исчислялись в условных деньгах и выглядели более высокими, чем если бы они выплачивались в товарном виде. Во многих странах это привело к девальвации валюты. В других, к выгоде правительства, обесценившиеся деньги были использованы для выплат старых

долгов, для прикрытия переноса богатств от одних социальных классов к другим и для создания образа внешнего благополучия, которое будет длиться недолго, но на какое-то время обеспечит общественно-политическую стабильность. Сегодня заметны признаки изменения этого положения вещей. Много говорят о восьмичасовом рабочем дне. Если вопрос нельзя решить напрямую, пытаются идти в обход. Заработная плата повсеместно снижается, сами рабочие признают, что ее нельзя сохранить на прежнем завышенном уровне. Перераспределение богатств близится к концу просто по причине их истощения. Например, в России и Австрии обесценивание денег привело ко всем возможным негативным последствиям, как это уже случилось в Германии.

Эти и другие подобные факты заставляют предположить, что восстановление экономического равновесия не за горами.

Нельзя сказать того же относительно товарообмена и транспорта. Если существует непреложный факт, то он заключается в том, что наблюдавшееся в XIX в. процветание было вызвано огромным ростом внешней и внутренней торговли, которому способствовало наличие дешевых транспортных средств.

Недостаточно производить недорогую продукцию, нужно еще получить доступ к сырью и продать товары. Но из этого вытекает, что принимаемые сегодня меры, ведущие к увеличению стоимости перевозок и создающие массу препятствий для товарообмена, неизбежно вызовут кризис благосостояния.

Есть вещи, на первый взгляд необъяснимые. В самом деле, ни одна страна не сможет долго платить другим, если для нее закрыт экспорт товаров. Об этом забывают, когда требуют от Германии выплачивать огромные суммы по ее обязательствам и одновременно ставят палки в колеса на пути ее экспорта, с тем чтобы помешать, как говорят, «наводнению» рынков немецкими товарами. Не вызывает сомнения, что защита от этого наводнения собственного рынка является целью каждой страны. Поскольку все придерживаются подобной политики, ее результатом является запрет на экспорт.

Следует добавить еще одно. Некоторые европейские народы считают жизненно важным для своей экономики открытие российского рынка, при этом они добровольно отворачиваются от гораздо более важных площадок. Они отказываются от доступной для них большей выгоды ради меньшей, которая им недоступна.

Следует заметить, что когда речь заходит о некоторых странах, существует обычай придерживаться такого общего правила, что следует отвергать продукцию стран со слабой валютой, при этом в других

случаях, а именно в случае России, с которой желают восстановить обмен во что бы то ни стало, это правило легко предается забвению, хотя она по справедливости может служить характерным примером страны с крайне нестабильным валютным курсом. Очевидно, впрочем, что обмен не мог бы осуществляться, если бы не поощрялся экспорт из России. Различие между сырьем и готовыми изделиями, которое пытаются в этой связи провести, является искусственным, ибо импорт российской сельскохозяйственной продукции в значительной мере относится к категории, представляющей угрозу для собственных рынков. Многие экономисты делают серьезную ошибку, полагая, что их наука может самостоятельно справиться с большей частью практических вопросов, получивших название *экономических*. Такую же ошибку совершают люди, воображающие, что они решат эти вопросы исключительно с помощью этических, политических, юридических и тому подобных соображений.

К сожалению, дело обстоит иначе. Взаимозависимость социальных феноменов приводит к тому, что почти все (если не все) связанные с ними проблемы должны решаться с использованием самых разных общественных наук.

Равным образом практические распоряжения правительств должны учитывать и экономическую ситуацию, и существующие настроения, чувства, идеи. Поэтому не стоит рассчитывать излечить Европу от ее сегодняшних недугов исключительно с помощью моральных, юридических, политических рецептов. Чтобы чего-то добиться, нужно соединить два вида лечения. Исторический материализм и идеализм в чистом виде содержат каждый по-своему долю истины и долю заблуждения.

Экономика часто ставит нам определенные границы, которые невозможно перейти. Другие науки указывают нам на те шаги, которые можно предпринять в рамках этих границ.

Экономика дает точки опоры, детерминированные расточением богатств и препятствиями, существующими на пути обмена. Для понимания явлений, наблюдаемых внутри этой сферы, их причин и свойств следует обратиться к социологии. Объединив эти два разных подхода, мы сможем объяснить прошлое и попытаться представить себе будущее.

Попробуем теперь разобраться в причинах, порождающих указанные выше противоречия. Не будем скользить по поверхности, углубимся в суть вещей. Мы заметим, что если провести различие между общим интересом и частными интересами, противоречие почти исчезнет. Плутократы и их помощники, как, впрочем, и те, кто их окру-

жает, в том числе политиканы, могут видеть выгоду во всех этих противоречащих друг другу мерах, которые в данном случае перестают противоречить друг другу и ведут к одной и той же цели. Ллойд Джордж, говоря о российском рынке, употребил выражение «охотники за концессиями». Если бы он обратил свой взгляд на соседние страны, то заметил бы там многочисленный отряд лиц, извлекающих выгоду из изменений таможенных тарифов, из устанавливаемых для них коэффициентов, из ограничений импорта, из различных субсидий, ежедневно обнаруживаемых изобретательной алчностью заинтересованных персон. Речь идет о практически постоянно действующем факторе, который будет давать о себе знать, пока сохраняются благоприятные условия.

Но не станем останавливаться на первом результате наших изысканий. Двинемся вперед и посмотрим, каковы, собственно, эти условия.

Подробный ответ завел бы нас слишком далеко; нам пришлось бы снова описывать весь цикл демагогической плутократии. Для нас достаточно подчеркнуть только одно обстоятельство.

После больших потрясений обычно наступает усиление протекционистских настроений. Герберт Спенсер отмечал его в связи с франко-германской войной 1870–1871 гг., а сегодня это явление приняло куда большие масштабы: все народы тяготеют не только к экономической, но и к духовной изоляции, повсюду правит бал ксенофобия. В этих условиях неизбежно появляются индивиды и организации, которые стремятся получить выгоду из господствующих настроений. Поскольку эти настроения меняются очень медленно, можно предвидеть, что до тех пор, пока в цикле демагогической плутократии не наступит перелом, не следует ожидать больших перемен.

То же самое и с еще большим основанием, поскольку речь идет о более общих принципах, мы можем повторить относительно политических условий. Склонность к благородным иллюзиям заставила нас предположить, что после мировой войны, завершившейся Версальским договором, *Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo*³.

К несчастью, мы ошибались. Мы видим, что среди народов сохраняется такое же расхождение в интересах, такое же соперничество, как и в прошлом. Генуэзская конференция во многих отношениях стала тем же, чем был Венский конгресс в 1815 г. или Веронский в 1822. Между ними есть масса примечательных совпадений. Напри-

³ «Сызнова ныне времен зачинается строй величавый». Вергилий. *Эклога IV*, 1. Перевод С. Шервинского.

мер, сегодняшние разногласия между Англией и Францией по поводу признания Советского правительства в точности воспроизводят споры относительно признания правительств испанских колоний в Америке, провозгласивших независимость. Даже такие подробности, как дискуссия о признании де-юре и о признании де-факто, повторяются в наши дни.

Эти совпадения неслучайны. Они вызваны тем, что тогда и сейчас действовали одни и те же силы; поскольку они больше дают о себе знать в Англии, чем во Франции, возникают разногласия между этими двумя странами. Англия — более торговая, промышленная, склонная к спекуляциям страна, чем Франция. Она питала надежду на получение больших прибылей благодаря открытию американских рынков. Франция нисколько не стремилась идти по этому пути. Такая же картина наблюдается сегодня в связи с открытием русского рынка.

Известно, что расчеты, которые строились вследствие открытия американских рынков, не оправдались. Напротив, около 1825 г. разразился тяжелейший экономический кризис. Но не все спекулянты оказались внакладе. Те, кто вовремя вытащил каштаны из огня, хорошо заработали на бирже. Нечто подобное может произойти после открытия российского рынка.

Пока что доверие, внушаемое Советами, не очень вдохновляет социалистов, в то время как кое-кто из плутократов поддался их пропаганде. Причину такого разного отношения нетрудно понять. Она кроется в лозунге плутократии: «Бизнес есть бизнес».

Интенсивно обсуждается вопрос о том, захочет ли и сможет ли Германия выплатить суммы, к выплате которых ее принуждает Версальский договор. Этот вопрос важен с точки зрения этики, юриспруденции и политики, но существует вероятность, что по той или иной причине эти выплаты не будут реализованы в полном объеме и что расходы на их исполнение значительно сократят чистый доход. Последствия этого трудно предугадать, но можно сказать, что скорее всего они будут очень тяжелыми.

Придется проститься не только с надеждой на экономическое процветание, но и со многими другими. Мираж эры всеобщего согласия тает на глазах. На Востоке сгущаются тучи. Следует отбросить предположение о том, что Германия покается и станет бить себя в грудь; нет такой силы на свете, которая могла бы заставить ее отказаться от попытки реванша. Стремление вовлечь Россию в орбиту буржуазного Запада пока не увенчались успехом. Общность политических интересов рано или поздно приведет к заключению союза между Гер-

манией и Россией. В настоящее время угрозы вторжения со стороны этих стран нет⁴, но неизвестно, что ждет нас в отдаленном будущем.

События истории повторяются с поразительным сходством. Рейн, например, можно было бы с полным правом назвать кровавой рекой. С древнейших времен до наших дней представители разных рас и культур вступали в бой на его берегах и обагрjali их кровью. Маловероятно, чтобы на этот раз история изменила свой ход.

Говоря о народах, живущих за Рейном, Тацит замечал: «Среди этих племен, не испытывающих к нам дружбы, может существовать и сохраняться внутренняя вражда. С точки зрения будущего [нашего] государства, судьба не может сделать нам лучшего подарка, чем раздоры среди наших врагов». По-видимому, об этом забыли деятели первой французской революции, правительства Наполеона I и Наполеона III, когда вольно или невольно содействовали установлению германского единства. По-видимому, об этом забыли и правительства западных стран, когда посредством Версальского договора укрепили это единство, вместо того чтобы ослабить его, и теперь они, сами того не желая, подталкивают Германию и Россию к союзу, хотя могли бы по крайней мере отсрочить его заключение.

Подобные явления характерны для цикла демагогической плутократии, и не только для него. О будущем забывают ради насущной выгоды или просто из нежелания затрачивать силы, пока это еще имеет смысл. Стоит напомнить об Афинах, которые не заметили роста и укрепления македонской державы, о народах средиземноморского бассейна, допустивших процветание и усиление Римского государства, которое позднее поработило их.

Эти факты представляют в другом свете судьбы народов и общее развитие цивилизации; она могла бы извлечь пользу из обстоятельств, которые привели к краху Афин и разрушению Карфагена. Если мы примем такую точку зрения, нам будет чрезвычайно трудно и даже невозможно предвидеть отдаленные последствия сегодняшних событий, но, пытаясь предугадать их, мы покинули бы пределы опытной науки.

⁴ В оригинале смысл противоположный, вероятно, пропущена частица «не». — *Прим. перев.*

ФЕНОМЕН ФАШИЗМА¹

Изучение фашизма, как и большинства других социальных явлений, наталкивается на трудности, связанные с их сложным составом, а также на особые трудности, основная из которых заключается в том, что одно и то же название используется для обозначения вещей разного порядка.

Фашизм предстает разным в зависимости от того, рассматривать ли его в период до или после «марша на Рим», а также переворота, который привел его к власти. Впрочем, сам фашистский дуче подчеркнул этот факт в журнале «Джераркия», охарактеризовав нынешнюю стадию как второй этап фашизма.

На первом этапе фашизм представляет собой стихийную и отчасти анархическую реакцию части населения на красную тиранию, которой правительство дало полную свободу, оставив частных лиц на произвол судьбы. В этот период фашизм не думает о теориях и не занимается теоретизированием; некоторые его приверженцы заявляют о том, что фашизм — это действие, а не идеология. С этой точки зрения его формирование и его роль вписываются в хорошо известный ряд фактов. Одна из главных целей любого правительства — это защита жизни и имущества граждан. Если оно пренебрегает этой обязанностью, в среде населения начинается движение, призванное заполнить пустоту. Этот феномен проявился в Германии в виде секретных трибуналов, в Средние века — в виде корпораций, а также Кортесов «*wehémicas*»².

Такое положение вещей обычно не может длиться долго, особенно у цивилизованных народов, для существования которых порядок абсолютно необходим. Рано или поздно прежнее правительство или, в случае его отсутствия, новое правительство приступает к выполнению функций, временно передоверенных частной инициативе.

¹ El fenómeno del fascismo // La Nación. 1923. 25 mars; Cahiers Vilfredo Pareto. T. I. 1963. P. 137–144, французский перевод: Le phénomène du fascisme // La Semaine littéraire. P. 419–420.

² Непонятное слово. Возможно, в тексте опечатка. — *Прим. перев.*

Таким образом, можно было предвидеть, что первый этап фашизма долго не продлится и уступит место новому порядку. Последний мог установиться в результате действий правящего класса, который тогда еще был у власти, или нового класса, т. е. противников фашизма, преобразившегося и ставшего органической доктриной государства, способного возродить авторитет правительства и общественный порядок. Таков был ход событий. Рассмотрим его причины.

Аналогичный вопрос подсказывает нам еще одно соображение в добавление к тому, которое мы проводили выше. Еще одна задача правительств — управление государственными финансами и экономикой страны. Следует повторить, что если они с ней не справляются, их неизбежно сменяют другие. Именно это можно было констатировать по поводу краха старого режима во Франции.

Итальянский правящий класс справлялся со своими обязанностями не лучше французского. Он понимал это и был подавлен осознанием своего бессилия. Он пытался действовать, но тщетно. Достаточно указать на Джолитти, который пришел к власти с программой восстановления авторитета государства и финансов. Но он простился с властью, не выполнив ни первую, ни вторую задачу. Его преемники также не добились успеха. Напротив, болезнь с каждым днем все обострялась, государственный корабль становился игрушкой ветра и волн. Парламент отправил в отставку правительство Факты³, но затем, не найдя подходящего кандидата в премьер-министры, был вынужден вернуть ему полномочия.

Чиновники уже не подчинялись этой власти. Честно говоря, государство утратило авторитет. По этой причине новый режим должны были установить фашисты или их противники. Первым это удалось. Почему же?

Одно различие между фашистами и их врагами сразу бросается в глаза. Последние стремились добиться немедленного результата, который удовлетворил бы их насущные потребности и принес материальную выгоду. Они боролись за овладение потребными им вещами и положением, не особенно задумываясь о будущем. В 1919–1920 гг. социалисты и их союзники находились на грани захвата власти; приложив небольшое усилие, они смогли бы распорядиться государственным аппаратом. Этого не случилось, потому что их силы растрачивались на завладение фабриками и землями, на сокращение рабочего дня, повышение зарплат, получение всевозможных сине-

³ Правительство Луиджи Факты (Luigi Facta) находилось у власти с 26 февраля по 1 августа 1922 г. — *Прим. перев.*

кур. Захват муниципалитетов был для них лишь возможностью грабить, делить налоговые поступления, повысить их сверх всякой меры и растратить средства благотворительных обществ и больниц. В какой-то момент Милан и Болонья стали маленькими государствами, независимыми от центральной власти. Это могло стать первой фазой ее завоевания, но стало кульминационным пунктом для тех, кто хотел извлечь выгоду из нового положения.

Разница с фашистами существенная. Конечно, в каждом стаде есть паршивая овца. Среди фашистов были личности, заинтересованные в быстром пополнении своего счета, но таких случаев насчитывалось немного. Подавляющее большинство вдохновлялись более или менее мифическим идеалом, национальными чувствами и государственной идеей в противовес демократической, псевдолиберальной, пацифистской и гуманистической идеологии. Большая часть фашистов, вероятно, испытывала довольно смутные и неопределенные позывы к действию, но их вожди, вернее, их вождь, твердо и умело направлял их к более важной и значимой цели — к захвату центральной власти. В тот момент, когда они к ней приблизились, была сделана попытка остановить их, предложив важные посты в правительстве. Муссолини отказался. Они хотели все или ничего, и получили все. Вот еще один пример действия закона, установленного нами в «Социологии» на основании многочисленных фактов, согласно которому побеждает группа, чьи вожди обладают комбинационным инстинктом и чьи адепты глубоко прониклись идеальными чувствами.

Поэтому Муссолини мог сказать, что его пастве присущ мистицизм подчинения. В этом утверждении много правды. После революции, которая привела фашизм к власти, индивидуальные и недостаточно организованные действия фашистов, за исключением отдельных случаев замешательства, впрочем, довольно редких, сменились твердой дисциплиной, продиктованной исключительно задачами центральной власти.

Другое различие между фашистами и их противниками вытекает из анализа экономических и финансовых условий. Все связанные с ними проблемы могут иметь два решения: первое направлено на извлечение максимальной экономической выгоды, второе — на удовлетворение определенных чувств и интересов. Слабые правительства, которые вынуждены рассчитывать преимущественно на алчность и известные предрассудки своих подданных, склоняются ко второму решению; только могущественные правительства, опирающиеся на вооруженную силу и глубокие идеалистические чувства, в состоянии твердо проводить первое решение.

Пока общество благоденствует и процветает, можно пренебрегать таким образом действий в пользу второго варианта, но когда богатство иссякает и наступают кризисы, жертвовать экономикой ради интересов и предрассудков становится опасно, ибо это ведет к катастрофе.

Можно сослаться на характерный пример революции, которая во Франции привела к падению старого режима.

Сейчас вся Европа переживает подобные сложности, ее правящий класс никак не может найти решение назревших проблем. В Италии такое решение пытается найти фашизм, сменяющий старый и полностью дискредитировавший себя правящий класс новым. Государственная власть находится в прострации. Фашизм стремится ее реанимировать. Будущее покажет, станет эта попытка началом новой эры или повторением старых ошибок, влекущих такую же анархию, как та, которая воцарилась в Средние века.

В настроениях людей после войны повсеместно, но особенно в Италии, наблюдается любопытная аномалия. Положение рабочих масс, несомненно, значительно улучшилось, о чем свидетельствуют введение восьмичасового рабочего дня и увеличение, иногда существенное, заработной платы. Напротив, положение мелкой буржуазии (прежде всего тех, кого называют интеллектуалами) в целом ухудшилось. В отдельных случаях можно говорить просто о нищете. Наверное, первые должны были бы благословлять войну, а вторые проклинать ее. Но происходит прямо противоположное.

Этому нетрудно найти объяснение. Трудящиеся массы воспринимают завоевания, достигнутые во время войны, как должное; они выдвигают новые требования, добиваются новых уступок, которые, благодаря крайне упрощенному пониманию социальных явлений, представляются возможными лишь при условии завладения богатствами других классов.

Последние, за небольшими исключениями, из которых самым главным являются плутократы, исповедуют религию патриотизма и национализма. Как и все верующие, они смиряются с жертвами, приносимыми вере, и тешат себя иллюзией, что все несчастья преходящи.

Фашизм возник в Италии именно для того, чтобы отчасти искоренить заблуждения в настроениях общественных классов. Он сумел дать религиозному национализму практическую цель защиты государства, социального обновления. В этом в конечном счете и заключается суть фашистской революции.

К общим причинам прибавляются частные, случайные причины, — одна из наиболее примечательных состоит в том, что фашизм в лице своего вождя обрел политического деятеля первой величины.

Диктатору очень сложно пользоваться властью одновременно с твердостью и умеренностью, избегать проявлений как слабости, так и экстремизма. Октавиан Август основал вековую империю благодаря неустанному соблюдению этих правил, Наполеон III потерпел крах из-за того, что пренебрегал ими, особенно во внешней политике.

Диктатура, установившаяся в результате революции, начинает с чистого листа, но затем сталкивается с массой трудностей. Враждебные силы, на время подавленные и вынужденные молчать, снова оживают и подают голос, угрожая власти. В Италии можно заметить пока еще слабые признаки такого движения.

Одна из проблем, плохо поддающихся решению, — это проблема свободы. Для установления диктатуры необходимо резко сузить свободу, но чтобы обеспечить режиму долговечность, требуется отчасти восстановить ее. Трудно отличить опасного противника от безобидного противника. Но к ним следует относиться по-разному: такова цена спасения.

Муссолини привнес во внешнюю политику большую долю умеренности. Можно было опасаться, что для начала он перевернет все вверх дном, однако он сумел отделить возможное от невозможного и в дальнейшем действовать, не отдаляясь от реальности.

О внутренней политике пока трудно судить с определенностью. Можно сказать только, что положено хорошее начало, сулящее успеха в будущем. Но на этом пути много подводных камней. Рано или поздно придется забыть о временных мерах и приступить к решению тяжелейших основополагающих проблем, а это потребует титанических усилий мысли.

Вот одна из главнейших опасностей, угрожающих новому режиму и новому порядку в целом⁴.

⁴ Парето делился со своим другом Панталеони: «В Италии намечаются пока еще слабые признаки того, что нас ждет не такое радужное будущее, как можно было рассчитывать. Применение силы таит в себе опасность злоупотреблений. Правильное применение нацелено на важные и необходимые вещи, злоупотребление выходит за эти рамки. Особенно грубой ошибкой было бы запрещение выражать свои мысли, хотя бы и пристрастные! Достаточно вспомнить правление Наполеона III и ему подобные». — *Прим. итал. ред.*

СВОБОДА¹

Термин «свобода» принадлежит к числу наименее определенных в ряду расплывчатых понятий, которые употребляются в повседневном языке для обозначения проблем, связанных с устройством общества, поэтому оно очень популярно и каждый понимает его по-своему. Требуя или отрицая свободу, он требует или отрицает при этом то, что ему нравится или не нравится.

Как я уже отмечал в другом месте («Социология», § 1554), «история использования термина „свобода“ довольно комична. Во многих случаях он означает прямо противоположное тому, что выражал пятьдесят лет назад, но рождает все те же чувства, т. е. указывает на благоприятное для слушателя положение вещей... Полвека назад в Англии

¹ Gerarchia. 1923. luglio. P. 1059–1063. В связи с этой статьей приводим следующее неопубликованное письмо:

«Иерархия

Ежемесячный журнал

Редакция, Милан, 15 мая 1923 г.

Многоуважаемый маэстро,

я находился в Тунисе, куда я сопровождал в качестве секретаря свою мать, и по возвращении нашел Вашу открытку, а поскольку мама еще отсутствует, я позволил себе ответить Вам как секретарь редакции «Иерархии».

Вы знаете, как мы горды числить Вас в рядах своих наиболее преданных сотрудников и с какой радостью встречаем вместе со всеми читателями «Иерархии» каждую Вашу статью. Поэтому я, с Вашего разрешения, ловлю Вас на слове и прошу Вас прислать нам статью «Свобода», о которой Вы упоминаете и которая так актуальна сегодня.

Чтобы опубликовать ее в 6 (июньском) номере журнала, необходимо, чтобы она пришла не позднее 25–28 числа текущего месяца. Надеюсь, что Вы пойдете нам навстречу и мы сможем опубликовать Вашу статью в ближайшем выпуске.

Не забывайте об «Иерархии», многоуважаемый сенатор, и продолжайте сотрудничать с нами.

Примите мою благодарность и сердечный привет. Ваш Амедео Сарфатти». — *Прим. итал. ред.*

называли либеральной ту партию, которая стремилась максимально ослабить все ограничения способности индивида располагать своей личностью и своим имуществом. Сегодня либеральной партией называют такую, которая стремится усилить эти ограничения». Далее следуют другие примеры, к которым мы можем теперь присоединить пример из истории Италии. Во времена Кавура так называемая либеральная партия требовала соблюдения свободы располагать своим имуществом, затем она стала ее все больше ограничивать, допуская захват земли и фабрик, а также множество других демагогических бесчинств в 1919–1920 гг., о чем теперь в сенате справедливо напомнил президент Совета [министров]².

На это можно возразить, что если многие либералы одобряли происходящее, то другие молча осуждали его, а то и — какая отвага! — дерзали порицать робкими речами. Но в реальности убеждения, не воплощенные в действительность, повисают в воздухе, становятся бесполезными. На память приходят стихи Джустини:

Представь, что четверо колотят меня
А двести зевак громко стонут в ответ,
Но стоят поодаль, не спеша сюда.
Теперь что делать, дай мне совет,
Когда четверо бешеных делают «да»,
А двести болванов говорят «нет».

Однако «четырем бешеным» 1919–1920 гг. противостоят не двести либералов, а другие бешеные, сначала организовавшие карательные экспедиции, затем «марш на Рим», готовые к борьбе, если вернутся дни 1919–1920 гг. Почему первых следует считать либералами, а вторых антилибералами? Непонятно. Конечно, верные сторонники пришествия пролетариата могут назвать первую партию полезной, а вторую опасной; но тут мы выходим за пределы либеральной догматики и вступаем в область общественной пользы, о чем теперь и поговорим.

Путаницу, которая существует вокруг термина «свобода» (*libertà*), умножают производные от него — «либерализм», «свобода торговли», «либеральная партия» (в противовес реакционной), «либеральный прогресс» и т. д.

Прения по этому поводу будут сотрясанием воздуха, так что если мы хотим ясности, то необходимо заменить эти расплывчатые термины более точными или хотя бы менее неопределенными.

² Муссолини. — *Прим. перев.*

В «Социологии» я отмечал и повторяю теперь, что слово *свобода* имеет «определенный смысл, означающий способность что-то делать или не делать и относящийся к двум вещам — к способностям данного индивида и к способностям других индивидов, отличающихся от него. Эти две свободы часто противостоят друг другу, поэтому защищая одну, мы нарушаем другую».

Аналогичным образом на протяжении 1919–1920 гг. свобода означала запрет на фашистское сопротивление власти красных, но теперь все наоборот: свобода требует допустить фанатичную оппозицию красных власти фашистов. Здесь проявляется хорошо известное свойство логики чувств, которая, вопреки обычной логике, допускает сосуществование двух противоречащих друг другу положений.

Простая замена мифологического термина «свобода» опытным понятием «способность сделать» позволяет освободить его от догматических наслоений и понять, что общественная польза способности что-то сделать вытекает из массы обстоятельств, поэтому следует поставить на место абсолютного относительное.

Так отчасти и приходится поступать всегда, ибо реальность в конце концов вносит свои более или менее существенные поправки в суждения, основанные на вере и метафизике. Политические свободы были постепенно отделены от гражданских, от свободы мысли и т. д. Теперь можно двинуться дальше и попытаться ввести в данном случае, затрагивающем конкретные проблемы, количественные параметры взамен качественных. Бесплезно, например, задавать вопрос, нужна или не нужна свобода мысли, следует понять, в чем ее преимущества и в чем недостатки.

Так, почти во все времена и почти у всех народов существовало понимание того, что исключительным обстоятельствам соответствуют исключительные правила разрешенного и дозируемого — свободы и запретов; число примеров подобных ситуаций безмерно — от диктатуры у древних римлян до чрезвычайного положения современности. Достаточно поверхностного взгляда, чтобы увидеть, как от крайней свободы переходят к запретам или принуждению; здесь речь идет уже не о качественном суждении, а о количественной теореме, о пределе, у которого следует остановиться.

Переходя от общего к частному, следует установить, не слишком ли затянулась диктатура фашизма и должен ли он за нее цепляться; нужно ли ему подражать Керенскому и подготовить почву для будущего Ленина; сулит ли то, что он запрещает или навязывает, больше выгод или потерь. Этот вопрос, с точки зрения приверженцев экспериментального метода, может быть решен только с помощью

фактических данных, а не сентиментальных декламаций о свободе или о достоинствах либеральной партии, которая часто является таковой лишь по названию, а не по сути.

Я знаю, что то, что я скажу, вызовет осуждение многих, но для меня это неважно; мне было бы неприятно и тяжело сознавать, что отклоняюсь от опытных данных. Диктатура пролетариата плоха не тем, что это диктатура; напротив, эта форма правления может быть полезна для нации; однако от нее следует отказаться ввиду ее несостоятельности по сравнению с другими диктатурами. При этом не стоит пускаться в моральные рассуждения о происках врагов, ставивших ей палки в колеса и мешавших ее успехам, потому что хорошо лишь то учреждение, которое может восторжествовать над трудностями и победить врагов.

Единство Италии было обеспечено буржуазной диктатурой, которая была хороша в известных пределах не просто потому, что это была диктатура, но поскольку она привела до известной степени к полезному результату. Это нетрудно увидеть, сравнив состояние Италии перед 1859 г. и после мировой войны, потому что она захотела, сумела и смогла победить внутренних и внешних противников и преодолеть поистине грандиозные препятствия, например, в лице папства в Риме, поддерживаемого католицизмом во всем мире.

Фашистское правление хорошо не просто тем, что это диктатура; напротив, оно может быть отвратительным, как любая другая диктатура, при плохом диктаторе; но его результаты до сих пор были превосходными, потому что положение в стране улучшилось по сравнению с периодом красной тирании 1919–1920 гг.

Что нас ждет в будущем? Точный ответ дадут только факты; но не исключено, что прогнозы могут быть сделаны с большой степенью вероятности и они будут благоприятными, если будущее окажется похожим на прошлое.

Впрочем, не следует забывать о серьезных опасностях на этом пути. Некоторые члены движения утратили благоразумие его руководителей, например, пускаясь в международные авантюры, подобные тем, которые привели к краху вторую французскую Империю, злоупотребляя применением силы, допуская произвол. Следовать по правильному пути помогла бы свобода печати.

Есть и другие опасности, прежде всего связанные с теми, кто под личиной дружбы действует (может быть, и невольно) не как друг; кто внешне поступает во благо, вероятно, этого и хочет, но на деле совершает зло.

В частности, вызывает опасения путь, по которому идут, увеличивая налоги на сельских хозяев и собственников или притесняя их другим способом ради выполнения неких моральных предписаний или финансовых заповедей. Сельские хозяева представляют собой главный фактор стабильности нации, поэтому у правительства не остается другого выбора, как либо опереться на них, либо видеть в них подрывные элементы; власть не может сидеть между двух стульев.

Еще один пример. Существует угроза пойти на поводу у католической партии, которая требует больше того, что хочет и может дать, и потому создает немалую опасность, как уже бывало в других странах, в частности во Франции во времена Реставрации и Второй империи, не говоря о других. В Италии эта партия кажется более умеренной, но и она стремится распространить публичную власть за пределы, исторически оправданные с точки зрения пользы для нее и для нации. Воскликания по поводу безнравственной литературы, стремление внедрить католический дух в школу и тем более сожжение протестантских библий являются крайностями, которые пока неопасны, но со временем могут перерасти в нечто напоминающее внутренние миссии французской Реставрации или, если говорить о более близких к нам временах, клерикальные манифестации при президентстве маршала Мак-Магона³.

История недвусмысленно демонстрирует, что ограничения религиозной свободы сулят скорее неприятности, чем выгоды. Для религиозного чувства вообще гораздо опаснее фанатизм, чем терпимость. Государство должно уважать все религии, в том числе свободомыслие, и ни в коем случае не пытаться навязать какую-либо из них силой. Точно так же если свобода образования может быть ограничена в начальной школе и может быть неполной в средней, то ее нельзя стеснять в университетах и запрещать преподавать в них теории Ньютона, как и теории Эйнштейна, теории Маркса и исторической школы. Я хотел бы добавить, но только чтобы меня не слышали ректоры наших университетов, что с точки зрения логико-экспериментальной науки теории Маркса столь же важны, как и теории многих противников социализма, или присяжных социалистов, весьма ценимых демагогической плутократией и столь удачно высмеянных блаженной памяти Ж. Сорелем, а также теории гуманистов, или толстовцев.

³ Мари-Эдм-Патрис де Мак-Магон (1808–1893) – маршал Франции, второй президент Французской республики с 1873 по 1879 г. – *Прим. итал. ред.*

Если я не ошибаюсь, серьезной ошибкой было бы чрезмерное затягивание конституционных реформ, которые рано или поздно должны прийти на смену реформированию избирательной системы и другим подобным мерам, останавливающимся на поверхности и полезным лишь постольку, поскольку они подготавливают коренные перемены, облегчают их и способствуют их оформлению. Однако не следует при этом стремиться к внешним изменениям: наружную форму, чтобы не задевать привычные настроения, лучше сохранять, как было в Древнем Риме и в Новой Англии.

Как я уже отмечал в статье о законности, опубликованной в этом журнале, противники фашизма, требующие определиться с тем, что дозволено и что не дозволено, правы, если говорить о длительном отрезке времени; но они неправы, если настаивают на этом в момент продолжения жестокой битвы. В этот момент дозволено только то, что не грозит поражением, и наоборот.

В прошлом веке была популярна противоположная точка зрения, которую до сих пор многие разделяют. Вкратце она заключается в том, что хорошим и либеральным считается правительство, опирающееся на волю большинства индивидов, составляющих нацию. Этих индивидов отбирали по определенным критериям, которые теперь уходят в прошлое; ограничения сохраняются только в отношении возраста, но не пола, это называется всеобщим избирательным правом.

Мнение о том, каким образом должна выражаться воля народа, может быть различным. Кое-кто предпочитает прямую демократию, другие склоняются к парламентскому правлению и изобретают множество ухищрений для его укрепления, порождающих все новые надежды, которые никак не сбываются, потому что нельзя налить из бочки вино, если его там нет. Все это указывает на некоторое ослабление веры в достоинства парламентского правления.

Фашизм не является только итальянским феноменом. Это просто наиболее заметное выражение настроений, все более распространяющихся повсеместно; они будут расти тем сильнее, чем очевиднее будут становиться недостатки парламентаризма и преступления демоagogической плутократии.

Изложенные теоретические постулаты, оправдывающие общественно-политический строй, который утвердился в наше время, могут быть одобрены чувствами, но экспериментальная логика их отвергает и указывает на то, что большинство народа не способно проявить собственную волю, тем более направленную на благо нации. Благоденствие последней достигается всегда с помощью меньшин-

ства, навязывающего свои верования с опорой на силу, нередко путем установления диктатуры определенной группы, аристократической элиты, партии, нескольких человек или одного лица. Вера и сила взаимозависимы, вторая нужна, чтобы обеспечить первую; можно и иногда полезно не делать акцента на силе, но она должна присутствовать. При диктатуре не нужно равенства; напротив, она устанавливает разного рода иерархии, как можно убедиться на примере Древнего Рима.

При толковании событий в заблуждение вводит то обстоятельство, что большинство в конце концов принимает, не очень вникая в суть, такое правительство, которое выполняет задачи, полезные с точки зрения тех, кто способен их понять, кому они выгодны. Из этого вытекает, что правительство меньшинства воспринимается как правительство масс; возможно, оно таковым и является в известном, не совсем привычном смысле, потому что эти массы одобряют его власть.

Сегодня мы достигли такой точки, когда в туманном будущем можно разглядеть зачатки трансформации демократии, парламентаризма, цикла демагогической плутократии; Италия, которая была родоначальницей стольких форм цивилизации, может внести свой решающий вклад в становление еще одной из них.

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ
Перевод с итальянского *Марка Юсима*

Корректор *Н. Селина*
Оформление серии *В. Коршунов*
Верстка *М. Минина*

Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 12/1, стр. 1

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-91129-062-7

9 785911 290627